

В О И Н А

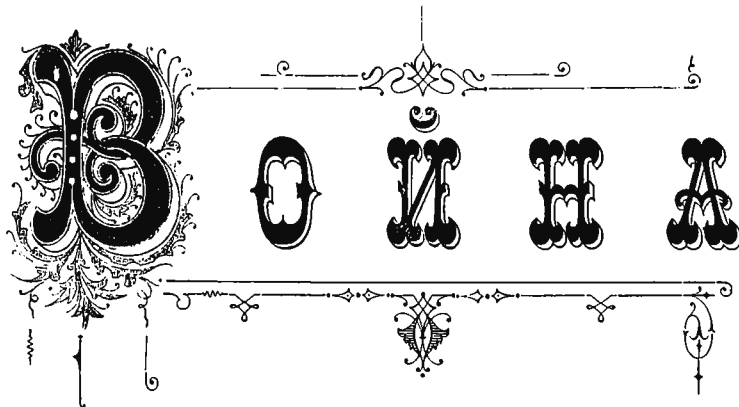
1877 и 1878 гг

Выпускъ IV^я

Изданіе редакціи
„Досугъ и Дѣло“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), Фонтанка, 99.
1880.

1877 и 1878 гг.

Выпускъ IV^н.

Издание редакціи
„Досугъ и Дѣло“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1880.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Февраля 1880 года.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), по Фонтанкѣ, № 99.

ШИБКИНСКОЕ СИДѢНЬЕ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Положеніе дѣлъ подѣ Плевною въ началѣ сентября. — Прибытіе генераль-адъютанта Тотлебена. — Его распоряженія. — Двѣ атаки Плевницы.

Пятидневный августовскій бой подѣ Плевною*), не смотря на весь героизмъ нападавшихъ и на нѣкоторые частныя успѣхи ихъ, въ концѣ концовъ положительно выяснилъ, если не невозможность взятія Плевны открытою силою, то, во всякомъ случаѣ, немовѣрную трудность этого дѣла. Сколько бы войскъ ни ввели вновь въ дѣло и съ какимъ бы искусствомъ ни повели опять атаки на плевненскіе окопы, всякая попытка въ этомъ родѣ неминуемо должна была окончиться огромнымъ урономъ. А потери наши и безъ того уже были такъ велики, что о новыхъ, даже въ случаѣ полного успѣха, страшно было и думать. При этомъ нужно еще помнить, что въ будущемъ можно было ожидать гораздо болѣшихъ потерь, такъ какъ плевненскіе защитники съ каждой битвою пріобрѣтали все болѣшую боевую сноровку и все болѣе свыкались съ относительно безопаснымъ сидѣніемъ за траншеями, тогда какъ наступавшіе, послѣ всѣхъ претерѣнныхъ неудачъ, пылали страшнымъ гнѣвомъ, и, старая нетерпѣніемъ отомстить врагу, легко могли подвергнуть себя новой опасности и риску...

Словомъ, армія Османа-паши такъ врылась въ землю и такъ освоилась съ своимъ положеніемъ, что казалась самымъ хладнокровнымъ людямъ неуязвимою...

Въ виду этого, еще 1-го сентября, на другой день послѣ третьяго плевненскаго боя, въ средѣ русскихъ генераловъ возникъ тревожный вопросъ объ умѣстности пребыванія русскихъ войскъ подѣ Плевною... На военномъ совѣтѣ, происходившемъ въ тотъ же день у Царскаго валика, неподалеку отъ Гривицы, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ, а

вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшена была и вся дальнѣйшая судьба кампаніи. На этомъ совѣтѣ, въ которомъ принимали участіе: Его Высочество Главнокомандующій, военный министръ, генераль-адъютантъ Непокойчицкій, командиръ 4-го корпуса генераль-лейтенантъ Зотовъ свиты Его Величества генераль-маіоръ Левицкій, — разсуждалось о томъ, слѣдуетъ ли возобновить штурмъ, или пріостановить кровопролитіе и даже бросить Плевну, съ тѣмъ, чтобы не вовлекаться въ зимнюю кампанію, распредѣлить войска по зимнимъ квартирамъ и отложить военныя дѣйствія до будущаго года... Такое рѣшеніе было бы разорительно и прискорбно. Военный министръ, вслѣдъ за генераль-маіоромъ Левицкимъ, болѣе всѣхъ настаивалъ на томъ, чтобы военныхъ дѣйствій противъ Плевны не прекращать, а стараться овладѣть Плевною и, для этой цѣли, воспользоваться значительными силами, съ каждымъ днемъ прибывавшими изъ-за Дуная*). Мнѣніе это, какъ извѣстно, восторжествовало.

Спустя пять дней послѣ этого, 6-го сентября, въ Горномъ Студенѣ вновь собирался военный совѣтъ, на которомъ было постановлено: отказаться отъ дальнѣйшихъ штурмовъ, какъ ни были они заманчивы для боевой отваги, а заблокировать Плевну и для этой цѣли немедленно вызвать изъ Петербурга извѣстнаго инженера, генераль-адъютанта, нынѣ графа, Тотлебена.

Извѣстіе о такомъ рѣшеніи быстро распространилось въ войскахъ, и у всѣхъ на душѣ стало легче. Правда, было еще не мало горячихъ головъ, желавшихъ немедленной отместки врагу, причемъ неудачи прежнихъ попытокъ въ этомъ родѣ объяснялись

*) Съ 27—31 августа.
вып. IV.

*) Какъ извѣстно, еще послѣ второй плевненской битвы, 20-го іюля, была объявлена мобилизація гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ и многихъ другихъ частей.

просто допущеніемъ съ нашей стороны нѣкоторыхъ ошибокъ. Ошибки эти, безъ сомнѣнія, существовали; какъ на таковыя можно указать, на примѣръ, на слѣдующія неблагопріятныя условія, сопровождавшія прежніе наши штурмы Плевны: недостаточность силъ, разброска ихъ, разрозненность атаки, несоотвѣтственное направленіе ея, неумѣнье воспользоваться превосходствомъ въ числѣ нашей артиллеріи и кавалеріи, быстрое расходованіе резервовъ, неправильный способъ наступленія и атаки въ лобъ, не пользуясь закрытіями, почти безъ стрѣльбы, чуть не батальонными колоннами. Но при всемъ томъ голосъ благоразумія говорилъ каждому, что теперь и по устраненіи всѣхъ этихъ ошибокъ едва ли можно было подѣлать что-либо противъ плевненскихъ твердынь, а главное — безъ громадныхъ потерь... И волей-неволею при-

шлося всякому помириться хотя и съ менѣе быстрымъ, но за то болѣе дѣйствительнымъ способомъ отместки непріятелю — блокадою Плевны...

Къ обложенію Плевны и приступлено было тотчасъ же по выше-

упомянутомъ рѣшеніи военнаго совѣта, еще до прибытія подъ Плевну генерала Тотлебена и подкрѣпленій. Но, само собою разумѣется, что о полномъ обложеніи плевненскихъ позицій въ настоящемъ случаѣ не могло быть и рѣчи. Русско-румынскія войска, въ числѣ 50 или 60 тысячъ человекъ*), занимали тогда позиціи къ востоку и къ сѣверо-востоку отъ Плевны, причѣмъ осаждающая пѣхота занимала едва треть всей окружной плевненской линіи, такъ

*) 9-й корпусъ, генерала Криденера, — 12,000 чел.; 4-й корпусъ, генерала Зотова, — 19,000 чел.; корпусъ румынъ 25,000 чел. При этомъ нужно замѣтить, что плевненскій турецкій гарнизонъ считался въ то время отъ 60 до 70 тысячъ человекъ.

что за большею частію окрестностей можно было наблюдать только посредствомъ кавалеріи. Сверхъ того, осаждающая армія, какъ бы сознавая свою малочисленность, заботилась пока больше о собственной оборонѣ, нежели о блокадѣ непріятеля, вслѣдствіе чего дуга нашихъ позицій передъ Плевною не была сплошною. Въ одномъ мѣстѣ мы далеко выдвигались впередъ, въ другомъ — оставались позади; нѣкоторыя батареи стояли такъ далеко отъ непріятельскихъ позицій, что дѣйствіе нашихъ орудій на послѣднія было ничтожно. Мы скорѣе стрѣляли для собственного ободренія; турки же подъ этимъ огнемъ могли спать спокойно.

Ближе всего къ непріятельскимъ позиціямъ придвинулся нашъ правый флангъ, образуемый румынами. Слѣдуетъ сознаться, что они приняли тогда

же всѣ мѣры для того, чтобы не только дать туркамъ энергической отпоръ, въ случаѣ перехода послѣднихъ въ наступленіе, но и по возможности стѣснить ихъ положеніе на сосѣднемъ редутѣ, получившемъ названіе „Плев-

Квартира Государя Императора въ Горномъ Студенѣ.

ниці“ На полторы версты къ востоку отъ Гривицкаго редута, занятаго румынами, вся почва буквально была изрыта стрѣлковыми ровиками. Каждые сто шаговъ встрѣчалась оборонительная линія, а по сторонамъ ея ложементы, что давало возможность выгодно обстрѣливать съ фланговъ наступающаго непріятеля. Такіе же ровики находились и въ сѣверо-западномъ направленіи отъ редута. Затѣмъ, прямо въ южномъ направленіи отъ редута тянулся по долинкѣ, почти до высоты деревни Гривицы, другой рядъ укрѣпленій, состоявшій изъ небольшихъ, но весьма солидныхъ редутовъ, соединенныхъ между собою опять стрѣлковыми ровиками. На продолженіи этой линіи, почти въ самой долинкѣ, сооруженъ

былъ третій редутъ, а въ 250 шагахъ приблизительно отъ послѣдняго — еще одинъ, притомъ самый большой редутъ, откуда тянулись стрѣлковыя ровики и батареи въ сѣверномъ направленіи до высоты Гривицкаго редута, вполне параллельно вышеописанной линіи. Наконецъ, прямо въ западномъ направленіи отъ редута, къ сторонѣ турецкихъ укрѣпленій, приступлено было къ сооруженію параллелей и двойныхъ апрошей, съ цѣлю приближенія къ турецкому редуту „Плевницѣ“ Все это дѣлало переходъ турокъ въ наступленіе съ этой стороны (т. е. въ восточномъ направленіи) невозможнымъ и значительно стѣсняло пребываніе ихъ въ смежномъ съ румынскими позиціями редутѣ.

Совсѣмъ иное положеніе занимали наши войска въ центрѣ, къ юго-востоку отъ Плевны. Артиллерія и пѣхота продолжали здѣсь занимать свои прежнія позиціи, только нѣсколько батарей были выдвинуты впередъ. Но и здѣсь повсюду проглядывало стремленіе окопаться для того, чтобы встрѣтить непріятеля за хорошими прикрытіями, хотя въ этомъ отношеніи здѣсь не было сдѣлано столько, сколько на правомъ флангѣ, у румынъ. Въ окрестностяхъ Радищева въ особенности видны были весьма солидно устроенныя прикрытія для артиллерійскихъ запасовъ, а также для пѣхоты. Высота къ сѣверу отъ Радищева была усѣяна стрѣлковыми ровиками. Но во всякомъ случаѣ, въ сравненіи съ правымъ флангомъ, центръ нашъ значительно отступалъ назадъ и тутъ не видно было непреклоннаго намѣренія сблизиться съ непріятельскими позиціями.

Лѣвый нашъ флангъ, т. е. вся мѣстность между Радищевымъ и Тученицкимъ оврагомъ, была также усѣяна русскими укрѣпленіями. Въ этомъ направленіи встрѣчались повсюду не только столь любимыя обѣими сторонами стрѣлковыя ровики, но и еще большой солидный шанцъ для артиллеріи и пѣхоты, который, будучи воздвигнутъ на разстояніи одной версты къ югу отъ Радищева, могъ обстрѣливать не только тянущіяся въ западномъ направленіи высоты („Зеленныя горы“), но и всю мѣстность подъ Плевною. Но и этотъ шанцъ, очевидно, сооруженъ былъ только съ оборонительною цѣлю. За Радищевомъ, по направленію къ Тученицѣ, расположены были большія массы войскъ, которыя начинали дѣлать приготовленія къ зимовкѣ: вмѣсто па-

латокъ, повсюду устраивались землянки; это—мѣсто стоянки 16-ой дивизіи генерала Скобелева.

Что же касается нашего лѣваго крыла, то здѣсь почти все осталось по-прежнему. Высоты къ югу отъ Плевны („Зеленныя горы“) не находились въ рукахъ русскихъ, но, по-видимому, и турки не занимали ихъ большими силами, такъ какъ никому не удавалось замѣтить тамъ ни одного турка. Они были ревностно заняты исправленіемъ и усовершенствованіемъ редутовъ, отнятыхъ 31-го августа у генерала Скобелева. Передъ этими редутами была вырыта ими бездна стрѣлковыхъ ровиковъ, которые тянулись до самой Плевны. За этими редутами, по-видимому, сосредоточены были значительныя массы турецкихъ войскъ; но въ этомъ отношеніи трудно было узнать что-нибудь положительное, такъ какъ турецкія палатки разбиты были между деревьями, и поэтому не было никакой возможности пересчитать ихъ.

Таково было расположеніе осаждавшей пѣхоты въ началѣ сентября. Положеніе это не только не отвѣчало вполне цѣлямъ блокады, но и оставляло почти совершенно открытою всю мѣстность къ югу и къ западу отъ Плевны. Правда, за мѣстностью этою наблюдала наша кавалерія въ значительномъ числѣ*), но „наблюденіе“ далеко еще нельзя было назвать „обложениемъ“, возможнымъ, въ данномъ случаѣ, лишь при участіи пѣхоты, которая въ упомянутой мѣстности отсутствовала.

Все это давало возможность плевненскому гарнизону, при нѣкоторомъ усилии, сохранить сообщеніе съ Раховомъ по лѣвому берегу р. Вида и съ Софіею и даже Константинополемъ—двумя дорогами: по плевно-софійскому шоссе, чрезъ Дольній и Горній Дубняки, Телишъ, Луковцы, Яблоницу и Орханіе, и по правому берегу р. Вида, чрезъ Торосъ, Турскій Изворъ, Тетевень и Златицу. Означенные пути составляли, можно сказать, жизненную артерію Плевны, такъ какъ для прокормленія и боеваго снаряженія 50—60-тысячной арміи въ Плевнѣ требовался огромный ежедневный подвозъ провіанта и снарядовъ. По тѣмъ же путямъ Османъ-паша могъ получать подкрѣпленія войсками, вывозить своихъ раненыхъ и больныхъ и, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, отсту-

*) Кавалерійская дивизія генерала Лошкарева и сборный кавалерійскій корпусъ генерала Крылова.

нить изъ Плевны на Балканы. Словомъ, пока Османъ-паша держалъ еще въ своихъ рукахъ этотъ послѣдній ключъ къ Плевнѣ—софійскую дорогу,—до тѣхъ поръ, собственно говоря, не могло быть и рѣчи о блокадѣ Плевны.

Понятно, что турки, отлично сознавая важное значеніе этого единственнаго для нихъ пути отступленія и средства полученія разныхъ запасовъ, употребляли всѣ старанія, чтобы укрѣпить и обезпечить его за собою. Съ этой цѣлю въ Орханіе сформированъ былъ особый корпусъ, подъ начальствомъ Шевкета-паши. Что же касается до укрѣпленій, возведенныхъ турками для защиты софійскаго шоссе, то они начинались у самаго города Плевны, именно у каменнаго моста, ведущаго черезъ рѣку Видъ. Этотъ мостъ защищался такъ называемыми предмостными укрѣпленіями, расположенными на ближайшихъ къ мосту высотахъ; изъ этихъ укрѣпленій самое значительное находилось на возвышенности близъ деревни Опанецъ, сѣвернѣе Плевны. Затѣмъ всѣ селенія вдоль софійскаго шоссе были заняты турецкими отрядами всѣхъ трехъ родовъ оружія. Въ селеніяхъ Дольнемъ и Горнемъ Дубнякахъ, Телишѣ, Луковцахъ, Яблоницѣ и Орханіе воздвигнуты были редуты для артиллеріи и накопаны ложементы и ровики для пѣхоты. Турецкіе транспорты, двигавшіеся по шоссе отъ селенія къ селенію, прикрывались обыкновенно густыми колоннами кавалеріи и пѣхоты при орудіяхъ, причемъ кавалерія держала по сторонамъ дороги разъѣзды, для предупрежденія неожиданнаго нападенія. Съ цѣлю придать транспорту меньшее протяженіе, обозъ шелъ очень часто въ четыре ряда, или же, въ виду той же цѣли, отправлялось отъ одного этапа до другаго періодически повозокъ 50—100. Едва показывалась при этомъ гдѣ нибудь вблизи шоссе русская или румынская кавалерія, пѣхотный конвой турецкаго транспорта немедленно сходилъ съ шоссе въ сторону, вмѣстѣ съ орудіями, и выстраивался въ боевой порядокъ на двойное и тройное расстояние ружейнаго выстрѣла отъ транспорта; тотчасъ же посылался въ сосѣднюю деревню гонецъ за подкрѣпленіями, а изъ деревни, посредствомъ условныхъ знаковъ, флаговъ или зажженныхъ пучковъ соломѣ, давали знать въ Плевну, что непріятель приближается къ шоссе, — и изъ Плевны выходили войска на помощь транспорту. Такимъ образомъ каждое селе-

ніе на софійскомъ шоссе грозило ежеминутно обратиться въ крѣпость и каждый пунктъ на шоссе во время движенія турецкаго транспорта могъ стать мѣстомъ продолжительнаго и ожесточеннаго боя.

Понятно, что на подобной мѣстности трудно было удержаться нашей кавалеріи, и обложеніе Плевны съ этой стороны въ данномъ случаѣ было еще впросомъ далеко не рѣшеннымъ.

Что же касается до сообщенія Плевны съ Софіею по правому берегу р. Вида на Златицу, то путь этотъ, ведущій отъ Тетевенскаго прохода въ Балканахъ, черезъ Леседру, Изворъ и Торосъ, служилъ этапнымъ путемъ исключительно для турецкихъ подкрѣпленій, шедшихъ партіями и командами изъ-за Балканъ къ Плевнѣ. Въ виду трудной проходимости изъ Златицы въ Тетевень, путь этотъ доступенъ былъ только пѣхотѣ безъ повозокъ, а кавалеріи въ одинъ конь, въ поводу. Обыкновенно турки проходили его отъ Тетевеня до Извора въ беспорядкѣ, растянувшись по всей дорогѣ, а въ Изворѣ собирались въ команды и слѣдовали до Тороса, гдѣ въ бродѣ переходили рѣку Видъ. Многіе пункты на этомъ пути были также довольно сильно укрѣплены.

Подобныя же сношенія вели турки изъ Плевны съ Раховомъ, Виддиномъ и Врацою, гдѣ у нихъ хранились значительные склады разныхъ запасовъ.

Все это показываетъ, до какой еще степени далека была армія Османъ-паши отъ стѣсеннаго положенія въ Плевнѣ по обложенію ея русско-румынскими войсками, въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Кавалерія наша, разумѣется, старалась по возможности парализовать эти свободныя сношенія плевненскаго гарнизона со всею западною Болгаріею и даже съ Константинополемъ; но по многимъ причинамъ ей не удалось вполне достигнуть этого.

Какъ извѣстно, за рѣку Видъ, на софійскую дорогу, была переправлена, еще во время августовскихъ боевъ (27-го августа) кавалерійская дивизія генерала Лошкарева вмѣстѣ съ дивизіею румынской кавалеріи *). Но на этотъ кавалерійскій отрядъ возлагалась тогда задача не столько обло-

*) Собственно въ составъ отряда генераль-маіора Лошкарева входили: 8-й и 9-й драгунскій, 9-й уланскій и 7-й казачій Донской полки, при двухъ конныхъ № 16-го и Донской № 2-го батареяхъ, два полка рашіоровъ и два полка №№ 5-го и 6-го каларашей съ румынскою конною батареею.

женія Плевны, сколько демонстрація нападенія съ западной стороны, съ цѣлю облегченія предположеннаго дѣйствія съ востока. Однако на появленіе массы кавалеріи съ западной стороны турки тогда же обратили особое вниманіе. Какъ извѣстно, на глазахъ кавалеріи турки усиливали войска, стоявшія на западномъ фронтѣ плевненской позиціи, у моста на р. Видѣ; усилили работы по возведенію укрѣпленій на западныхъ высотахъ; наконецъ предприняли нѣсколько наступленій въ направленіяхъ къ Дольнему Дубняку, Дольнему и Горнему Нетрополю, гдѣ кавалерія наша, раздѣленная на отряды, занимала позиціи полукругомъ, фронтомъ къ Плевнѣ. Въ противоположномъ направленіи отъ этого фронта были высылаемы болѣе или менѣе сильныя развѣдочныя партіи; отъ одной изъ послѣднихъ получено было донесеніе, что у Горняго Дубняка (т. е. верстахъ въ 7—8 позади нашего отряда) находится также довольно сильный турецкій отрядъ, тысячъ въ 10 человекъ. Кавалерія наша ограничилась тогда только занятіемъ оборонительной, и, нужно сознаться, довольно опасной, позиціи, почти у самой Плевны, фронтомъ на югъ; поиска же въ указанномъ направленіи, съ цѣлю удостовѣриться въ столь важномъ донесеніи, не производила. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ нашихъ развѣздовъ съ мелкими партіями черкесовъ и башибузуковъ, въ пространствѣ между рр. Видомъ и Искеромъ, кавалерійская дивизія генерала Лопшкарева была переправлена 7-го сентября обратно на правый берегъ рѣки Вида, къ селенію Боготъ. Какъ уже было сказано выше, въ это время на военномъ совѣтѣ въ Горнемъ Студенѣ рѣшено было блокировать Плевну. Въ виду этой цѣли, кавалерійской дивизіи генерала Лопшкарева поручено было прикрывать лѣвый флангъ арміи и охранять незанятый нашею пѣхотою участокъ къ югу отъ Плевны, между с. Боготъ и рѣкою Видомъ. Вся же мѣстность къ западу отъ Плевны по лѣвую сторону р. Вида, со включеніемъ софійскаго шоссе и дороги на Рахово, была поставлена подъ наблюденіе своднаго кавалерійскаго корпуса, составленнаго изъ большей части нашей и румынской кавалеріи, силою отъ 6 до 7 тысячъ коней*),

*) Части, входившія со времени 7-го сентября въ составъ сборнаго корпуса генерала Крылова и отряда ге-

подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Крылова. Что же касается до сообщеній Плевны съ Тетевенемъ и Златицею, черезъ Торось и Изворъ, то путь этотъ поставленъ былъ подъ наблюденіе сельвиловчинскаго отряда, состоявшаго изъ пѣхоты и кавалеріи*), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Карцова.

18-го сентября 9-й казачій полкъ былъ присоединенъ къ дивизіи генерала Лопшкарева и замѣненъ 24-мъ казачьимъ полкомъ полковника Шамшева. Около того же времени сельвиловчинскому отряду приданъ 30-й казачій полкъ; а въ началѣ октября въ Ловчу прибыли еще два эскадрона 9-го драгунскаго Казанскаго полка со взводомъ казачьей № 19-го батареи.

Прямимъ назначеніемъ сельвиловчинскаго отряда было, служить связью между войсками Западнаго отряда—у Плевны и 8-мъ корпусомъ—у Шипки и, въ то же время охранять Ловчу и Сельви со стороны линіи Балкановъ и р. Вида. Въ командномъ отношеніи сельвиловчинскій отрядъ подчинялся вначалѣ принцу Карлу Румынскому, а въ концѣ сентября получилъ полную самостоятельность и подчиненъ былъ непосредственно Главнокомандующему.

Сборный кавалерійскій корпусъ генерала Крылова получилъ въ этотъ разъ уже положительныя указанія, прямо отвѣчавшія цѣлямъ обложенія: обратить тщательное вниманіе на пресѣченіе всякой возможности подвоза продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ плевненскому гарнизону, притомъ—возможно дальше отъ Плевны. Задача эта могла быть выполнена двояко: въ смыслѣ оборонительномъ или въ смыслѣ наступательномъ, т. е. или кавалерія могла преградить путь подходящему подкрѣпленію, занявъ удобную позицію, или же она должна была

нерала Лопшкарева, въ официальныхъ документахъ подробно не перечисляются.

*) До 9-го сентября линію Сельви-Ловча занимала 2-я бригада 3-ей пѣхотной дивизіи (полки Великолуцкій и Псковскій) и 9-й казачій полкъ. 9-го же сентября, по распоряженію Главнокомандующаго отъ 5-го числа того же мѣсяца, въ Ловчу переведены были еще одинъ полкъ и 1-я бригада 3-ей пѣхотной дивизіи (9-й Старонингерманландскій), находившіяся до этого времени подъ Плевною и составлявшій резервъ 9-го армейскаго корпуса. Что же касается до другаго полка 1-ой бригады 3-ей дивизіи (10-го Новонингерманландскаго), то онъ со 2-ю и 4-ю батареями 3-ей артилл. бригады вошелъ въ составъ рущуцкаго отряда.

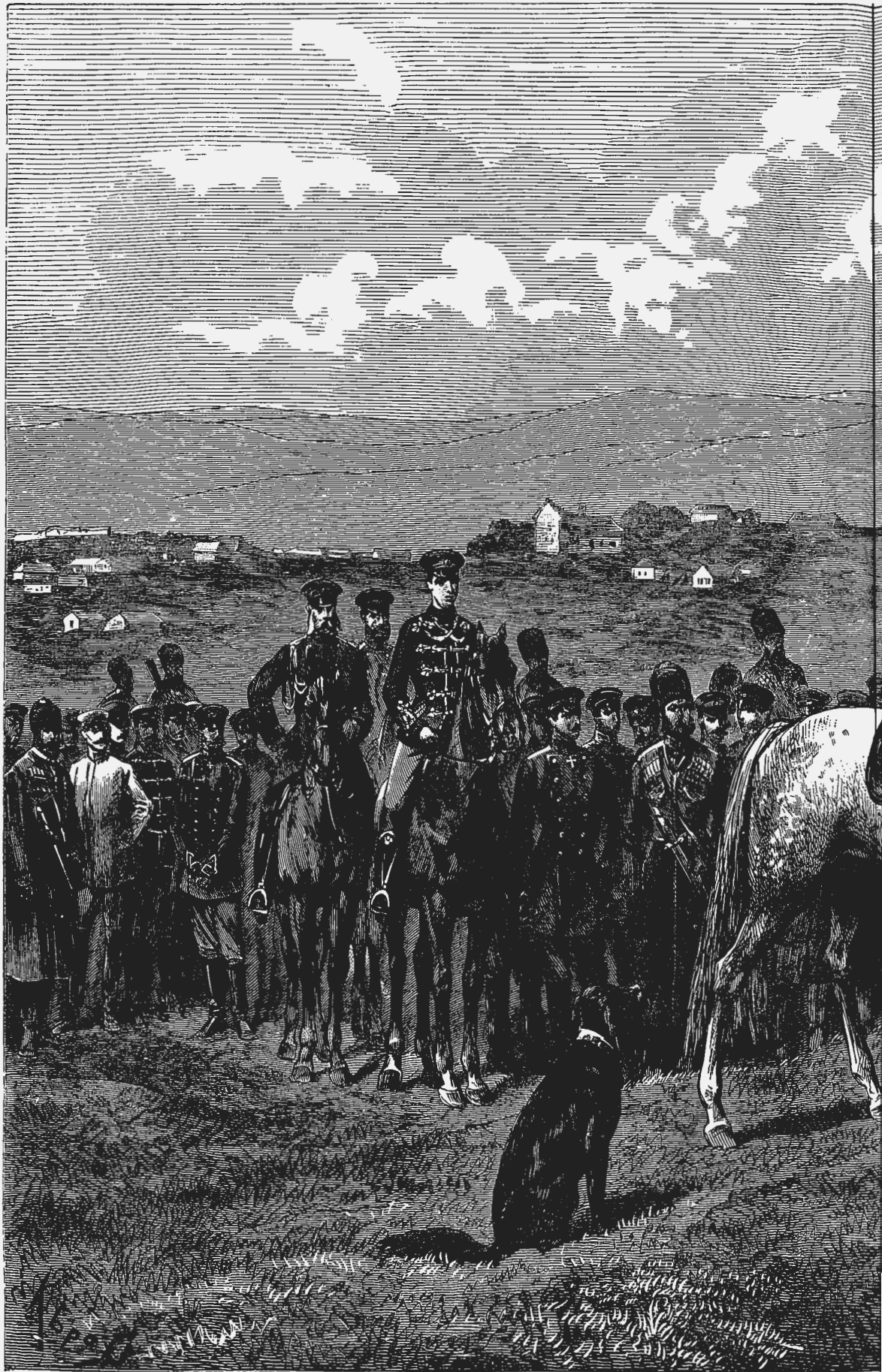
идти на встрѣчу этимъ подкрѣпленіямъ и энергичскимъ, а гдѣ возможно—и неожиданнымъ ударомъ отбросить непріятели. Можетъ быть, послѣдній способъ дѣйствій былъ бы болѣе умѣстенъ въ данномъ случаѣ, но, къ сожалѣнію, русско-румынская кавалерія, въ виду присутствія на софійскомъ шоссе непріятельской пѣхоты и артиллеріи и ревниваго наблюденія за нимъ изъ Плевны, рѣдко прибѣгала къ наступательному образу дѣйствій; можетъ быть, по тому же самому и оборонительный способъ совершенно не удался ей.

По прибытіи, 7-го сентября, сборнаго кавалерійскаго корпуса генерала Крылова въ Дольній-Дубнякъ, отсюда была предпринята на другой же день, 8-го сентября, усиленная рекогносцировка по направленію къ Телишу, изъ двухъ эскадроновъ гусаръ, дивизіона каларашей, при двухъ конныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа Штакельберга. Рекогносцировка эта опять открыла присутствіе непріятели въ окрестностяхъ Телиша, гдѣ графъ Штакельбергъ выдержалъ жаркое кавалерійское дѣло. На слѣдующій день, 9-го сентября, былъ снова направленъ къ Телишу отрядъ изъ кавказской казачьей бригады, дивизіона регулярной кавалеріи и 8-й Донской батареи, подъ начальствомъ полковника Тутолмина, для точнаго опредѣленія числа и расположенія непріятели у Телиша. Полковникъ Тутолминъ имѣлъ здѣсь также довольно жаркое дѣло съ непріятеlemъ, численность котораго опредѣлялась въ этотъ разъ до 10 батальоновъ пѣхоты и до двухъ полковъ кавалеріи, при шести орудіяхъ (всего отъ 10—12 т. человекъ). Въ тотъ же день развѣздъ полковника Тутолмина вернулся къ отряду.

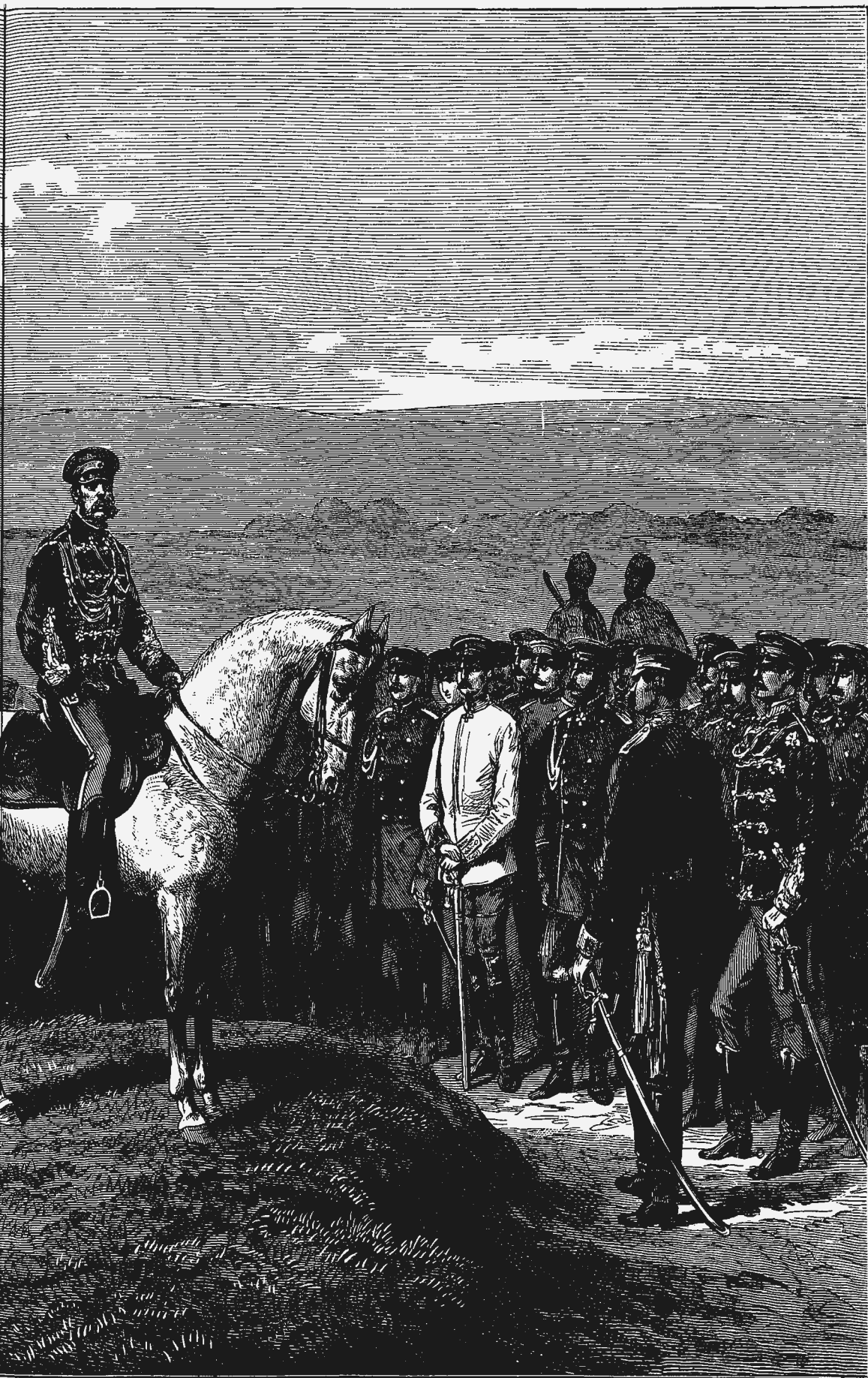
Между тѣмъ турки, бывшіе въ Телишѣ, какъ оказалось впоследствии, въ числѣ 15 батальоновъ пѣхоты и трехъ полковъ кавалеріи, съ 8-ю орудіями, при 2,000 подводкахъ съ боевыми запасами и провіантомъ, подъ командою Хивзи-паши, вознамѣрились пробраться на слѣдующій же день въ Плевну, гдѣ тогда уже чувствовался недостатокъ въ припасахъ. Неизвѣстно, знали ли генералъ Крыловъ о настоящемъ намѣреніи непріятели и о присутствіи у него огромнаго транспорта, но онъ получилъ извѣстіе о наступленіи турокъ только тогда, когда они подошли уже къ Горному Дубняку и успѣли уже

стать за укрѣпленія съ орудіями, установленными на позиціяхъ. Оказалось, что аванпосты наши были выдвинуты недостаточно далеко, чтобы во-время предупредить остальные войска. Аванпосты эти лишь рано утромъ 10-го сентября дали знать, что непріятель въ значительныхъ силахъ наступаетъ отъ Горнаго Дубняка на Дольній Дубнякъ. Конечно, одинъ нашъ кавалерійскій отрядъ не въ состояніи былъ атаковать такую громадную пѣхотную силу, уже занявшую притомъ сильно укрѣпленную позицію у Горнаго Дубняка. Генералъ Крыловъ, выславъ впередъ сильныя развѣзды, которые вскорѣ должны были отступить передъ превосходными силами непріятели, сдѣлалъ уже всѣ распоряженія для обороны занятой его отрядомъ позиціи за Дольнимъ Дубнякомъ, какъ пришло извѣстіе отъ генерала Лошкарева о движеніи его отряда по направленію къ Телишу. Думая, что отрядъ Лошкарева, наступая въ этомъ направленіи, неминуемо долженъ былъ зайти въ тылъ непріятели, расположенному у Горнаго Дубняка, генералъ Крыловъ принялъ рѣшеніе немедленно атаковать непріятели съ фронта. Послѣдовало артиллерійское сраженіе, продолжавшееся цѣлый день, безъ всякаго, однако, результата, такъ какъ на самомъ дѣлѣ оказалось, что отрядъ генерала Лошкарева вышелъ не въ тылъ непріятельской позиціи, а лишь на продолженіе нашего лѣваго фланга, откуда и послышались около 3-хъ часовъ по-полудни выстрѣлы. Видя безцѣльность одной фронтальной атаки и получивъ донесеніе о выходѣ изъ Плевны новаго непріятельской отряда въ значительныхъ силахъ въ тылъ нашей кавалеріи, генералъ Крыловъ приказалъ послѣдней отойти на Семереть-Трстеникъ, занявъ предварительно близъ Плевны, на дорогѣ въ Виддинъ, селеніе Нетрополь сильнымъ передовымъ отрядомъ изъ Донской бригады полковника Чернозубова и бригады каларашей.

Такимъ образомъ плевно-софійское шоссе было покинуто нашею кавалеріею:—и въ ту же ночь (съ 10-го на 11-е сентября) турецкій обозъ изъ 2,000 подводъ, сопровождаемый подкрѣпленіями для Плевны, состоявшими изъ 15 таборовъ пѣхоты, 8 орудій и трехъ полковъ кавалеріи, безпрепятственно пробрался въ Плевну, провожаемый лишь выстрѣлами 15 Донской батареи, выдвинутой отъ нашего нетропольскаго отряда. Словомъ, кольцо обложенія

Государь Императоръ и В. К. Павелъ Ал.

Александровичъ въ Горномъ Студенѣ.

плевненскаго гарнизона со стороны софійскаго шоссе было прорвано. Плевна снабжена была въ этотъ разъ, исключая подкрѣпленій, огромными запасами муки, маиса, овса и мяса.

Неизвѣстно, получились ли бы лучшіе результаты въ томъ случаѣ, если бы кавалерія наша не оставалась первое время у Плевны и не отступала бы потомъ къ Трестянику, а двинулась бы на встрѣчу слѣдующимъ турецкимъ подкрѣпленіямъ тотчасъ же по полученіи извѣстія о появленіи ихъ у Телиша, то-есть на другой же день по прибытіи своемъ въ Дольній Дубнякъ. Во всякомъ случаѣ, удаленіе нашей кавалеріи къ Семереть-Трестянику имѣло то значеніе, что спустя день послѣ этого, 12-го сентября, проскользнулъ другой обозъ въ Плевну, подъ командою самого Шевкета-паши. Нашъ авангардъ, поставленный въ Нетрополь, оказался опять слишкомъ удаленнымъ отъ софійскаго шоссе. Притомъ же турецкій обозъ пришелъ не по софійской дорогѣ, а по другой, пролегающей параллельно и которую мы, оставаясь въ Нетрополь, лишь послѣ уже замѣтили, такъ что когда казацкіе развѣзды увѣдомили нашъ авангардъ о приближеніи турокъ и пока онъ прибылъ на мѣсто дѣйствія, обозъ уже находился почти подъ орудіями, защищавшими мостъ черезъ р. Видъ. Если бы даже тогда мы произвели атаку на обозъ, то могли бы захватить большую часть транспорта, такъ какъ прикрытіемъ ему служила одна кавалерія, тутъ же разбѣжавшаяся. Но намъ пришлось потерять нѣсколько минутъ, ожидая пока подоспѣтъ изъ Нетрополя артиллерія, а тѣмъ временемъ транспортъ почти весь благополучно прошелъ черезъ р. Видъ, отчасти по мосту, отчасти въ бродъ. Мы бросили въ турокъ нѣсколько гранатъ, на которыя тотчасъ же отвѣтили орудія, защищавшія мостъ. Когда почти совсѣмъ стемнѣло, мы отступили снова въ Нетрополь, и вся наша добыча состояла изъ пары воловъ.

Распоряженіе объ удаленіи кавалеріи къ Семереть-Трестянику послѣдовало изъ опасенія быть отрѣзанными. Но въ такой открытой мѣстности, какою представлялось все пространство между рр. Видомъ и Искеромъ, кавалерія могла быть отрѣзана развѣ только кавалерією, которой у турокъ было мало, да и та не заслуживала вниманія. Эта истина подтвердилась вскорѣ и на дѣлѣ, когда генералъ Крыловъ рѣ-

шился наконецъ перейти къ наступательному образу дѣйствій, хотя и съ недостаточными для того силами.

12-го сентября генераломъ Крыловымъ получено было отъ начальника „Западнаго отряда“, принца Карла Румынскаго, предписаніе охранять кавалерійскимъ корпусомъ правый флангъ румынской арміи на высотѣ Вреста, базируясь въ крайнемъ случаѣ на Рыбине. Это приказаніе совпало съ извѣстіемъ о появленіи за р. Искеромъ, въ направленіи къ Рахову, одного высокопоставленнаго турецкаго офицера, будто бы организовавшаго кавалерійскій отрядъ изъ жителей окрестныхъ черкесскихъ селеній, а также набравшаго рекрутъ въ пѣхоту. Генералъ Крыловъ, имѣя въ виду приказаніе объ охранѣ праваго фланга румынъ, рѣшился тотчасъ же принять мѣры для освѣщенія пространства за рѣкою Искеромъ и, въ надеждѣ захватить высокопоставленнаго турка въ плѣнъ и прекратить вербовку людей, выступилъ 13-го сентября изъ Трестяника въ направленіи къ Рахову почти со всѣмъ своимъ отрядомъ (съ кавказскою казацкою бригадою, бригадою рашіоровъ, 1-ю бригадою 4-й кавалерійской дивизіи и Астраханскимъ драгунскимъ полкомъ, при трехъ батареяхъ).

Можетъ быть, рекогносцировка въ этомъ направленіи была необходима, но едва ли для этого нужна была почти вся сила, находившаяся въ Семереть-Трестяникѣ; къ тому же это не имѣло прямого отношенія къ главному назначенію отряда — мѣшать подвозу провіанта по софійской дорогѣ *). Во всякомъ случаѣ, рекогносцировка къ Рахову не могла принести важныхъ результатовъ: послѣ непродолжительной артиллерійской перестрѣлки подъ Раховомъ, кавалерія наша вернулась назадъ, подъ Плевну, очистивъ, правда, все пространство между Искеромъ и Видомъ отъ шаякъ черкесовъ и порвавъ при этомъ телеграфную проволоку изъ Плевны въ Виддинь. „Имѣя цѣлю рекогносцировку, — доносилъ въ своемъ рапортѣ Главнокомандующему

*) Въ отсутствіе генерала Крылова, его авангардомъ, оставленнымъ по-прежнему въ Нетрополь, были захвачены два незначительныхъ турецкихъ транспорта, что показываетъ, что доставка продовольствія въ Плевну продолжалась.

генераль Крыловъ, — я не считалъ возможнымъ овладѣть крѣпостцой (Раховомъ), въ томъ вниманіи, что удержатъ ее за собою не имѣлъ возможности, а сжечь не считалъ себя въ правѣ, такъ какъ Рахово скорѣе городъ болгарскій, нежели турецкій. Выказавъ присутствіе отряда тамъ, гдѣ турки не ожидали встрѣтить ни одного русскаго, я 16-го сентября вернулся и 18-го сентября сталъ въ Семеретъ-Трестяникъ“

На слѣдующій день, 19-го сентября, отрядъ генерала Крылова получилъ приказаніе отъ командующаго румынскою арміею, генерала Черната, произвести демонстрацію противъ Шлевны со стороны р. Вида, для содѣйствія предполагавшейся усиленной рекогносцировкѣ румынъ на Опанецъ. Демонстрація эта была произведена вѣсь корпусомъ и не безъ нѣкоторыхъ потерь съ нашей стороны, такъ какъ у казаковъ въ этотъ разъ дѣло доходило до рукопашнаго боя съ черкесами; но въ концѣ концовъ оказалось, что усиленная рекогносцировка румынскихъ войскъ на Опанецъ, для поддержанія которой исключительно и была произведена демонстрація нашимъ отрядомъ, была отгнѣнена. Нашей кавалеріи волей-неволею пришлось опять отступить къ Трестянику, какъ бы выказавъ тѣмъ только свою слабость.

Наиболѣе цѣлесообразнымъ распоряженіемъ было отправленіе въ Радомирцы, черезъ Телишъ, Рупцы и Червенабрегъ, съ цѣлію пресѣченія всякаго сообщенія по софійскому шоссе съ Плевною, на возможно большемъ разстояніи отъ нея, — отряда изъ четырехъ сотенъ Владикавказскаго полка, двухъ эскадроновъ Харьковскаго уланскаго и двухъ эскадроновъ Мариупольскаго гусарскаго полковъ, съ 8-ю конною батареею, подъ начальствомъ полковника Левиса. Хотя и этотъ отрядъ по составу своему, какъ оказалось впоследствии, не былъ достаточно силенъ для наступательнаго образа дѣйствій, въ особенности въ виду важности порученной ему задачи, но результаты его дѣйствій были во всякомъ случаѣ болѣе существенны. Полковникъ Левисъ съ своимъ отрядомъ разогналъ нѣсколько шаекъ черкесовъ, очистилъ отъ нихъ весь районъ къ югу отъ Телиша, т. е. селенія Чумаковицы, Горникъ, Червенабрегъ, Рупцы, Радомирцы, Луковицы, и къ востоку — до селеній Ракита и Чурико-

во, чрезъ которое онъ вошелъ въ связь съ отрядомъ генерала Лошкарева, а черезъ Телшъ — съ нетропольскимъ отрядомъ. Кроме того, полковникъ Левисъ во время этой смѣлой экспедиціи отбилъ у черкесовъ нѣсколько тысячъ головъ скота, разогналъ нѣсколько транспортовъ съ провіантомъ, отбилъ почту, прервалъ телеграфную линію изъ Плевны въ Софію и разрушилъ мосты въ Радомирцахъ и Луковицѣ. Вообще, за время пребыванія отряда полковника Левиса въ Радомирцахъ (съ 19 — 23 сентября), весь районъ, прилегающій къ софійскому шоссе между рр. Искеромъ и Видомъ, былъ освѣщенъ нашими разъѣздами, прервавшими всякое сообщеніе турокъ изъ Софіи съ Плевною.

Но въ виду малочисленности отряда полковника Левиса и отсутствія у него всякой поддержки со стороны главныхъ силъ нашей кавалеріи, дѣло долго не могло такъ продолжаться: 24-го сентября, утромъ, полковникъ Левисъ былъ атакованъ въ Радомирцахъ непріателемъ, наступавшимъ отъ Яблоницы къ сѣверу, въ числѣ 4—5 т. человекъ пѣхоты, при пяти орудіяхъ, и отъ 2,000 до 3,000 черкесовъ. Отбиваясь отъ атакъ непріятеля до двухъ часовъ по-полудни, онъ въ то же время былъ атакованъ съ тыла турками, вышедшими того же числа утромъ изъ Шлевны. Отбивъ наконецъ, безъ всякой помощи, всѣ атаки непріятеля съ обѣихъ сторонъ, отрядъ полковника Левиса отошелъ за Искеръ въ Чумаковицы, а на слѣдующій день прибылъ въ Магалеру, причемъ посланный отъ него разъѣздъ на софійское шоссе къ Телишу обнаружилъ, что Горній и Дольній Дубняки снова заняты турецкою пѣхотою.

На этомъ и покончилась дѣятельность своднаго кавалерійскаго корпуса за р. Видомъ. Неизвѣстно, почему не могла быть подана помощь изъ Трестяника или Нетрополя отряду полковника Левиса и какимъ образомъ турки успѣли почти безпрепятственно занять Горній и Дольній Дубняки; но, очевидно, одна кавалерія наша теперь не могла уже вновь прервать возстановленнаго сношенія Шлевны съ Софіею.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ кавалеріи сельви-ловчинскаго отряда на правомъ берегу р. Вида, на дорогѣ изъ Плевны въ Тетевень, — дѣйствіяхъ, показавшихъ, чего можно

достигнуть съ помощью смѣлыхъ поисковъ и лихихъ налетовъ.

Съ занятіемъ нашею кавалеріею софійскаго шоссе означенный этапный путь отъ Тетевеня на Торосъ, по которому производились уже мелкія укомплектованія и снабженія Плевны, могъ пріобрѣсти развитіе и весьма важное значеніе для плевненскаго гарнизона. Поэтому начальникъ сельви-ловчинскаго отряда, генераль-лейтенантъ Карцовъ, по полученіи 20-го сентября извѣстія о слѣдующихъ постоянно съ Балканъ къ Плевнѣ, чрезъ Изворъ и Торосъ, непріятельскихъ партійхъ и командахъ, приказалъ расположеннымъ на постахъ у Микре и въ Троянѣ двумъ казачьимъ сотнямъ произвести рядъ набѣговъ на лежація по вышеупомятому пути селенія.

21-го сентября войсковою старшина 24-го казачьяго полка, Тарасовъ, занимавшій съ одною сотнею того же полка постъ у Микре, получивъ въ подкрѣпленіе еще полусотню съ сосѣдняго поста, отправился съ ними на поискъ къ Извору. Слѣдуя ущельями и вершинами горъ, старшина Тарасовъ къ вечеру того же дня скрытно подошелъ къ Извору. Увидя деревню занятою смѣшанными командами въ разныхъ формахъ турокъ, Тарасовъ пробрался къ скалѣ, висящей надъ деревнею, спѣшилъ три взвода и открылъ по непріятельскимъ командамъ сильный огонь. Турки въ беспорядкѣ бросились въ горы по направленію къ Тетевеню; тогда Тарасовъ спустился съ горы и занялъ Изворъ. Сбѣжавшіеся на выстрѣлы болгары сожгли селеніе, причемъ сгорѣла и часть заготовленныхъ турками запасовъ. На слѣдующій день къ полудню старшина Тарасовъ вернулся на свой постъ у Микре.

23-го сентября Тарасовъ вновь получилъ приказаніе произвести съ своею сотнею поискъ между Торосомъ, Изворомъ и Тетевенемъ. Подойдя 23-го сентября, утромъ, къ Торосу, онъ никого въ немъ не встрѣтилъ; но Изворъ вновь оказался занятымъ турками. Тарасовъ выбилъ ихъ оттуда и ночевалъ въ немъ, а 24-го, утромъ, окружилъ деревню Галага, куда бѣжало до 300 башибузуковъ. Въ 8 часовъ утра турки открыли по приближавшейся спѣшенной сотнѣ огонь, но казаки выбили ихъ оттуда и, сѣвъ на коней, преслѣдовали ихъ по ущелью въ направленіи къ Тетевеню. Сильный дождь и уто-

мленіе лошадей, а главное — малочисленность сотни не позволили Тарасову проникнуть за Тетевень, проходъ котораго былъ занятъ 400 черкесами и 3-мя горными орудіями; поэтому Тарасовъ ночевалъ у Сапота и 24-го, къ полудню, возвратился къ Микре, сдѣлавъ съ небольшимъ въ сутки до 80 верстъ.

Вскорѣ получено было свѣдѣніе, что село Торосъ заняли какія-то турецкія команды; что оттуда партія башибузуковъ угнала изъ окрестностей весь скотъ въ Плевну и должна скоро возвратиться, а на время ея отсутствія въ Торосѣ осталось не болѣе 300 человекъ турокъ, которые подвергли жителей селенія — болгаръ — всевозможнымъ истязаніямъ. Желая спасти эти жертвы и узнать, что дѣйствительно происходитъ въ Торосѣ, начальникъ сельви-ловчинскаго отряда приказалъ старшинѣ Тарасову вновь произвести развѣдку къ Торосу и, буде возможно, взять селеніе и освободить болгаръ.

Не смотря на сильное утомленіе коней своей сотни послѣ набѣговъ 21-го и 23-го числа и на страшное ненастье, Тарасовъ блистательно исполнилъ возложенное на него порученіе. Взявъ съ собою три взвода на болѣе сохранившихся коняхъ, онъ выступилъ изъ Микре 28-го сентября, въ 11 часовъ утра, и горами, безъ дорогъ, пошелъ напрямикъ къ Торосу. Переночевавъ въ одномъ изъ ущелій, онъ 29-го утромъ подлетѣлъ къ селенію Торосъ, расположенному за р. Видомъ. Пришлось переходить рѣку въ бродъ; но отъ разлива рѣки оказалась дотогo глубокою и быстрою, что казакамъ пришлось плыть... Трудность переправы дала возможность туркамъ собраться и занять кукурузныя поля, расположенныя по ту сторону рѣки. Не смотря на это, есаулъ Софроновъ, перешедшій черезъ рѣку съ двумя взводами, первый бросился на турокъ въ пики и пашки. Турки не устояли и, настигнутые казаками, почти все были изрублены и заколоты. Въ это время самъ Тарасовъ бросился съ остальнымъ взводомъ въ село. Многіе изъ турокъ въ это время только еще выбѣгали изъ домовъ и, не успѣвъ сдѣлать выстрѣла, были заколоты. Спасшіеся бросились въ сосѣдній лѣсъ. Въ одномъ изъ домовъ заперлось нѣсколько человекъ, между которыми оказался офицеръ, начальникъ отряда. Кучка казаковъ спѣшилась и бросилась въ домъ; первымъ вскочилъ въ него казакъ Филиппъ Бутеновъ; въ него турец-

кій офицеръ выстрѣлилъ въ упоръ изъ пистолета и ранилъ въ плечо, но и самъ былъ на мѣстѣ изрубленъ вмѣстѣ съ другими, между которыми оказались четыре турчанки съ пистолетами въ рукахъ. Забравъ съ собою послѣ этого болгаръ, которые были заперты турками въ харахъ (постоялыхъ дворахъ), казаки благополучно вернулись 30-го сентября въ Микре, приведя съ собою и часть отобраннаго у турокъ скота.

Одновременно со взятіемъ Тороса происходила развѣдка и къ Тетевеню съ поста у Траяна, который былъ занятъ войсковымъ старшиною 30-го казачьяго полка Антоновымъ съ сотнею того же полка. Получивъ свѣдѣніе, что Тетевень занятъ турецкою регулярною пѣхотою, генераль Карцовъ далъ приказаніе Антонову немедленно произвести рекогносцировку къ Тетевеню и убѣдиться, какими силами занятъ тамъ выходъ съ Балкановъ.

Взявъ съ своего поста $\frac{1}{2}$ сотни и притянувъ къ ней еще $\frac{1}{2}$ сотни съ поста у Новосело, Антоновъ выступивъ 27-го сентября изъ Траяна, черезъ Шипково, и, не смотря на сильнѣйшій дождь и непроницаемый туманъ въ горахъ, слѣдовалъ далѣе, безъ дорогъ, по р. Бѣлый Видъ. На слѣдующій день, 28-го числа, его разъѣзды, не доходя 15 верстъ до Тетевеня, перехватили болгарина съ письмомъ, изъ котораго узнали, что турки намѣрены довольно сильно укрѣпить Тетевень и что тамъ находится, кромѣ башибузуковъ, 300 человекъ регулярнаго войска. 29-го сентября старшина Антоновъ, не смотря на продолжавшійся проливной дождь и на то, что имѣлъ всего въ строю 116 казаковъ, рѣшился атаковать Тетевень. Въ $3\frac{1}{2}$ часа по-поудни, онъ сбиль передовые пикеты, потомъ спѣшилъ половину людей и, подъ командою есаула Грузинова, пустилъ ихъ въ атаку на непріятельскую цѣпь, засѣвшую за засѣками. Турки были выбиты, оставили на мѣстѣ 12 тѣлъ и перебѣжали за ложементы, окружавшіе село съ восточной стороны. Кромѣ этихъ ложементовъ, видны были и другіе, на сѣверъ отъ селенія, откуда турки вскорѣ стали перебѣгать на помощь атакуемымъ и открыли сильный ружейный огонь. Видя, что выбить безъ большихъ потерь сильнѣйшаго непріятеля изъ укрѣпленной позиціи нельзя, старшина Антоновъ началъ отступать; но, замѣтивъ неподалеку турецкія стада, быстро разсыпалъ отрядъ своей лавою и

съ гикомъ кинулся на пасущійся скотъ, отбилъ его и угналъ, слабо преслѣдуемый турками. Такимъ образомъ 100 штукъ быковъ, 1,500 овецъ и 27 лошадей достались въ руки казаковъ.

Изъ всего вышесказаннаго о дѣйствіяхъ Сельвиловчинскаго отряда можно видѣть, что, благодаря смѣлымъ набѣгамъ какихъ нибудь двухъ казацкихъ сотенъ, сообщеніе Плевны съ Тетевенемъ было значительно затруднено. Но мы еще будемъ имѣть поводъ вернуться къ дѣятельности Сельвиловчинскаго отряда по окончательному изолированію Плевны; теперь же перейдемъ къ положенію дѣлъ подъ самою Плевною.

Какъ замѣчено выше, Плевна не только не была вполне блокирована со стороны р. Вида, гдѣ оперировалъ кавалерійскій корпусъ генерала Крылова, но и съ сѣверо-восточной стороны, гдѣ расположена была румынская пѣхота, вынужденная, какъ мы уже говорили, заботиться больше о собственной оборонѣ, обложеніе этого города представлялось во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительнымъ. Положеніе дѣлъ вокругъ Плевны однако значительно измѣнилось съ прибытіемъ подъ Плевну генераль-адъютанта, нынѣ графа, Тотлебена.

Вызванный 6-го сентября телеграммою изъ Петербурга, генераль Тотлебенъ 15-го сентября былъ уже въ Горнемъ Студенѣ, не смотря на то, что полученное приказаніе застало его въ Петербургѣ больнымъ. 16-го сентября генераль Тотлебенъ участвовалъ въ военномъ совѣтѣ въ Горнемъ Студенѣ, а 19-го и 20-го сентября производилъ вмѣстѣ съ Главнокомандующимъ рекогносцировку укрѣпленій Плевны.

Послѣ упомянутаго осмотра непріятельскихъ позицій, знаменитый защитникъ Севастополя высказалъ убѣжденіе, что силою овладѣть турецкими позиціями не возможно. Осмотрѣвъ предварительно расположеніе войскъ князя Карла, гдѣ двадцать тысячъ румынъ работали надъ траншеями и батареями, генераль Тотлебенъ, указывая на эти работы, сказалъ: „Вотъ съ чего мы должны были бы начать“ При этомъ онъ высказалъ мнѣніе, что турецкія позиціи должны быть предварительно ослаблены тѣснымъ обложеніемъ ихъ и обстрѣливаніемъ для того, чтобы фронтальныя атаки, если въ нихъ предста-

витея надобность, могли быть производимы съ расчетомъ на болѣе вѣрный успѣхъ. Вообще же генераль Тотлебенъ высказался противъ всякихъ атакъ Плевны, надѣясь съ помощію одного лишь тѣснаго обложенія ея добиться сдачи плевненскаго гарнизона, такъ какъ дѣйствительная блокада неминуемо должна была повести за собою прекращеніе подвоза въ Плевну провіанта, а затѣмъ—истощеніе запасовъ и голодъ... Съ этой точки зрѣнія генераль Тотлебенъ, какъ говорятъ, назвалъ вопросъ о взятіи Плевны „сухарнымъ вопросомъ“

Назначенный помощникомъ начальника западной арміи князя Карла, генераль Тотлебенъ 22-го сентября приступилъ къ общимъ мѣрамъ обложенія. Присутствіе подъ Плевною знаменитаго русскаго инженера на первыхъ же порахъ сказалось въ перемѣнахъ, совершившихся въ диспозиціи русскихъ войскъ, части которыхъ, начиная съ центра и по всей линіи ихъ расположенія до крайняго лѣваго фланга, получили приказаніе подвинуться впередъ на пять верстъ, какъ можно скорѣе окопаться на своихъ новыхъ позиціяхъ и немедленно приступить къ закладкѣ траншей, усиливая ихъ редутами и люнетами, чего прежде и не пробовали дѣлать, а затѣмъ—начать приближаться къ турецкимъ укрѣпленіямъ посредствомъ апрошей и ложементовъ. Какъ извѣстно изъ рапортовъ генерала Скобелева 2-го, прежде у насъ ощущался при подобныхъ работахъ значительный недостатокъ въ шанцевомъ инструментѣ, такъ что солдаты вынуждены были въ крайнихъ случаяхъ выкапывать себѣ закрытія штыкомъ, манеркою, а иногда и просто голыми руками. Генераль Тотлебенъ немедленно велѣлъ увеличить число запасныхъ лопатъ до 10,000, для которыхъ не пощажены были сады Болгаріи,—такъ что когда генераль Скобелевъ, передъ атакою Зеленыхъ горъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, осматривалъ свои войска, то уже всѣ солдаты стояли съ ружьями и лопатами.

Вслѣдствіе движенія впередъ русскихъ войскъ, кольцо, неравномѣрно охватывавшее до сихъ поръ плевненскія позиціи, значительно сдузилось вокругъ Плевны и приняло болѣе равномѣрный характеръ. Вообще, со времени прибытія въ главную квартиру генерала Тотлебена, веденіе осадныхъ операцій замѣтно приняло болѣе систематическій характеръ. Все что не содѣйствовало интересамъ обложенія и

блокады, было теперь оставлено. Пропастъ укрѣпленій, построенныхъ прежде и оказавшихся ненужными, были брошены; зато намѣчено было много новыхъ на совершенно иныхъ позиціяхъ. Каждая вновь разбиваемая траншея должна была теперь занимать опредѣленное мѣсто въ общей сѣти укрѣпленій. Ничего случайнаго, ничего поспѣшнаго болѣе уже не допускалась.

Дѣйствіе артиллеріи получило также характеръ нѣкоторой правильности. Тотлебенъ осмыслилъ постановку орудій. Нѣсколько батарей онъ приблизилъ, другія снялъ и перевелъ на инныя мѣста. Затѣмъ всѣ вообще батареи онъ заставилъ пристрѣляться и точно опредѣлить разстоянія, такъ что случайнымъ выстрѣламъ послѣ того не было уже мѣста.

Прежде батарейные командиры играли до нѣкоторой степени самостоятельную роль. Генераль Тотлебенъ подчинилъ ихъ общему распоряженію, и они заняли каждый свое мѣсто въ общемъ правильномъ порядкѣ обложенія. Для дѣйствій артиллеріи была опредѣляема ежедневно извѣстная цѣль, всѣмъ сообщалась диспозиція артиллерійскаго боя, отъ которой никто не смѣлъ отступать. Указывались мѣста для огня каждой батареи; для общихъ залповъ строго уяснялась цѣль и назначалась минута. Съ этой цѣлю всѣ наши позиціи подъ Плевною соединены были между собою и съ главною квартирою генерала Тотлебена (въ Тученицѣ) телеграфомъ, такъ что онъ могъ въ любой моментъ отдавать приказанія для начала, продолжительности и цѣли обстрѣливанія турецкихъ позицій, причѣмъ приказанія эти получались всѣми русскими батареями одновременно. По почину генерала Тотлебена, введенъ былъ слѣдующій способъ стрѣльбы: всѣ наши дальнобойныя батареи получили поля обстрѣла въ 100 до 120 градусовъ съ тѣмъ, чтобы всѣ эти батареи могли сосредоточивать огонь свой одновременно на любомъ избранномъ пунктѣ. Обыкновенно 60 орудій тяжелаго калибра, по переданному телеграфомъ сигналу, направляли внезапно общій залпъ то противъ одного редута, то противъ другаго, начиная и кончая стрѣльбу одновременно и употребляя при этомъ всѣ одинаковый родъ стрѣльбы. Этотъ способъ артиллерійскаго боя производилъ на турокъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, потрясающее впечатлѣніе.

До сихъ поръ не маловажное неудобство заключалось также въ скученности войскъ. Оба корпуса, генерала Криденера и Зотова, находились на боевыхъ позиціяхъ и, скученные въ одну густую линію, занимали громадное протяженіе, не имѣя позади себя резервовъ. Отряды стояли въ тысячѣ

шагахъ отъ непріятеля, въ сферѣ гранатнаго огня, осыпаемые пулями турецкихъ стрѣлковъ. Аванпосты наполнялись ежедневно цѣлыми корпусами; въ траншеяхъ находились также цѣлые полки. Со времени же пріѣзда генерала Тотлебена часть войскъ была отведена назадъ, для резервовъ и стоянки. На-

Генераль-адъютантъ графъ Тотлебенъ.

рядъ войскъ на службу былъ уменьшенъ до возможной степени. Дежурныя части умалены, аванпосты разрѣжены, за то усилилось рекогносцировочное дѣло. Что прежде исполнялось массами войскъ, томившимися въ грязи траншей, то теперь производили небольшіе отряды, неутомимо двигавшіеся по

всей линіи кордона. Смѣлымъ офицерамъ давались порученія проникать ночью въ непріятельскую боевую линію, высматривать работы и позиціи турокъ, и возвращаться съ положительными свѣдѣніями по этому предмету. На содержаніе солдатъ обращено было также самое строгое вниманіе. Пища, одежда

и обувь стали предметом особенной заботливости. Для предохранения отъ холода и ненастья резервовъ и даже дежурныхъ частей начали рыть землянки. Все это въ особенности доведено было, можно сказать, до степени совершенства въ отрядѣ генерала Скобелева 2-го.

Не смотря однако на всё перечисленныя мѣры къ установленію дѣйствительной блокады Плевны, въ чемъ главнымъ образомъ и заключался планъ Тотлебена, обложеніе Плевны было еще далеко не законченнымъ. Участокъ отъ д. Богота до р. Вида и софійское шоссе попрежнему наблюдались кавалерійскими отрядами генерала Лопкарева и генерала Крылова, не имѣвшими, какъ мы уже видѣли, возможности выполнить возложенной на нихъ задачи. Турки не только сохранили сообщеніе Плевны по софійскому шоссе, но и прочно закрѣпили его за собою, поставивъ сильныя гарнизоны въ Дольномъ и Горномъ Дубнякахъ и Телишѣ. Для установленія дѣйствительной блокады Плевны требовалось поставить на упомянутыя участки сильныя, но уже не кавалерійскіе, а пѣхотныя отряды, которыхъ пока откуда было взять подъ Плевною. 9-й корпусъ генерала Криденера, по указанію Его Высочества Главнокомандующаго, еще 3-го сентября занялъ протяженіе позиціи отъ Гривицкаго редута до пелишато-плевненской дороги. Участокъ отъ этой дороги до Тученицкаго оврага занятъ былъ остальною нашею пѣхотою. Румыны стояли къ сѣверо-востоку отъ Плевны. Отдѣлить что-либо отъ этихъ отрядовъ, занимавшихъ и безъ того громадное протяженіе, было невозможно, не разрѣдивъ ихъ чрезъ-мѣру и не ослабивъ чрезъ то нашу оборонительную линію. Выходъ изъ этого положенія указанъ былъ также генераломъ Тотлебенемъ.

Какъ извѣстно, въ началѣ сентября начали прибывать въ Болгарію затребованныя еще послѣ втораго плевненскаго боя части гвардейскаго и грендерскаго корпусовъ, а также укомплектованія для бывшихъ уже въ бою частей. Генераль Тотлебенъ потребовалъ сосредоточенія вновь прибывающихъ войскъ подъ Плевною. Требованіе это было исполнено. Ему обѣщали въ подкрѣпленіе всю гвардію и двѣ грендерскія дивизіи. Подходившія гвардейскія части начали сосредоточиваться въ Ески-Барначѣ, къ югу отъ Плевны, въ направленіи къ со-

вып. IV.

фійскому шоссе. Впрочемъ, гвардія и гренадеры пока еще не получили опредѣленнаго назначенія.

Прибывшій во главѣ своей 2-ой гвардейской кавалерійской дивизіи генераль-адъютантъ Гурко заступилъ, послѣ 27-го сентября, мѣсто генерала Крылова, будучи назначенъ начальникомъ всѣхъ кавалерійскихъ частей, находящихся за рѣкою Видомъ. Вслѣдствіе этого онъ расположилъ свою главную квартиру за р. Видомъ, къ сѣверо-западу отъ Плевны, въ Семереть-Трестяникѣ.

Вскорѣ однако ходъ дѣлъ выяснился настолько, что присутствіе за р. Видомъ одной кавалеріи можно было признать окончательно бесполезнымъ. Гвардія получила теперь опредѣленное назначеніе — занятіе софійскаго шоссе. Генераль Гурко былъ снова вызванъ изъ Трестяника въ Ески-Барначъ и получилъ новое назначеніе командующаго — всѣми войсками, какъ пѣхотою, такъ и кавалеріею, которыя будутъ переправлены за рѣку Видъ. Для послѣдней цѣли предназначались первоначально первая и третья гвардейскія дивизіи со стрѣлковою бригадою, вся гвардейская кавалерія и армейская кавалерія, уже находившаяся по ту сторону Вида. Существовало также предположеніе, чтобы, одновременно съ переходомъ черезъ Видъ назначеннаго для этого отряда, шестнадцатая и вторая пѣхотныя и вторая гвардейская дивизіи заняли смежную съ р. Видомъ позицію на второмъ гребнѣ Зеленыхъ горъ, предъ которыми пока расположенъ былъ только кавалерійскій отрядъ генерала Лопкарева. Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди; теперь же вернемся къ положенію дѣлъ на сѣверо-восточныхъ позиціяхъ подъ Плевною.

Неизвѣстно, входило ли это въ общій планъ задуманнаго полнаго обложенія Плевны, или же это было только послѣдствіемъ нетерпѣнія румынъ, но въ началѣ октября назначена была атака войсками князя Карла сосѣдняго съ Гривицкимъ редутомъ турецкаго редута, прозваннаго „Плевницею“. Мы говорили уже, что генераль Тотлебенъ, состоявшій помощникомъ князя Карла, былъ противъ всякихъ атакъ, и потому на первый взглядъ кажется непонятнымъ его согласіе на штурмъ „Плевницъ“. Но если принять во вниманіе тщательную подготовку румынами позиціи для предстоявшаго штурма и, въ то же время, намѣреніе Тотлебена вести болѣе или

3

менѣе продолжительную осаду Плевны, причемъ близкое сосѣдство „Плевницы“ съ румынской позиціею обѣщало быть для послѣднихъ весьма тягостнымъ, — то согласіе генерала Тотлебена на назначеніе упомянутаго штурма станетъ понятнымъ и, во всякомъ случаѣ, не будетъ находиться въ противорѣчій съ общою поставленною имъ цѣлью. Каково было положеніе румынъ на Гривицкомъ редутѣ, — можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. Помимо постояннаго свиста пуль и шипѣнія гранатъ надъ головою, румыны, вдобавокъ, имѣли еще въ сосѣдствѣ съ собою, подъ стѣнами редута, массу труповъ, съ черными, какъ чернила, лицами и цвѣтомъ кожи: тутъ они упали 30-го августа и 6-го сентября, во время послѣдней атаки румынъ на редутъ Плевницу, и съ тѣхъ поръ оставались необранными, распространяя вокругъ себя страшный смрадъ. Нѣкоторые трупы такъ уже сгнили, что остались только кости и мундиры. Убрать же ихъ было невозможно безъ опасности для жизни даже санитарамъ „Краснаго Креста“, потому что турки изъ сосѣдняго редута стрѣляли безъ разбора по всякому появлявшемуся здѣсь человѣку. Отправленный въ Плевну, 21-го сентября, въ качествѣ парламентаря, для переговоровъ съ Османомъ-пашою по этому предмету, драгоманъ Великаго Князя, г. Мокѣевъ, былъ принятъ турками любезно въ палаткѣ у передовой ихъ цѣпи, но къ Осману-пашѣ допущенъ не былъ и въ просьбѣ о дозволеніи похоронить тѣла русскихъ, оставшіяся доселѣ необранными вблизи непріятельскихъ позицій, получилъ отказъ, на томъ будто бы основаніи, что трупы нашихъ солдатъ лежали слишкомъ близко къ турецкимъ позиціямъ, такъ что наши санитары, при уборкѣ ихъ, легко могли высмотрѣть расположеніе непріятельскихъ позицій. Послѣ этого румынамъ, наиболѣе терпѣвшимъ отъ присутствія по близости необранныхъ труповъ, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ не оставалось ничего болѣе, какъ, для обезпеченія себя въ санитарномъ отношеніи, взять штурмомъ сосѣдній непріятельскій редутъ.

Какъ бы тамъ ни было, а атака „Плевницы“ была рѣшена. Со времени 6-го сентября, когда румынами была сдѣлана первая неудачная попытка взять штурмомъ этотъ редутъ, наши и день и ночь продолжали перестрѣливаться съ турками; часто даже

залпъ за залпомъ стрѣляли изъ пушекъ въ непріятеля, какъ только замѣчалось какое нибудь подозрительное движеніе въ его войскахъ. А въ то время, какъ русскія и румынскія ружья и пушки держали турокъ въ почтительномъ разстояніи, румынскіе саперы, егеря и доробанцы усердно рыли землю лопатами и заступами. Подъ прикрытіемъ занятаго румынами Гривицкаго редута, на одномъ съ нимъ уровнѣ, продолжена была первая параллель направо и налево, затѣмъ вторая, третья и даже четвертая въ правую сторону, ближе къ турецкому редуту. Словомъ, румыны, подъ прикрытіемъ шанцевъ, подошли къ турецкому редуту на пистолетный выстрѣлъ, такъ что штурмъ ожидался по всеѣмъ правиламъ. Атака предстояла уже 2-го октября и отсрочена была только на нѣсколько дней по причинѣ непогоды и размокшей, вслѣдствіе этого, почвы.

Турки за послѣдніе дни не отвѣчали болѣе на румынскій огонь; орудія, по-видимому, были сняты ими въ началѣ октября, и въ турецкомъ редутѣ какъ будто все вымерло. Поэтому распространилось убѣжденіе, что турки очистили редутъ, предварительно проложивъ мины. Нарочно выписанный изъ Бухареста химикъ долженъ былъ изслѣдовать составъ почвы и узнать, не обнаружатся ли въ ней слѣды взрывчатыхъ веществъ. Оказалось, что нѣтъ. Тогда, послѣ болѣе чѣмъ мѣсячной работы лопатою, рѣшено было взять редутъ штурмомъ, и 7-го октября, утромъ, приступили къ атакѣ.

Тотчасъ послѣ того, какъ утренній туманъ спустился, все орудія румынскаго редута и на параллеляхъ начали громить турецкій редутъ. Канонада была однако сильнѣе на флангахъ, особенно на правомъ, противъ Буковскаго редута. Около часу пополудни штурмующія колонны румынъ, пройдя по третьей и четвертой параллели, тѣсными рядами сгучились у двойныхъ апрошей. Это были — батальоны 7-го, 5-го румынскихъ пѣхотныхъ полковъ и батальоны 5-го и 13-го полковъ доробанцевъ, — всего-на-все четыре батальона.

Такъ какъ турки не обнаруживали признаковъ жизни, то послѣ артиллерійскаго огня, продолжавшагося полчаса, головы штурмовыхъ колоннъ съ лѣстницами и фашинами бросились изъ четвертой параллели на брустверь и окопы турецкаго редута. Почти одновременно съ ними изъ двойныхъ апрошей

и третьей параллели вышли штурмующія колонны и, не стрѣляя, при крикахъ „ура“, ринулись на турецкіе шанцы. Въ этотъ моментъ румынскія орудія конечно умолкли, чтобы выстрѣлы не попадали въ своихъ же солдатъ, но затѣмъ вдругъ посыпались страшнѣйшіе залпы изъ амбразуръ турецкаго редута въ массу атакующихъ. Оказалось, что турки были хорошо подготовлены къ атакѣ. Они стрѣляли изъ картечныхъ и крѣпостныхъ орудій, расположенныхъ рядами, и осыпали штурмовавшія колонны ливнемъ ядеръ. Турецкія траншеи, расположенныя въ этомъ мѣстѣ амфитеатромъ, тоже начали выпускать приблизительно 20,000 ружейныхъ зарядовъ ежеминутно. Но, не смотря на опустошительный скорострѣльный огонь турокъ, румыны неудержимо стремились впередъ, дошли наконецъ до гребня гласиса, но не далѣе. Изъ прикрытаго пути турецкаго редута начали раздаваться залпы за залпомъ, посѣвая смерть и разрушеніе въ румынскихъ рядахъ. Штурмовавшіе тотчасъ послѣ перваго приступа дрогнули, тѣмъ болѣе что, безъ всякаго прикрытія передъ командующею позиціею и на незначительномъ разстояніи отъ нея, никакъ не могли построиться. Пришлось трубить отступленіе. Въ слѣдующій затѣмъ моментъ масса румынъ бросилась назадъ. Тогда турецкій огонь сталъ свирѣпствовать въ толпѣ отступавшихъ до тѣхъ поръ, пока румыны не укрылись снова позади брустверовъ третьей и четвертой параллелей и двойныхъ апрошей; затѣмъ румынскія орудія снова начали громить турецкій редутъ.

Во время этого штурма на флангахъ Гривичкаго редута были произведены фальшивыя атаки, поддержанныя сильными залпами артиллерійскаго огня противъ Буковскаго редута и вооруженныхъ верковъ къ юговостоку отъ Плевны, что подало поводъ Осману-пашѣ телеграфировать въ Константинополь, будто бы русскіе со всѣми своими силами атаквали его правый флангъ.

Итакъ штурмъ румынъ не удался. Тѣмъ не менѣе, они не оставили намѣренія овладѣть редутомъ открытою силою; напротивъ, рѣшили взять его во что бы то ни стало. До самаго вечера продолжали гремѣть пушки изъ румынскаго редута и параллелей противъ „Плевницы“ Отряды, участвовавшіе въ штурмѣ, были смѣнены свѣжими войсками. Прибыли ба-

тальонъ 5-го румынскаго пѣхотнаго полка, батальонъ 17-го полка доробанцевъ и 1-й стрѣлковый батальонъ, всего только три батальона. Нѣсколько часовъ ждали приказа возобновить штурмъ. Между тѣмъ солнце закатилось и стало быстро смеркаться. Когда, наконецъ, лунный свѣтъ нѣсколько разсвѣялъ мракъ,—былъ данъ сигналъ ко второй атакѣ. Снова нападающіе бросились впередъ на брустверы. На этотъ разъ, не взирая на убійственный огонь изъ крытыхъ путей, турки были выбиты, и румыны подъ градомъ пуль бросились въ рвы. Неприятель однако и на этотъ разъ не отступалъ изъ своихъ прикрытыхъ позицій и поддерживалъ убійственный огонь по стойкимъ доробанцамъ до тѣхъ поръ, пока не двинулъ въ огонь свои резервы и не приступилъ къ атакѣ на порѣдѣвшіе ряды штурмовавшихъ. Послѣ продолжительной борьбы на близкомъ разстояніи съ гарнизономъ и наступавшими съ обѣихъ сторонъ редута турецкими резервами и послѣ страшныхъ усилій выбраться изъ рвовъ на брустверы, румыны должны были убѣдиться въ невозможности сдѣлать это и подали сигналъ къ отступленію. Турки бросились преслѣдовать ихъ и, какъ говорятъ, взяли нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. Потери румынъ доходили въ этотъ день приблизительно до 1,200 человѣкъ убитыми, ранеными и выбывшими изъ строя*).

Итакъ и второй штурмъ не удался.

Войска требовали третьей атаки въ ту же ночь; но, въ виду значительныхъ потерь, нельзя было предпринимать новой попытки съ тѣми же войсками. Теперь уже рѣшено было не прибѣгать къ штурму и довести до конца правильную осаду.

Такимъ образомъ, хотя противъ турокъ дѣйствовалъ теперь первый инженеръ Россіи, но, нужно отдать имъ справедливость, они съ честью выдерживали борьбу на этой почвѣ. Румынская атака должна была снова подтвердить непригодность всякихъ атакъ противъ плевненскихъ укрѣпленій.

Однако на ходъ операцій подъ Плевною неудавшійся штурмъ румынъ не оказалъ никакого замѣтнаго вліянія. Турки не разрушили даже траншей, возведенныхъ румынами.

*) Въ обѣихъ атакахъ участвовало румынъ всего шесть батальоновъ, по 700 человѣкъ въ каждомъ, слѣдовательно 4,200 человѣкъ.

Къ описываемому времени удалось наконецъ столкнуться съ Османомъ-пашею относительно уборки тѣлъ. Спустя три дня послѣ румынской атаки, 10-го октября, въ полдень, въ первомъ ряду нашихъ позицій происходила еще небывалая до сихъ поръ и столь давно ожидаемая сцена: мы хоронили убитыхъ. Множество тѣлъ, еще остававшихся на полѣ сраженія отъ прежнихъ битвъ, надо было зарыть на мѣстѣ, такъ какъ они начали уже разлагаться и распадались на куски, когда ихъ поднимали.

По данному знаку, ровно въ 9 часовъ утра, по всѣмъ линіямъ былъ прекращенъ огонь. Назначенное для похоронъ перемиріе продолжалось до 2-хъ часовъ по-полудни. Прежде всего нѣсколько русскихъ и румынскихъ офицеровъ были посланы на передовыя турецкія позиціи, чтобы опредѣлить демаркаціонную линію. Всѣ войска первыхъ рядовъ позицій — русскіе, румыны и турки — выстроились безъ оружія за обѣими демаркаціонными линіями. Всѣ парапеты, стѣны укрѣпленій и близлежащіе холмы, съ которыхъ можно было видѣть эту мѣстность, были открыты войсками, съ любопытствомъ смотрѣвшими на

необычное зрѣлище. Определенное число нашихъ солдатъ и столько же турецкихъ занялись погребеніемъ убитыхъ. Для тѣхъ людей, которые были убиты во время послѣднихъ сраженій, были вырыты могилы между демаркаціонными линіями; русскіе и румыны похоронены были вмѣстѣ, турки отдѣльно. Найденное на мѣстѣ сраженія оружіе было раздѣлено поровну между русско-румынской и турецкою арміями. Принимавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ турецкіе солдаты произвели вообще благопріятное впечатлѣніе, какъ своею готовностью помогать, такъ и достоинствомъ, съ которымъ умѣли держать себя. Къ двумъ часамъ убитые были наконецъ похоронены, войска отошли на свои позиціи, снова взяли за оружіе, и, полчаса спустя, снаряды снова начали разсѣвать воздухъ, чтобы прибавить къ лежавшимъ въ землѣ еще новыя жертвы.

Перейдемъ теперь къ событіямъ, которыя готовились совершиться по ту сторону р. Вида, на софійскомъ шоссе, и въ которыхъ должны были принять главное участіе вновь прибывшія подѣ Плевну войска — русская императорская гвардія.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Прибытіе на театр военныхъ дѣйствій гвардіи.—Сосредоточеніе войскъ на софійскомъ шоссе.—Предположеніе для атаки Горнаго Дубняка.—Заслоны къ сторонѣ Дольнаго Дубняка и Телиша.—Бой подѣ Горнымъ Дубнякомъ.

Повелѣніе о приведеніи на военное положеніе гвардейскаго корпуса было получено въ Петербургѣ въ двадцатыхъ числахъ іюля мѣсяца и застало гвардію на мѣстѣ обыкновенной лѣтней стоянки ея — въ красносельскомъ лагерѣ. Но, по полученіи означеннаго приказанія, всѣ части гвардейскаго корпуса тотчасъ же возвратились къ мѣстамъ своего постоянного квартированія. Начались энергическія приготовленія къ походу. Не смотря на массу укомплектованій, потребовавшихся для приведенія состава гвардейскаго корпуса на военное положеніе, мобилизація пошла настолько быстро, что въ половинѣ августа уже могли двинуться первые эшелоны. Около того же времени, 13-го августа, выступили и штабъ гвардейскаго корпуса.

Передвиженіе гвардейскаго корпуса на театр военныхъ дѣйствій произведено было по желѣзнымъ дорогамъ вплоть до румынской границы, от-

куда одна часть гвардіи была переправлена въ Болгарію — также по желѣзной дорогѣ, а другая часть (2-я гвардейская пѣхотная дивизія) прошла черезъ всю Румынію походнымъ порядкомъ и потому явилась подѣ Плевну нѣсколько позже другихъ *).

По мѣрѣ прибытія частей гвардіи подѣ Плевну, Государь Императоръ производилъ имъ смотры у Горнаго Студеня.

Сборнымъ пунктомъ гвардейскаго корпуса назначены были селенія Ески и Лени-Баркачъ, расположенныя верстахъ въ трехъ другъ отъ друга, къ юго-востоку отъ Плевны. Деревни эти лежатъ на мѣстности, пересѣченной холмами, на склонѣ возвы-

*) Три полка 2-ой дивизіи подошли къ Баркачамъ — мѣсту расположенія гвардіи подѣ Плевною — лишь 10-го октября, а лейбъ-гвардіи Московскій полкъ прибылъ только 11-го вечеромъ, такъ что ему пришлось прямо съ похода двинуться въ бой.

шенности, и представляли то удобство, что отсюда открывался обширный кругозоръ на линію софійскаго шоссе, начиная отъ селенія Дольный Дубнякъ, подь самую Плевную, и до селенія Телипъ. Въ ясные осенніе дни, какіе стояли тогда въ Болгаріи, даже невооруженнымъ глазомъ видны были изъ Лени-Баркача, сквозь прозрачный воздухъ, ряды турецкихъ транспортовъ, двигавшихся по шоссе взадъ и впередъ изъ Плевны и обратно, а по вечерамъ и ночью линія шоссе усѣивалась свѣтящимися точками отъ огней турецкихъ бивуаковъ. Видимо, турки зорко стерегли своей единственный путь отступления изъ Плевны.

Позади селенія Лени-Баркача и около Ески-Баркача, въ долину, скрытой отъ глазъ турокъ, стлался и облаками поднимался дымъ костровъ, сливаясь въ холодномъ воздухѣ съ паромъ шипящихъ котловъ. Шумъ и говоръ стояли надъ долиною: тамъ готовили себѣ обѣдъ и располагались бивуакомъ только-что пришедшія части гвардіи.

Прибытіе русской гвардіи подь Плевну не укрылось, однако, отъ глазъ непріятели. Османъ-паша тогда же, говорятъ, послалъ донесеніе въ Константинополь объ „огняхъ и звукахъ пѣсенъ въ долину, свидѣтельствующихъ о приближеніи блестящей императорской гвардіи“ Спустя непродолжительное послѣ этого время, Османъ-паша, какъ увѣряютъ, говорилъ нашему парламентару: „Я видѣлъ движеніе вашей гвардіи; она разложила такіе костры, которые сдѣлали бы честь стотысячной арміи“

Главныя силы гвардейскаго корпуса (1-я и 3-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи) расположены были въ Ески-Баркачѣ, а авангардъ — изъ гвардейской стрѣлковой бригады и лейбъ-гвардіи сапернаго батальона — верстахъ въ трехъ впереди по направленію къ Плевнѣ, въ Лени-Баркачѣ. Въ томъ же направленіи, но нѣсколько ближе къ Плевнѣ, занималъ аванпосты кавалерійскій отрядъ генераль-маіора Лощкарева (Донской № 4-й казачій и 9-й гусарскій Кіевскій полки). Къ западу отъ Лени-Баркача, въ верстѣ отъ деревни, по линіи рѣки Вида, выставлены были аванпосты отъ гвардіи.

Съ прибытіемъ подь Плевну 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, 3-я дивизія была переведена изъ Ески-Баркача на лѣвнй флангъ русскаго расположенія подь Плевною, въ д. Ральево, а ея мѣсто въ

Ески-Баркачѣ заняла 2-я дивизія. Нужно замѣтить, что первоначально существовало предположеніе переправить за р. Видъ 1-ю и 3-ю гвардейскія дивизіи, а 2-ю предположено было направить, вмѣстѣ съ 16-ю пѣхотною дивизією, для занятія Зеленыхъ горъ подь Плевною. Но вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, 2-я и 3-я гвардейскія дивизіи должны были помѣняться своими ролями.

Генераль Гурко, назначенный 5-го октября „начальникомъ войскъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда“, расположился со своимъ штабомъ въ д. Лени-Баркачѣ. Въ штабѣ его находилось большинство тѣхъ лицъ, которыя дѣлали съ нимъ первый забалканскій набѣгъ, и генераль съ особымъ удовольствіемъ усматривалъ въ присутствіи при себѣ сотоварищей по походу за Балканы залогъ новаго успѣха. Начальникомъ штаба генерала Гурко назначенъ былъ генераль-маіоръ Нагловскій, уже бывшій съ нимъ за Балканами также въ качествѣ начальника штаба. Вступивъ въ командованіе отрядомъ, предназначеннымъ для переправы за рѣку Видъ, генераль Гурко помѣстился со своимъ штабомъ на краю деревни Лени-Баркача, въ сторонѣ ея, обращенной къ софійскому шоссе и къ линіи турецкихъ аванпостовъ. Съ этого мѣста хорошо былъ видѣнъ въ бинокль непріятель, расположенный вдоль шоссе; видны были также и наши аванпосты, стоявшіе съ версту впереди по линіи рѣки Вида, протекающей здѣсь параллельно шоссе.

Впрочемъ, для наблюденій за тѣмъ, что дѣлаетъ непріятель, генераль Гурко самъ ежедневно выѣзжалъ на сосѣдній высокій курганъ, расположенный между Лени-Баркачемъ и Чириковымъ. На этомъ курганѣ поставлена была хорошая подзорная труба, при которой былъ учрежденъ особый офицерскій наблюдательный постъ, обязанный выслѣживать все, что происходило въ теченіи дня на софійскомъ шоссе. Въ подзорную трубу можно было ясно видѣть движеніе турецкихъ транспортовъ отъ одного этапа къ другому, а у Горнаго Дубняка можно было даже замѣтить большой турецкій лагерь.

Кромѣ обозрѣнія непріятельскихъ позицій съ кургана, было еще ранѣе предпринято нѣсколько рекогносцировокъ окрестностей Горнаго Дубняка. Такъ, 2-го октября пріѣзжалъ въ Лени-Баркачъ генераль-адъютантъ Тотлебенъ, въ сопровожденіи

начальника штаба западной армии, князя Имеретинскаго, и все начальствующие лица, совместно с офицерами генерального штаба, выехали тогда же на рекогносцировку местности отъ Иени-Баркача на Чириково. Около того же времени поручено было генерального штаба подполковнику Ставровскому произвести, с 1½ эскадронами конвоя Его Величества и 1½ сотнями казаковъ, рекогносцировку по направлению къ Горному Дубняку. Чтобы исполнить эту задачу, подполковнику Ставровскому пришлось завязать бой с турецкою пехотою, поддержанною огнемъ нѣсколькихъ орудій. Перестрѣлка продолжалась часа 2½, причемъ было снято кроки местности къ югу отъ Горнаго Дубняка. Потеря наша въ этотъ разъ заключалась въ двухъ казакахъ и двухъ раненныхъ лошадей.

Мѣстность къ сѣверу отъ Горнаго Дубняка была осмотрѣна еще 9-го сентября прикомандированнымъ къ отряду генерала Крылова поручикомъ генерального штаба Сокольскимъ, во время рекогносцировки кавказской бригады къ Телишу.

Вообще генераль Гурко подготовлялъ постепенно и тщательно планъ предстоявшаго занятія софійскаго шоссе.

Нужно замѣтить, что со времени занятія турками Дольнаго и Горнаго Дубняковъ и отступления нашей кавалеріи за Видомъ къ Семеретъ-Трестянику сообщенія Плевны съ Орханіе по софійскому шоссе сдѣлались совершенно свободными, и армія Осман-паши непрерывно и правильно снабжалась провіантомъ и боевыми запасами. Шевкетъ-паша, которому поручено было обезпечить дорогу изъ Плевны въ Софію, поддерживая сообщеніе съ Османомъ-пашою, и выручить его, если бы въ томъ оказалась надобность, изъ опаснаго положенія, — успѣлъ собрать большой отрядъ войскъ. 8-го сентября онъ вступилъ въ Орханіе всего съ 24-мя батальонами, къ концу же сентября, съ присоединеніемъ къ нему различныхъ подкрѣпленій и, впоследствии, съ посылкою къ нему дивизіи Ахмеда-Хивзи-паши, силы его увеличились до 50-ти батальоновъ. Съ подобными силами онъ въ состояніи былъ захватить все пункты на плевно-орханійскомъ шоссе, которые оказались бы необходимыми для обезпеченія свободного сообщенія, и потому могъ укрѣпить эти позиціи и снабдить ихъ достаточно сильными гарнизонами. Но состояніе плев-

ненскаго гарнизона послѣ августовскихъ битвъ оказалось настолько не блестящимъ, что потребовало значительныхъ подкрѣпленій для Плевны и не позволило Шевкету-пашѣ свободно располагать имѣвшимися въ его распоряженіи силами. Потери Осман-паши убитыми и ранеными во все августовскіе бои такъ ослабили его, что онъ тогда же началъ было подумывать о необходимости отступления, и только изъ боязни деморализаціи турецкой арміи рѣшился удерживать плевненскую позицію. Въ виду этого, еще 2-го сентября онъ потребовалъ себя подкрѣпленій изъ двадцати таборовъ и трехъ полковъ кавалеріи и еще пять или шесть тысячъ человекъ, для пополненія убыли въ плевненскомъ гарнизонѣ. Вслѣдствіе этого Шевкетъ-паша, въ первой половинѣ сентября, отправилъ изъ Орханіе въ Плевну, къ Осману-пашѣ, дивизію Ахмеда-хивзи-паши, состоявшую изъ 18 батальоновъ, шести эскадроновъ и двухъ батарей. Остальные свои силы Шевкетъ-паша призналъ полезнымъ разбить на небольшіе гарнизоны, занявъ ими главныя позиціи на плевно-орханійскомъ шоссе. У Телиша была расположена бригада, состоявшая изъ восьми батальоновъ, одной батареи и значительнаго числа иррегулярной кавалеріи, подъ командою Хакки-паши; другая бригада, приблизительно такой же численности, расположена была въ Радомирцахъ, подъ командою начальника штаба Шевкета-паши, Хуссейна-паши, и, наконецъ, небольшіе отряды поставлены были въ Лузовицѣ, Яблоницѣ, а также — въ Тетевенѣ, Златицѣ, Караджадагѣ, въ Этропольскихъ Балканахъ, Врацѣ и Берковцѣ.

Но уже 29-го сентября, вслѣдствіе сосредоточенія русской гвардіи по дорогѣ изъ Плевны въ Ловчу, въ Баркачахъ и Ральево, Османъ-паша, опасаясь за свой правый флангъ и путь отступления на Орханіе, телеграфировалъ въ Константинополь о дозволеніи ему отступить въ Орханіе. Военный совѣтъ, однако, приказалъ ему держаться въ Плевнѣ во что бы то ни стало. Тогда Османъ-паша, для защиты своего праваго фланга и обезпеченія себя пути отступления, а равно и подвоза провіанта и боевыхъ снарядовъ, двинулъ изъ Плевны дивизію Ахмета Хивзи-паши въ Дольный и Горный Дубняки, гдѣ эта дивизія и заняла укрѣпленную позицію.

Такимъ образомъ, почти все главные позиціи на софійскомъ шоссе и на побочныхъ путяхъ были заняты турками; но занятіе это не соотвѣтствовало различнымъ степенямъ ихъ важности. Такъ какъ турки учредили линію подобныхъ постовъ только для того, чтобы имѣть свободную дорогу, то не могли содержать значительнаго числа войскъ въ какомъ-либо изъ этихъ постовъ, не ослабивъ арміи въ Плевнѣ. Къ тому же гарнизоны эти не имѣли достаточной связи между собою, и, сверхъ того, не было оставлено резервовъ, которые, въ случаѣ надобности, могли бы быть направлены въ любое мѣсто.

Однако, какъ сравнительно ни малочисленны и ни разъединенны были вышеупомянутые отряды *), но въ критическую минуту, чрезъ болѣе или менѣе непродолжительное время, къ нимъ могли подойти подкрѣпленія изъ Плевны или со стороны Орханіе, гдѣ, по слухамъ, собирался новый отрядъ Шевкета-паши, опредѣляемый силою около 25-ти батальоновъ. Притомъ же сильныя укрѣпленія, возведенныя турками на главныхъ позиціяхъ на плевно-орханійскомъ шоссе, до нѣкоторой степени какъ-бы вознаграждали малочисленность ихъ гарнизоновъ. Укрѣпленія эти вначалѣ были незначительны и возведены были турками на - скоро, только какъ препятствіе для кавалеріи; но со времени занятія софійскаго шоссе дивизією Ахмеда - Хивзи-паши означенныя укрѣпленія приняли грозныя размѣры. Теперь почти вдоль всего шоссе, по обѣимъ сторонамъ его, были вырыты ложементы для пѣхоты. Затѣмъ, на главныхъ пунктахъ, чрезъ каждыя 5—10 верстъ (Дольный Дубнякъ, Горный Дубнякъ, Телишъ, Луковица и проч.) возведены были сильныя редуты, съ весьма крутыми насыпями, съ высоко поднятыми внутри ихъ батареями (кавалеры), съ чрезвычайно глубокими и крутыми рвами и далеко выдвинутыми впередъ траншеями и ровиками для стрѣлковъ.

У Дольнаго Дубняка, вокругъ котораго мѣстность довольно открыта и полого спускается къ рѣкѣ Виду, было воздвигнуто, по угламъ деревни, обращеннымъ къ сторонѣ Горнаго Дубняка,

три такихъ редута, расположенныхъ одинъ за другимъ на разстояніи около $\frac{3}{4}$ верстъ, съ траншеями и ложементами въ промежуткѣ между ними. Укрѣпленія у Телиша расположены были на самомъ шоссе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно поднимается значительно въ гору. Главное изъ этихъ укрѣпленій имѣло видъ большаго редута, лицевой валъ котораго, вытянутый поперегъ дороги и обнесенный широкимъ рвомъ, обращенъ былъ также въ сторону Горнаго Дубняка, а боковыя насыпи тянулись параллельно шоссе, по обѣ его стороны, въ направленіи къ Луковицѣ. Правѣ этого редута возвышенность круто спускается въ лощину, въ которой лежитъ самое селеніе Телишъ; за лощиною поднимается вправо другая возвышенность, на которой расположенъ былъ другой турецкій редутъ, меньшихъ размѣровъ, но также, какъ и первый, обнесенный рвомъ и валомъ и за которымъ находился турецкій лагерь. Впереди обоихъ редутовъ, по скату возвышенностей, были расположены ложементы.

Но самыя главные укрѣпленія сосредоточены были на позиціи у Горнаго Дубняка, которой турки, по-видимому, придавали весьма большее значеніе, какъ соединительному пункту на ихъ линіи сообщенія съ Орханіе. Самый характеръ мѣстности представлялъ здѣсь значительныя выгоды въ отношеніи обороны.

Селеніе Горный Дубнякъ лежитъ въ разстояніи немногимъ больше полуверсты отъ шоссе, къ сѣверу отъ него, такъ какъ шоссе проходитъ здѣсь въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ. Влизъ селенія, на самомъ шоссе, лежитъ значительная возвышенность, или—вѣрнѣе—холмъ, чрезъ который шоссе проходитъ почти по срединѣ. Сѣверная оконечность этой возвышенности господствуетъ надъ всею окружающею мѣстностью и представляетъ самую высокую точку холма. На этой вершинѣ, шагахъ въ 150-ти отъ шоссе, воздвигнуто былъ большой редутъ. А, обнесенный рвомъ, глубиною въ сажень слишкомъ; за этимъ рвомъ поднимался земляной валъ, вышиною также въ сажень; за валомъ, внутри укрѣпленія, были рядами накопаны рвы съ насыпями впереди, и, наконецъ, въ самомъ центрѣ укрѣпленія изъ необожженнаго кирпича устроено было возвышеніе (кавалеръ) сажени въ три вышиною,

*) По-видимому, каждый отрядъ состоялъ изъ 4—5 т. человекъ, при четырехъ орудіяхъ дальняго боя.

на которомъ по-мѣщалась батарея. Подступы къ этому редуту со всѣхъ сторонъ были круты и вмѣстѣ съ тѣмъ открыты, такъ какъ вся возвышенность была совсѣмъ голая, безъ деревьевъ или кустарника.

Южная часть холма, по другую сторону шоссе, замѣтно понижается и отлого спускается въ долину. На этой отлогой сторонѣ холма, къ югу отъ шоссе, шагахъ въ 50-ти отъ него, расположенъ былъ другой турецкій редутъ В, меньшихъ размѣровъ, съ менѣе глубокимъ рвомъ и менѣе высокимъ валомъ. Такимъ образомъ шоссе проходило по возвышенности между двумя турецкими редутами, ближе къ малому редуту.

Отъ обоихъ

Баронъ Зелдегеръ

Полковникъ Рунювъ.

Генералъ-майоръ Розенбахъ.

редутовъ внизъ начиная отъ рвовъ, шли далеко впередъ, вѣеромъ распространяясь во всѣ стороны, земляныя укрѣпленія, въ видѣ траншей и ложементовъ, различной длины, рассчитанныя, по-видимому, на разное число людей, отъ двухъ солдатъ и до сотни.

Вообще турецкая позиція у Горнаго Дубняка до нѣкоторой степени напоминала собою круглую сѣтку паутины: большой редутъ съ кавальеромъ внутри представлялъ изъ себя какъ-бы центръ этой паутины, занимаемый паукомъ, а расходящіяся въ разные стороны отъ этого редута траншеи, ровики для стрѣлковъ, изображали собою сотни сплетенныхъ нитей паутины.

Эта тщательность въ подготовкѣ къ оборонѣ главныхъ позицій на софійскомъ шоссе свидѣтельствовала, какое огромное значеніе придавали турки своему единственному пути отступленія изъ Плевны и какое упорное сопротивленіе они готовили здѣсь русскимъ. А если припомнить при этомъ весьма серьезное для турокъ намѣреніе генерала Гурко — занять это шоссе и чрезъ то сомкнуть кольцо обложенія вокругъ Плевны, послѣ чего армія Османа-паши, столько прославившаяся побѣдами, неминуемо должна была бы сдаться на катуляцію,—то намъ станетъ вполнѣ понятно, что у укрѣпленныхъ позицій на плевно-орханійскомъ шоссе, въ случаѣ нападенія на нихъ, можно было ожидать ковопротитвѣйшихъ сраженій, не смотря на относительную малочисленность ихъ гарнизоновъ. въ особенности если успѣли бы къ нимъ подойти на помощь войска изъ Орханіе или изъ Плевны.

Генераль-адъютантъ Гурко избралъ пунктомъ атаки на софійскомъ шоссе позицію у Горнаго Дубняка. Однако вышеописанная обстановка на софійскомъ шоссе дѣлала необходимымъ, при наступленіи нашемъ на Горный Дубнякъ, выставленіе въ обѣ стороны болѣе или менѣе сильныхъ заслоновъ и быстрое веденіе самой атаки горно-дубнякской позиціи.

Въ виду всего сказаннаго, генераломъ Гурко былъ выработанъ слѣдующій планъ военныхъ дѣйствій на софійскомъ шоссе:

Атака Горнаго Дубняка была назначена на 12-ое октября, такъ какъ только къ этому времени ожидалось прибытіе въ Баркачь послѣднихъ частей гвардейскаго корпуса (2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи).

Затѣмъ, для непосредственной атаки Горнаго Дубняка, подъ начальствомъ самого генерала Гурко, были назначены: 15 батальоновъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи (лейбъ-гвардіи полки—Московскій *), Гренадерскій, Павловскій и Финляндскій), гвардейская стрѣлковая бригада (4 батальона), лейбъ-гвардіи саперный батальонъ, 2-я гвардейская артиллерійская бригада (40 орудій) и 6-я батарея лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады, два эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя и четыре

*) 1-й батальонъ Московскаго полка былъ назначенъ на Медованскую позицію, въ подкрѣпленіе лейбъ-гвардіи Волынскаго полка.

сотни Донскаго № 4-го казачьяго полка. Всего же 20 батальоновъ, шесть эскадроновъ и сотенъ и 48 орудій.

Войска эти должны были окружить позицію у Горнаго Дубняка съ трехъ сторонъ, для чего они раздѣлены были на три колонны: Правая колонна, составленная изъ гвардейской стрѣлковой бригады, 6-ой батареи лейбъ-гвардіи 2-ой артиллерійской бригады и 6-ой батареи 1-ой артиллерійской бригады, двухъ эскадроновъ Собственнаго Его Величества конвоя и одной сотни Донскаго № 4-го полка (всего четыре батальона, два эскадрона и одна сотня и 16 орудій), подъ командою свиты Его Величества генераль-маіора Эллиса 1-го, должна была двинуться для атаки съ сѣверо-запада. Средняя колонна, составленная изъ 1-ой бригады 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи (лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ), лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, 1-ой и 2-ой батарей лейбъ-гвардіи 2-ой артиллерійской бригады и одной сотни Донскаго № 4-го полка (всего: восемь батальоновъ *), одна сотня и 16 орудій), подъ командою свиты Его Величества генераль-маіора барона Зедделера, должна была двинуться отъ Чирикова правѣ лѣсковъ, лежащихъ между этимъ селеніемъ и Горнымъ Дубнякомъ, и атаковать горно-дубнякскую позицію съ юго-востока, т. е. со стороны Чирикова. Лѣвая колонна, составленная изъ 2-ой бригады 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи (лейбъ-гвардіи Павловскаго и Финляндскаго полковъ) и 4-ой и 5-ой батарей лейбъ-гвардіи 2-ой артиллерійской бригады (всего восемь батальоновъ и 16 орудій), подъ командою свиты Его Величества генераль-маіора Розенбаха, должна была пройти отъ Чирикова чрезъ Свинарскую балку и атаковать позицію у Горнаго Дубняка съ юго-запада, т. е. со стороны Телиша.

Для того же, чтобы гарнизонъ Горнаго Дубняка нигуда не могъ уйдти, съ западной стороны позиціи долженъ былъ стать особый кавалерійскій отрядъ изъ кавказской казачьей бригады, съ шестью конными орудіями и двумя румынскими кавалерійскими полками каларашей (бригада Формака), подъ командою флигель-адъютанта полковника Черевина

*) Одинъ батальонъ Московскаго полка былъ у Медована.

(всего—18 эскадроновъ и сотенъ и 6 орудій). Кавказская бригада должна была содѣйствовать гвардейской пѣхотѣ въ ея атакѣ на Горный Дубнякъ и перехватить турокъ, еслибы они вздумали отступать на юго-западъ. Бригада же каларашей Формака должна была двинуться отъ Магалеты частью черезъ Девеницу на Червенабрегъ, для демонстраціи въ этомъ направленіи, гдѣ находились части турецкихъ войскъ, частью же по лѣвому берегу Искера на Чумаковцы, въ видахъ освѣщенія мѣстности въ этомъ направленіи, а также для перехвата турокъ, на случай ихъ отступления на западъ.

Сверхъ того, для удержанія непріятели, занимавшаго укрѣпленную позицію въ Телишѣ, долженъ былъ двинуться къ этому пункту и атаковать его особый отрядъ, составленный изъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка (4 батальона), 3-ей батареи лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады, 2-ой бригады 2-ой гвардейской кавалерійской дивизіи (лейбъ-гвардіи полковъ — драгунскаго и гусарскаго Его Величества), 5-ой батареи гвардейской конной артиллеріи и одной сотни Донскаго № 4-го полка, подъ общимъ начальствомъ командующаго лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ, флигель-адъютанта полковника Челищева (всего — 4 батальона, 8 эскадроновъ и сотенъ, 8 пѣшихъ и 6 конныхъ орудій).

Кромѣ того, кавалерійскій отрядъ, составленный изъ 1-ой бригады 1-ой гвардейской кавалерійской дивизіи съ одною батареею (всего—8 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій), долженъ былъ выйдти отъ д. Свиная и стать въ промежутокъ между непріятельскими позиціями у Горнаго Дубняка и Телиша, охраняя тылъ и лѣвый флангъ 2-ой бригады 2-ой гвардейскій пѣхотной дивизіи (полковъ лейбъ-гвардіи Павловскаго и Финляндскаго) и служба кавалерійскимъ резервомъ для телишскаго отряда.

Наконецъ, для сельви-ловчинскаго отряда долженъ былъ выйдти на Радомирцы къ Телишу, для демонстрированія противъ этого пункта, съ цѣлью облегченія дѣйствій лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, летучій кавалерійскій отрядъ, составленный изъ дивизіона Казанскихъ драгунъ, трехъ сотенъ казаковъ 24-го и 30-го казачьихъ полковъ и взвода казачьей № 19-го батареи, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Орлова.

Для заслона же Дольнаго Дубняка предназначались: 12 батальоновъ 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи (лейбъ-гвардіи полки — Преображенскій, Семеновскій и Измайловскій), съ 32 орудіями лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады, два эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя и одна сотня Донскаго № 4-го полка (всего—12 батальоновъ, 3 эскадрона и сотенъ и 32 орудія). Отрядъ этотъ долженъ былъ стать на дорогѣ изъ Чирикова въ Крушевицу, въ разстояніи около 2 верстъ отъ Чирикова, фронтомъ къ сторонѣ Дольнаго Дубняка, служба въ то же время общимъ резервомъ для штурмоваго отряда. По овладѣніи же штурмовыми колоннами позиціею у Горнаго Дубняка, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія должна была двинуться на софійское шоссе и, занявъ на немъ позицію фронтомъ къ Дольному Дубняку, прикрыть собою войска, овладѣвшія Горнымъ Дубнякомъ, которымъ приказано было немедленно послѣ этого приступить къ возведенію укрѣпленій, съ каковою цѣлью и былъ приданъ имъ лейбъ-гвардіи саперный батальонъ.

Для заслона со стороны Дольнаго же Дубняка предназначалась также и 3-я бригада 2-ой гвардейской кавалерійской дивизіи (полки—лейбъ-гвардіи уланскій Его Величества и Гродненскій гусарскій), съ двумя конными батареями (7 эскадроновъ и 12 орудій). Бригада эта должна была стать между Горнымъ Дубнякомъ и Чириковымъ и составить общій кавалерійскій резервъ штурмоваго отряда.

Такъ какъ со стороны Плевны и Дольнаго Дубняка преимущественно и прежде всего можно было ожидать энергической помощи Горному Дубняку, то, съ цѣлью удержанія на мѣстѣ гарнизоновъ обоихъ упомянутыхъ пунктовъ, противъ нихъ должны были направиться еще особые демонстративные отряды:

1) Отрядъ изъ пяти батальоновъ румынской пѣхоты, семи сотенъ казаковъ и 12 орудій (подъ начальствомъ генерала Чернозубова), занимавшій позицію у Дольнаго и Горнаго Этрополя, долженъ былъ приблизиться къ плевно-софійскому шоссе, въ промежуткѣ между Дольнымъ Дубнякомъ и р. Видомъ, и, въ случаѣ, еслибы турецкія войска вышли на помощь своимъ изъ Плевны, стараться задержатъ или, по крайней мѣрѣ, замедлитъ ихъ движеніе по шоссе къ Дольному Дубняку.

2) Отрядъ *) изъ 19 эскадроновъ, 16 орудій и двухъ батальоновъ румынской пѣхоты, подъ начальствомъ генераль-маіора Арнольди, долженъ былъ направиться изъ Семереть-Трстяника, гдѣ онъ стоялъ на бивуакахъ, къ Дольному Дубняку и произвести противъ этого пункта демонстрацію, а въ случаѣ выхода отсюда турецкихъ войскъ къ Горному Дубняку, воспрепятствовать ихъ движенію во что бы то ни стало; этому же отряду поручено было восстановить связь съ медованскимъ кавалерійскимъ отрядомъ.

3) Медованскій кавалерійскій отрядъ, составленный изъ двухъ эскадроновъ Казанскаго и двухъ эскадроновъ Астраханскаго драгунскихъ полковъ, Кіевскаго гусарскаго и 9-го уланскаго Бугскаго полковъ и четырехъ сотенъ Донскаго № 9-го полка (всего 12 эскадроновъ и сотенъ съ 12-ю конными орудіями), подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника барона Корфа, долженъ былъ двинуться отъ медованскаго кавалерійскаго бивуака также къ Дольному Дубняку, съ цѣлю не допустить турокъ выйти изъ этой деревни для оказанія помощи горно-дубнякскому гарнизону.

Наконецъ, для отвлеченія вниманія плевненскаго гарнизона отъ всего имѣющаго произойти на софійскомъ шоссе, генераль-адъютантъ Гурко просилъ начальника западнаго отряда произвести демонстрацію вокругъ всей Плевны. Съ этой цѣлю, одновременно съ атакою Горнаго Дубняка, предположено было произвести усиленную бомбардировку Плевны со всѣхъ нашихъ осадныхъ батарей и, въ то же время, на обоихъ нашихъ флангахъ подъ Плевною (на румынской позиціи и противъ „Зеленыхъ горъ“) выдвинуть впередъ сильныя пѣхотныя колонны, съ цѣлю угрозы плевненскимъ позиціямъ штурмомъ. При этомъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ демонстрація должна была выразиться въ болѣе существенныхъ передвиженіяхъ нашихъ войскъ; именно: отрядъ генерала Скобелева 2-го (16-я и 2-я пѣхотныя дивизіи, съ 3-ею стрѣлковою бригадою), стоявшій въ Тученицѣ, долженъ былъ продвигнуться въ сѣверо-западномъ направленіи и занять Рыжую гору (по-

*) Отряды, обозначенные въ пунктахъ 1-мъ и 2-мъ принадлежали къ кавалерійскому корпусу (бывшій генерала Крылова), продолжавшему занимать позиціи у Семереть-Трстяника и Этрополя.

зади д. Учень-долъ); отрядъ генераль-маіора Бремзена (лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ *) и 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка), выдвинутый къ деревнѣ Медовану, для наблюденія за софійскимъ шоссе, долженъ былъ, одновременно съ атакою Горнаго Дубняка, занять деревню Трино.

Взаключеніе слѣдуетъ замѣтить, что гвардейскія войска, предназначенныя для переправы за р. Видъ, должны были, по диспозиціи, сосредоточиться, въ ночь съ 11-го на 12-ое октября, у д. Чирикова, на лѣвомъ берегу Вида, въ избѣжаніе переправы въ самый день атаки, а послѣ 6 часовъ утра 12-го октября двинуться отъ Чирикова на указанныя имъ мѣста въ диспозиціи боя.

Выступая изъ Баркачей къ Чирикову, войска должны были также оставить обозы и ранцы позади себя, на развѣтвленіи дорогъ ральвево-беглишской и ральвево-іени-баркачской.

Наконецъ, для скорости передачи донесеній изъ одного отряда въ другой, приказано было поставить летучую почту между отрядами полковника Черевина, семереть-трстяникскимъ и генерала Чернозубова—съ одной стороны, между Медованомъ и Чириковымъ—съ другой, а также между лейбъ-Егерскимъ полкомъ и Чириковымъ.

Такимъ образомъ, выходъ гвардейскаго корпуса на софійское шоссе долженъ былъ сопровождаться цѣлымъ рядомъ дѣйствій, начиная отъ Телиша и кончая Плевною.

Вообще, нельзя не сознаться, что планъ дѣйствій, сопряженныхъ съ выходомъ гвардейскихъ войскъ на софійское шоссе, былъ начертанъ въ тактическомъ отношеніи съ большимъ искусствомъ и осторожностью.

Войскамъ генерала Гурко предстояло имѣть дѣло собственно съ непріятельскимъ корпусомъ силою до 12,000 человекъ, раздѣленнымъ на три части, находившіяся въ трехъ укрѣпленныхъ пунктахъ. Для овладѣнія этими тремя пунктами генераль Гурко двинулъ на шоссе значительныя силы: 42 батальона, 80 эскадроновъ и сотенъ, 150 орудій, всего, по меньшей мѣрѣ, 32,000 пѣхоты и 8,000 кавалеріи. Изъ этого числа, около 8,000 кавалеріи, 20 батальоновъ и 60 орудій были назначены специально

*) Остальные полки 3-ей гвардейской пѣхотной дивизіи оставались у Ральво.

для атаки Горняго Дубняка; около 8,000 кавалеріи, 4 батальона и 20 орудій были отдѣлены для наблюденія и обезпеченія къ сторонѣ Телиша; около 16,000 кавалеріи, 7 румынскихъ батальоновъ и 30 орудій были отряжены для наблюденія противъ Дольнаго Дубняка и Плевны; наконецъ 12 батальоновъ и 32 орудія, составляя резервъ, находились также между Дольнымъ и Горнымъ Дубняками. Словомъ, какъ ни серьезна была предстоявшая операція на софійскомъ шоссе, но, принимая во вниманіе значительное численное превосходство предназначенныхъ для этой операціи войскъ, сравнительно съ численностью турецкихъ гарнизоновъ, охранявшихъ это шоссе, — можно было смѣло сказать, что весь планъ дѣйствій былъ рассчитанъ навѣрняка, безъ риска гдѣ-либо потерпѣть неудачу*). Одно до сихъ поръ остается неразъясненнымъ въ достаточной степени — это предоставленіе сравнительно малочисленному отряду полковника Челищева (4 батальона, 7 эскадроновъ и 14 орудій) атаковать укрѣпленную позицію у Телиша**). Можетъ быть, атака на этотъ пунктъ предполагалась только демонстративная, съ расчетомъ на возможность, въ случаѣ затрудненія, своевременно принять сообразныя мѣры; но въ такомъ случаѣ расчетъ этотъ былъ не совсѣмъ вѣренъ, такъ какъ связь между всѣми вышепоименованными отрядами, заключавшаяся собственно въ летучей почтѣ, была недостаточна для того, чтобы могла быть во-время оказана непосредственная поддержка которому нибудь изъ этихъ отрядовъ.

Что же касается духа гвардейскихъ войскъ, предназначенныхъ для дѣйствій на софійскомъ шоссе, то воодушевленіе ихъ превышало все, что требовалось бы, въ иномъ случаѣ, для одержанія успѣха надъ втрое сильнѣйшимъ ихъ противникомъ; но въ данномъ случаѣ въ этомъ-то необыкновенномъ одушевленіи гвардейцевъ именно и заключалась величайшая опас-

*) Мы не говоримъ, конечно, о тактическомъ выполненіи этого плана, причемъ осторожность легко могла быть обойдена войсками, какъ это и случилось на самомъ дѣлѣ.

**) Въ «диспозиціи по войскамъ гвардіи» прямо было сказано: «Лейбъ-гвардіи Егерскому полку съ его артиллеріею и со 2-ю бригадою 2-ой артиллерійской кавалерійскою дивизіею и одною сотнею выступить въ 6¹/₂ часовъ утра и атаковать непріятельскую позицію у с. Телиша». Воен. Сборн. 1879 г., февраль. «Воспоминанія» А. Пузыревскаго.

ность какъ для нихъ самихъ, такъ и для успѣха въ примѣненіи къ дѣлу вышеизложеннаго плана. Принадлежа къ отборнымъ войскамъ, гвардейцы какъ-бы чувствовали, что отъ нихъ ожидается нѣчто необыкновенное, изъ ряда выходящее, и сообразно съ этимъ былъ настроенъ и ихъ духъ. Кто имѣлъ случай видѣть гвардію предъ отправленіемъ ея на театръ войны; кто читалъ при этомъ на лицахъ этихъ солдатъ затаенную рѣшимость „разгромить турку“, — тотъ пойметъ, что въ настоящемъ случаѣ генераль Гурко, если бы даже и хотѣлъ, кажется, не въ силахъ былъ бы удержатъ порыва нашихъ гвардейцевъ схватиться скорѣе съ непріателемъ, что, судя по примѣрамъ прежнихъ битвъ подъ плевненскими окопами, составляло само уже по себѣ величайшій рискъ. Рискъ этотъ становился еще болѣе опаснымъ въ виду того, что гвардейскія войска первый разъ шли въ дѣло, а также въ виду необходимости самаго энергическаго способа веденія атаки на Горный Дубнякъ, чтобы не дать возможности Осману-пашѣ оказать своевременную помощь изъ Плевны.

Вообще, со стороны начальства требовалось въ данномъ случаѣ сдѣлать все, чтобы уберечь пылкую гвардію отъ излишнихъ потерь и придать какъ можно болѣе выдержки и спокойствія ходу предстоявшей атаки. Генераль Гурко высказалъ при этомъ только нѣсколько совѣтовъ и пожеланій общаго характера.

„Господа! — говорилъ онъ гвардейскимъ офицерамъ: — я обращаюсь къ вамъ и долженъ вамъ сказать, что люблю страстно военное дѣло; на мою долю выпала такая честь и такое счастье, о которомъ я никогда и не смѣлъ мечтать — вести гвардію, это отборное войско, въ бой. Для военнаго человѣка не можетъ быть большаго счастья, какъ вести въ бой войско съ увѣренностью въ побѣдѣ, а гвардія по своему составу, по обученію, можно сказать, лучшее войско въ мірѣ. Помните, господа, вамъ придется вступить въ бой, и на васъ будетъ смотрѣть не только вся Россія, но весь свѣтъ, и отъ успѣховъ вашихъ будетъ зависѣть исходъ дѣла.

„Вой при правильномъ обученіи не представляетъ ничего особеннаго. Это то же, что ученіе съ боевыми патронами; только требуетъ еще большаго спокойствія, еще большаго порядка. Влейте, если такъ можно сказать, въ солдата, что его священная

обязанность беречь въ бою патронъ, а сухарь на бивуакъ, и помните, что вы ведете въ бой русскаго солдата, который никогда отъ своего офицера не отставалъ“.

Обращаясь затѣмъ къ солдатамъ, генеральъ сказалъ:

„Помните, ребята, что вы гвардія Русскаго Царя, и что на васъ смотритъ весь крещеный міръ. Турки стрѣляютъ издалека и стрѣляютъ много, это ихъ дѣло; а вы стрѣляйте, какъ васъ учили, умною пулей, рѣдко, но мѣтко, а когда придется до дѣла въ штыки, то продырявь его. Нашего ура врагъ не выноситъ. О васъ, гвардейцы, заботятся больше чѣмъ объ остальной арміи; у васъ лучшія казармы, вы лучше одѣты, накормлены, обучены, — вотъ вамъ минута доказать, что вы достойны этихъ заботъ“

Энергія, твердость и рѣшительность, съ которыми было все это говорено, производили, конечно, сильное впечатлѣніе на солдатъ и электризовали массы. Но неизвѣстно, даны ли были гвардейцамъ своевременно болѣе подробныя указанія относительно способа веденія атаки на турецкіе окопы, такъ какъ въ этомъ послѣ всѣхъ плевненскихъ неудачъ ощущалась настоящая потребность. Замѣчательно въ этомъ отношеніи также слѣдующее обстоятельство: нѣкоторымъ частямъ гвардіи, предназначеннымъ для атаки Горнаго Дубняка, было приказано изготавить изъ дубоваго лѣска, который росъ въ изобиліи подлѣ бивуаковъ, фашины по 75 штукъ на батальонъ, причемъ части, изготавившія ихъ, должны были доставить ихъ къ непріятельскимъ окопамъ, для облегченія штурма. Это обстоятельство показываетъ, что штурмъ предполагался по всѣмъ правиламъ. Однако вышло такъ, что при атакѣ ни одинъ гвардеецъ не воспользовался этими фашинами, и солдаты напрасно были обременены ихъ изготавленіемъ и доставкой на поле сраженія*), гдѣ онѣ были, по чьему-то приказанію, брошены.

Вечеромъ 10-го октября старшіе начальники, до полковыхъ въ пѣхотѣ и бригадныхъ въ артиллеріи, а также всѣ офицеры генеральнаго штаба

*) Переноска фашинъ была распредѣлена между изготавившими ихъ ротами такъ, что изъ трехъ рядовыхъ на долю двухъ приходилось по двѣ фашины, а третьему предстояло нести три ружья.

были собраны въ квартирѣ начальника отряда. Генеральъ - адъютантъ Гурко подробно объяснилъ имъ свои намѣренія относительно нападенія на Горный Дубнякъ, Телишъ и Дольный Дубнякъ, и старался выяснитъ каждому отряду предстоящую ему роль. „Слѣдуетъ, говорилъ онъ, держать Дольный Дубнякъ и Телишъ въ желѣзныхъ объятіяхъ, пока будетъ покончено съ Горнымъ Дубнякомъ“. Упомянувъ затѣмъ о необходимости самой энергической атаки Горнаго Дубняка, генеральъ заключилъ свою рѣчь напоминаніемъ о тѣхъ надеждахъ, которыя возлагаютъ на гвардію Государь и Россія.

Переходя, наконецъ, къ описанію самаго сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ, мы должны упомянуть еще о нѣкоторыхъ предварительныхъ мѣрахъ къ передвиженію русской гвардіи за р. Видъ.

Какъ мы уже упоминали выше, во избѣжаніе переправы войскъ черезъ р. Видъ въ самый день атаки и неизбѣжной при этомъ путаницы при слѣдованіи въ бой, рѣшено было передвинуть всѣ части гвардейскаго корпуса, въ ночь съ 11-го на 12-е октября, до пунктовъ сосредоточенія колоннъ, т. е. къ д. Чириково, расположенной на лѣвомъ берегу рѣки Видъ. Съ этою цѣлію генераломъ Гурко были заранее отысканы броды чрезъ упомянутую рѣку, и еще 5-го октября рота Его Величества лейбъ-гвардіи сапернаго батальона была направлена съ запасомъ необходимыхъ инструментовъ къ д. Чириково, для устройства противъ нея переправы. Въ шесть часовъ утра 6-го октября уже приступлено было къ устройству на рѣкѣ четырехъ спусковъ къ четыремъ бродамъ и къ постройкѣ двухъ мостовъ, для прохода всѣхъ трехъ родовъ войскъ, чрезъ протокъ Вида, у бывшей тамъ турецкой мельницы. Въ тотъ же день стрѣлки Его Величества приступили къ исправленію дороги въ самомъ селеніи Чириковѣ, подъ наблюденіемъ саперъ вышеупомянутой роты. Всѣ эти работы приказано было производить скрытно, чтобы не обратить вниманія непріятели. Къ вечеру 6-го октября всѣ упомянутыя работы были почти уже окончены, причемъ на мѣстахъ переправы были поставлены вѣхи съ номеромъ брода. Въ теченіи 8-го октября лейбъ-гвардіи саперный батальонъ, вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіи Волынскимъ полкомъ, работалъ по укрѣпленію медованской позиціи, послѣ осмотра ея генераль-адъютантомъ Гурко.

Имѣя въ виду, что отъ Лени-Баркача къ Чирикову вела единственная и притомъ весьма узкая проселочная дорога, пролежавшая по лѣсу, генераль-адъютантъ Гурко приказалъ, для избѣжанія растягиванія войскъ при предстоящемъ слѣдованіи къ р. Виду, прорубить въ лѣсу широкую просѣку и сдѣлать дорогу такую, чтобы пѣхота могла двигаться широкимъ фронтомъ. Работа эта была произведена 8-го же октября частями гвардейской пѣхоты, подъ наблюденіемъ гвардейскихъ саперъ.

Наконецъ генераль-адъютантъ Гурко приказалъ топографамъ опредѣлить разстояніе отъ Лени-Баркачскаго кургана до Горнаго Дубняка. Разстояніе это было опредѣлено въ 8 верстъ слишкомъ. Сообразно этому былъ сдѣланъ и расчетъ времени въ отданной потомъ диспозиціи по отряду.

Наканунѣ дня атаки, 11-го октября, лейбъ-гвардіи саперный батальонъ вновь работалъ по окончательному устройству переправы черезъ р. Видъ, такъ что люди этого батальона вступили на слѣдующій день въ бой, не спавши передъ тѣмъ двѣ ночи.

Отдавъ послѣднія приказанія, генераль Гурко переѣхалъ со своимъ штабомъ изъ селенія Лени-Баркачъ въ селеніе Чириково *), ближайшее къ мѣсту предполагаемой атаки.

Войска же провели этотъ день въ дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ бою: вязали фашины, чистили ружья, получали провіантъ и проч. Людямъ приказано было сварить по три фунта мяса на человѣка: изъ этого числа половину съѣсть на мѣстѣ 11-го октября, а другую половину взять съ собою на 12-е октября, вмѣстѣ съ семидневнымъ запасомъ сухарей. Все это нужно было уложить въ мѣшки, такъ какъ ранцы были оставлены на бивуакѣ.

Наступила ночь—канунъ того великаго дня, когда русская гвардія должна была принять крещеніе огнемъ. Вечеромъ люди, кто успѣлъ, отдохнули немного; послѣ же полуночи всѣ войска двинулись колоннами къ бродамъ черезъ р. Видъ.

Ночь была ясная, но сырая и холодная. Дулъ свѣжій, рѣзкій вѣтеръ. Яркая луна придавала фантастическій видъ изрѣзанной холмами мѣстности, по

которой двигались массы гвардейскихъ войскъ. Надъ движущеюся толпою стоялъ сдержанный шумъ. Громкіе разговоры были строго воспрещены. Солдаты, по обыкновению, шли бодро, даже весело; кое-гдѣ слышались, напримѣръ, остроты на счетъ турокъ; люди, неспіе фашины, говорили, что это они несутъ розги для наказанія турокъ.

Холодная ночь заставляла идти быстрѣе обыкновеннаго. Становилось все свѣжѣе и свѣжѣе, и тихій говоръ солдатъ постепенно умолкалъ съ приближеніемъ къ рѣкѣ Виду... Колонны подвигались въ глубокой тишинѣ. Къ сторонѣ турокъ не было замѣтно ни малѣйшаго движенія, ни одного признака, который бы указывалъ, что они догадываются о предстоящей имъ участи.

Часа въ два по-полуночи переднія части колоннъ подошли къ рѣкѣ Виду. Луна тускло проглядывала сквозь густой туманъ, висѣвшій надъ рѣкою, но броды черезъ нее рѣзко обозначались вѣхами, а также командами саперъ, поставленными при спускахъ къ бродамъ. На противоположномъ берегу, въ турецкой части селенія Чирикова, виднѣлись темныя очертанія строеній, и особенно ясно выдѣлялась большая турецкая мечеть, съ высокимъ минаретомъ, крытымъ бѣлою жемчугомъ, ярко блестящею при лунномъ свѣтѣ.

Войска остановились у рѣки. Ночной рѣзкой холодъ давалъ себя сильно чувствовать. Со стороны многихъ изъ числа молодыхъ солдатъ появилось было нѣкоторое колебаніе, которое, однако, тотчасъ же было приостановлено тѣмъ, что ихъ офицеры первые вошли въ воду и бойко призывали солдатъ слѣдовать ихъ примѣру. Одинъ изъ офицеровъ нашелся сказать имъ: „Какъ бы вы весело пошли въ воду, если бы за вами были турки; чего же вы колеблетесь, когда идете противъ нихъ“?...

Войска начали переходить рѣку шеренгами. Въ воздухѣ раздалось всплескиваніе воды отъ сотенъ ногъ, переходившихъ рѣку; но тишина попрежнему не нарушалась: всѣ старались молчать, понимая, что критическая минута настаетъ... Многіе солдаты предварительно сняли сапоги и перебирались въ такомъ видѣ; другіе пошли прямо, тщетно выбирая мелкія мѣста, чтобы не промочить ногъ: глубина оказывалась вездѣ довольно значительною, и холодная вода заливала черезъ голенище. Но солдаты, по обыкновению, и тутъ шу-

*) Селеніе это расположено на обѣихъ берегахъ рѣки Вида и раздѣлено послѣднимъ на двѣ части, причѣмъ на правомъ берегу находится болгарская часть, а на лѣвомъ—турецкая.

тили, говоря, что они принимают крещение по всемъ правиламъ. Артиллерія перешла рѣку частью также въ бродъ, частью по наведеннымъ мостамъ.

Перейдя броды, колонны собрались и затѣмъ двигались въ прежнемъ порядкѣ; батальонъ за батальономъ исчезали за рѣкою въ утреннемъ туманѣ... При этомъ офицеры генеральнаго штаба, назначенные въ каждую колонну, съ часами въ рукахъ, должны были проѣхать отъ рѣки до пунктовъ сосредоточенія своихъ колоннъ и такимъ образомъ опредѣлить это разстояніе, во избѣженіе ошибки во время ночнаго передвиженія. Этотъ способъ провѣрки разстояній оказался полезнымъ, и колонны сосредоточились совершенно точно въ назначенныхъ имъ пунктахъ.

Правая колонна (гвардейская стрѣлковая бригада) стала на дорогѣ изъ Крушеваца въ Чириково, въ двухъ верстахъ отъ него.

Средняя колонна (полки л.-гв. Московскій и гренадерскій и л.-гв. саперный батальонъ) стала недалеко отъ дороги изъ Чирикова въ Чумаковцы, въ разстояніи около полуверсты отъ Чирикова.

Лѣвая колонна (полки л.-гв. Павловскій и Финляндскій) заняла такъ называемую Свиначскую балку, верстахъ въ двухъ отъ р. Вида, лѣвѣе Чирикова. Здѣсь же остановился Телишскій отрядъ (л.-гв. Егерскій полкъ и 1-я и 2-я бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи).

Кавалерійскій отрядъ полковника Червина (кавказская бригада и два полка каларашей) въ теченіи ночи собрался къ д. Абаскюй.

Три полка 1-й гвардейской дивизіи (л.-гв. Семеновскій, Преображенскій и Измайловскій), составлявшіе заслонъ со стороны Дольнаго Дубняка и резервъ штурмоваго отряда, остановились противъ бродовъ, не переходя р. Видъ.

Остальные кавалерійскіе демонстративные отряды совершили указанныя имъ въ диспозиціи передвиженія также въ теченіи этой ночи.

Войска расположились въ возможной тишинѣ на вышеозначенныхъ пунктахъ бивуакомъ подъ открытымъ небомъ. По большей части они скрыты были отъ непріятеля расположенными впереди нихъ лѣсистыми холмами, на которыхъ тотчасъ же были выставлены казачьи посты, но на незначительномъ

разстояніи отъ бивуаковъ, чтобы не наткнуться на черкесовъ и не открыть своего движенія.

Не смотря на рѣзкій утренній холодъ, костры на бивуакахъ были строго воспрещены, точно такъ же, какъ и куреніе табаку, громкіе разговоры и т. п. Разумѣется, изъ людей мало кто уснулъ: одинъ снималъ сапоги, чтобы вылить изъ нихъ набѣжавшую на бродъ воду; другой прилаживалъ аммуницію; третій шепотомъ передавалъ товарищу свои впечатлѣнія, а можетъ быть и послѣднюю волю... Страхъ не пугалъ солдатъ, но ожиданіе чего-то новаго, незнакомаго невольно заставляло сжиматься сердце каждаго... Отъ сильнаго холода солдаты страшно продрогли, и многіе старались согрѣться, ложась близко одинъ къ другому... Офицеры бесѣдовали отдѣльными группами, невольно всматриваясь въ ту сторону, гдѣ находился непріятель, съ которымъ черезъ нѣсколько часовъ придется имѣть дѣло.

Торжественны были эти минуты, наканунѣ разсвѣта того дня, который былъ послѣднимъ для многихъ изъ бесѣдовавшихъ здѣсь. Каждый внутренно сознавалъ серьезность минуты, но мало кто предчувствовалъ, что завтра предстоитъ дѣло, которое дастъ всей кампаніи блестящій оборотъ.

Стало уже разсвѣтать. Звѣзды становились все блѣднѣе и блѣднѣе. Рѣзче стали выдѣляться очертанія сосѣднихъ холмовъ. Позади выдѣлялась извилистою лентою рѣка Видъ, на темной зеркальной поверхности которой отражались ярко-горѣвшіе костры, разведенные гвардейскими полками, остановившимися на противоположномъ, правомъ берегу. Гдѣ-то, глухо стуча колесами и побрякивая, двигалась артиллерія.

Но не успѣло еще взойти солнце и озарить своими лучами линіи стройныхъ батальоновъ и блестящихъ орудій, въ молчаніи ожидавшихъ приказанія двинуться въ бой, какъ приказаніе это уже послѣдовало. Было еще темно, когда разнесся по бивуаку, часовъ въ 6 утра, громкій голосъ генерала Гурко: „Сѣдлатъ коней! черезъ четверть часа—выступленіе!“

Все еще не разсвѣтало, а генералъ Гурко уже ѣздилъ верхомъ по направленію къ софійскому посѣ, гдѣ въ кустахъ была разсыпана цѣпь турецкихъ аванпостовъ.

Позади генерала медленно подвигались колонны

пѣхоты, расходясь по тремъ различнымъ направле- ниямъ: гвардейская стрѣлковая бригада, двинув- шаяся съ бивуака ровно въ 6¹/₄ час. утра, заби- рала вправо, черезъ пашни, кукурузныя поля и тра- вяные луга, въ обходъ непріятельской позиціи со стороны Дольнаго Дубняка. Лейбъ-гвардіи Москов- ской и Гренадерской полки и гвардейской саперной батальонъ, выступившіе получасомъ позже осталь- ныхъ колоннъ, такъ какъ имъ предстоялъ самый кратчайшій путь, шли прямо на турецкія укрѣпле- нія черезъ дубовый лѣсокъ, покрывав- шій возвышенность, отдѣлявшую насъ отъ непріятеля. Лейбъ- гвардіи Финляндской и Павловской полки, выступившіе съ би- вуака ровно въ 6¹/₄ часовъ, направились влѣво, частью чрезъ пашни и кукуруз- ныя поля, частью чрезъ дубовый лѣ- сокъ, покрывавшій возвышенность у со- фійскаго шоссе къ сторонѣ Телиша.

Солнце уже воз- шло и свѣтило яр- кими лучами. По- слѣ свѣжей, даже хо- лодной ночи насту- пилъ чудный день.

Шедшій во главѣ правой колонны, впе- реди стрѣлковой бригады, конвой Его Величества, около 8 часовъ утра наткнулся неожиданно на цѣпь черкесовъ и непріятельскую пѣхоту, охранявшую шоссе между Горнымъ и Дольнымъ Дубняками и за- сѣвшую въ ложементахъ. Съ обычною храбростью конвойцы опрокинули черкесовъ и завязали пере- стрѣлку съ пѣшею цѣпью. Въ то же время часть ка- заковъ, выйдя на шоссе, прервала телеграфное сооб- щеніе между Дольнымъ и Горнымъ Дубняками. Но вскорѣ получено было донесеніе, что со стороны

Дольнаго Дубняка наступаетъ на шоссе около одного непріятельскаго табора. Нужно было немедленно очистить шоссе отъ противника и прикрыть тылъ правой колонны отъ могущихъ появиться со сто- роны Плевны непріятельскихъ частей. Съ этой цѣлю генераль Эллисъ 1-й тотчасъ же выдвинулъ на шоссе 2-й стрѣлковый батальонъ, подъ коман- дою флигель-адъютанта полковника Гриппенберга. Стрѣлки быстро и энергически выбили турокъ изъ ложементовъ и, послѣ двукратной попытки непріа-

теля остановить ихъ наступленіе, оконча- тельно отбросили его въ сторонѣ Дольнаго Дубняка.

Всѣ описанныя дѣйствія происходи- ли чрезвычайно бы- стро, и правая ко- лонна, торопясь впе- редъ и выбиваясь изъ силъ отъ труд- ности движенія цѣ- ликомъ по полямъ, ни на минуту не прио- станавливала своего движенія. Убѣдясь наконецъ, что ко- лонна находится уже вблизи шоссе и что, слѣдовательно, до- шла до того пункта, откуда ей приказано было вести наступ- леніе противъ Гор- наго Дубняка, гене-

Генераль-маіоръ Лавровъ.

ралъ Эллисъ 1-й, вызвавъ обѣ батареи *) на шоссе и, оставивъ 2-й батальонъ въ прикрытіе со стороны Дольнаго Дубняка, приказалъ осталь- нымъ батальонамъ зайти правымъ плечемъ впередъ и начать наступленіе къ Горному Дубняку. Ба- тальоны, перестроенные въ двѣ линіи по-ротно, съ цѣпью впереди, двинулись впередъ въ слѣдующемъ порядкѣ: лейбъ-гвардіи 1-й стрѣлковый Его Вели-

*) 6-я бат. 1-й гвардейской артиллерійской бригады и 6-я бат. 2-й гвардейской артиллерійской бригады.

чества батальонъ на правомъ флангѣ, 3-й стрѣлковый Финскій батальонъ—на лѣвомъ флангѣ, лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи батальонъ во второй линіи. На высотѣ послѣдняго двигались и обѣ батареи. Въ это время, т. е. около 8¹/₂ часовъ утра, слѣва (со стороны средней колонны) послышались уже выстрѣлы, и затѣмъ огонь началъ усиливаться съ поразительною быстротою и необычайною силою. Прямо передъ стрѣлковыми батальонами, верстахъ въ 2¹/₂ впереди, показался, наконецъ, изъ-за выгиба мѣстности турецкій главный редутъ и посреди него высокій выдающійся кавальеръ, представлявшій отличную цѣль для нашей артиллеріи. Обѣ батареи правой колонны тотчасъ же заняли позицію, саженьхъ въ 1,200 отъ непріятеля, и открыли по немъ рѣдкій огонь гранатами. Батальоны же продолжали движеніе впередъ, можетъ быть, съ излишнею стремительностью.

Тѣмъ временемъ лѣвая колонна (лейбъ-гвардіи Павловскій и Финляндскій полки), послѣ довольно утомительнаго движенія по пересѣченной мѣстности вдоль лѣваго берега р. Вида, вышла наконецъ на шоссе, въ промежутокъ между Телишемъ и Горнымъ Дубнякомъ. Еще во время слѣдованія этой колонны по Свинарской балкѣ она была нѣсколько задержана переходомъ черезъ неширокую, но очень глубокую канаву; съ выходомъ же колонны на шоссе, ей предстояло подняться еще на высокіе холмы, поросшіе отдѣльными дубами, скрывавшими ее отъ непріятеля. Поэтому, по прибытіи лѣвой колонны на шоссе, ей данъ былъ часовой отдыхъ, послѣ чего она опять двинулась впередъ. За лѣсистыми холмами мѣстность стала нѣсколько ровнѣе, и обширный горизонтъ открылся передъ полками лѣвой колонны. Далеко впереди, къ сѣверу, выдѣлились два темныя небольшія возвышенія, въ родѣ кургановъ, и всякій понялъ, что это были турецкіе редуты. Но редуты пока еще молчали; солдаты стройными рядами двигались впередъ по мелкому кустарнику, унимая невольное чувство волненія, овладѣвшее многими изъ нихъ. Вдругъ откуда-то слѣва раздался выстрѣлъ, и первая граната пролетѣла надъ головами Финляндцевъ; за нею—другая, третья. Тотчасъ же батальоны перестроились въ боевой порядокъ, въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ, со стрѣлковою цѣнью впереди. Лейбъ-гвардіи Финляндскій

вып. IV.

полкъ пошелъ влѣво отъ шоссе, по весьма густому молодому лѣсу, а лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ направился по открытой мѣстности, вправо отъ дороги. 2-й батальонъ Павловскаго и 2-й батальонъ Финляндскаго полковъ составили резервъ, вступивъ подъ команду флигель-адъютанта полковника Рунова. Вскорѣ впереди и къ сторонѣ лѣвой колонны послышалась частая ружейная стрѣльба. Обѣ батареи лѣвой колонны (4-я и 5-я батареи 2-й гвардейской артиллерійской бригады) были немедленно вызваны на позицію и открыли огонь по непріятелю первоначально съ дистанціи нѣсколько болѣе 900 сажень, но вскорѣ перешли на дистанцію около 750 сажень. Батальоны же лѣвой колонны въ указанномъ вышѣ порядкѣ продолжали быстро подвигаться впередъ.

Но почти получасомъ прежде, нежели лѣвая и правая колонны успѣли подойти къ позиціи у Горнаго Дубняка, средняя колонна (лейбъ-гвардіи Гренадерскій и Московскій полки и гвардейскій Саперный батальонъ), выйдя около 8¹/₂ часовъ утра къ непріятельской позиціи, завязали уже дѣло съ непріятелемъ.

Средняя колонна шла отъ Чирикова черезъ лѣсистую возвышенность въ слѣдующемъ порядкѣ: въ центрѣ двигались двѣ батареи (1-я и 2-я лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады); вправо отъ нихъ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, имѣя 4-й батальонъ въ первой линіи, а 2-й и 3-й батальоны *) — во второй. Влѣво отъ батарей шель лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, также имѣя въ первой линіи 4-й батальонъ, а 2-й и 3-й батальоны во второй линіи. 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ составляли частный резервъ средней колонны и подвигались позади батарей. Благодаря пересѣченной мѣстности, почти сплошь покрытой молодымъ дубовымъ лѣскомъ, сохраненіе при движеніи впередъ разъ принятаго направленія, а также и связи между отдѣльными частями средней колонны было дѣломъ крайне труднымъ, а потому, для восстановленія этой связи и провѣрки общаго направленія движенія, батальонамъ приходилось пріостанавливаться почти на каждой полянѣ.

*) 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка находился на медованской позиціи.

Въ разстояніи около трехъ верстъ отъ Горнаго Дубняка раздались первые выстрѣлы турецкихъ аванпостовъ, столкнувшихся съ передовыми батальонами средней колонны; но турки скоро оставили занимаемые ими въ опушкѣ лѣса ложементы и скрылись изъ виду. Вслѣдъ затѣмъ въ турецкомъ лагерѣ ударили тревогу, и это дало возможность нашимъ передовымъ батальонамъ выйдти, по звуку турецкихъ сигнальныхъ рожковъ, прямо къ непріятельской позиціи.

Въ это время, т. е. около 8¹/₂ часовъ утра, обѣ батареи средней колонны заняли уже позицію въ разстояніи около 800 сажень къ юго-востоку отъ малаго турецкаго редута, на полянѣ, гдѣ находились покинутые турецкими аванпостами ложементы. Батареи наши тотчасъ же открыли весьма удачную стрѣльбу по непріятельской позиціи.

Съ появленіемъ нашихъ батарей и передовыхъ батальоновъ на опушкѣ лѣса, снова раздались выстрѣлы противника, на этотъ разъ уже съ малаго турецкаго редута. Но авангардъ нашъ, не отвѣчая на выстрѣлы турокъ, продолжалъ дальнѣйшее наступленіе, прикрываясь лишь огнемъ орудій съ вышеупомянутой поляны. Вскорѣ огонь непріятеля началъ замѣтно усиливаться; пули уже роємъ жужжали въ лѣсу, и, шурша, проносились сквозь вѣтви деревьевъ, залетая даже въ батальоны, шедшіе во второй линіи. Съ какимъ, однако, спокойствіемъ встрѣтили эту первую опасность Лейбъ-Гренадеры, противъ которыхъ преимущественно былъ направленъ непріятельскій огонь, доказываютъ уже слѣдующіе случаи. Проходя по кукурузному полю, на которомъ мѣстами росли огромныя тыквы, нѣкоторыя изъ солдатъ, идя уже подъ пулями, шутя втыкали въ эти тыквы штыки, предвѣщая такую же участь и туркѣ, что возбуждало общую веселость въ рядахъ. Достаточно было также въ это время выскочить изъ кустарника волку, какъ Лейбъ-Гренадеры, забывъ всякую опасность, съ шумомъ бросались за „сѣрымъ“, не прекращая своихъ преслѣдованій до тѣхъ поръ, пока не кончали съ нимъ.

Въ то время, какъ авангардъ Лейбъ-Гренадерскаго полка (4-й батальонъ) вышелъ уже на опушку лѣса, 2-й и 3-й батальоны гренадеръ, продолжая еще идти густымъ лѣсомъ, уклонились-было нѣсколько влѣво и зашли въ расположеніе лѣвой ко-

лонны. Вслѣдствіе этого командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, исполняя приказаніе начальника средней колонны, генераль-маіора барона Зедделера, отправился ко 2-му и 3-му батальонамъ и перевелъ ихъ вправо на опушку лѣса, къ юго-востоку отъ малаго редута, причемъ 2-й батальонъ сталъ правѣе 4-го, затѣмъ 3-й батальонъ, а для заполнения промежутка, образовавшагося между правымъ флангомъ полка и батареею, былъ выдвинутъ изъ резерва 1-й батальонъ Лейбъ-Гренадеръ.

Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ сталъ въ это время немного впереди и вправо отъ батареи, также на опушкѣ лѣса.

Въ то же время, какъ мы уже знаемъ, подходили къ непріятельской позиціи, съ юга и съ сѣвера, наши правая и лѣвая колонны, и начали уже обстрѣливать турецкія укрѣпленія артиллерійскимъ огнемъ.

Вслѣдъ затѣмъ подошла къ Горному Дубняку изъ Семеретъ-Трстяника кавалерійская колонна флигель-адъютанта полковника Черевина, которая также открыла артиллерійскій огонь по турецкимъ укрѣпленіямъ съ четвертой, западной стороны.

Такимъ образомъ, около 9¹/₂ часовъ утра вокругъ непріятельской позиціи образовалось кольцо артиллерійскаго огня, причемъ концентрическая стрѣльба нашихъ 54-хъ орудій наносила непріятелю страшный уронъ. Поминутно вспыхивавшіе на брустверѣ турецкаго редута и внутри него огненные языки свидѣтельствовали о чрезвычайной мѣткости нашихъ снарядовъ. Словомъ, турки были окружены со всѣхъ сторонъ, и планъ обложенія былъ, по-видимому, исполненъ какъ нельзя болѣе удачно. Казалось, непріятелю ничего не оставалось болѣе, какъ только сдаться или умереть въ собственныхъ ложементахъ.

Къ сожалѣнію, прежде нежели успѣли обнаружить существенные результаты отъ дѣйствія нашего артиллерійскаго огня, Лейбъ-Гренадерамъ пришлось уже вступить въ бой съ непріятелемъ, не выждавъ приближенія на надлежащее разстояніе къ непріятельской позиціи остальныхъ нашихъ колоннъ.

Какъ мы уже сказали выше, около 8¹/₂ часовъ утра, флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій вывелъ на опушку лѣса, къ юго-востоку отъ турецкихъ укрѣпленій, 4-й, 2-й и 3-й батальоны Лейбъ-

Гренадеръ. Въ это время правая и лѣвая колонны только еще подходили къ непріятельской позиціи, открывъ лишь артиллерійскій огонь.

Лейбъ-Гренадеры стояли на высококомъ холмѣ, тянувшемся параллелью шоссе и поросшемъ дубовымъ кустарникомъ въ перемежку съ довольно густымъ лѣсомъ. Холмъ этотъ отлого спускается въ лощину, въ которой видѣлись послѣднія группы невысокаго кустарника. Лощина далѣе переходила въ новую отлогость, совершенно открытую, на которой расположенъ былъ малый турецкій редутъ. За малымъ редутомъ, какъ извѣстно, проходило шоссе, а за нимъ стоялъ второй большой турецкій редутъ; но ни большого редута, ни шоссе съ мѣста расположенія Лейбъ-Гренадеръ пока еще нельзя было рассмотреть.

Огонь турецкій въ это время былъ уже довольно сильный. Не смотря на то, что туркамъ, по всей вѣроятности, не видно было Лейбъ-Гренадеръ, скрывавшихся въ частомъ лѣсу, они стрѣляли наугадъ, пуская въ лѣсъ цѣлый дождь пуль и гранатъ. Наши, въ свою очередь, хотя также не видѣли пока непріятеля, но за то явственно слышали свистъ пуль, проносившихся въ лѣсу по всемімъ направленіямъ.

Здѣсь, на опушкѣ лѣса, въ высокомъ кустарникѣ, у Лейбъ-Гренадеръ появились первые раненые. Однимъ изъ самыхъ первыхъ былъ раненъ въ ногу самъ командиръ полка, полковникъ Любовицкій, который однако не покинулъ своего поста и продолжалъ командованіе полкомъ. Съ этого времени потери Лейбъ-Гренадеръ начали—быстро возрастать. Крики: „ахъ!.. ой!.. охъ!..“ раздавались кругомъ ежеминутно; кто хватался рукою за щеку, кто—за ногу, кто просто безмолвно падалъ на землю.

4-й батальонъ, выйдя на опушку лѣса, открылъ было огонь по непріятелю, но, къ сожалѣнію, огонь этотъ былъ почти безвреденъ для невидимаго противника, защищеннаго, вдобавокъ, высокими брустверами.

Очевидно, что при такомъ положеніи дѣла всякая лишняя минута стоила Лейбъ-Гренадерамъ новыхъ и притомъ совершенно бесполезныхъ жертвъ; кромѣ того, и духъ войска въ этомъ случаѣ долженъ былъ бы неизбежно падать. Приходилось или отойти куда-либо въ сторону, за какое-нибудь прикрытіе,

или же, не теряя времени, идти тотчасъ же впередъ, не смотря на градъ пуль, въ атаку...

Командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, очутившись разъ въ столь опасномъ мѣстѣ, не захотѣлъ уже отводить полка куда-либо въ другое, болѣе безопасное мѣсто*). Осмотрѣвъ внимательно позицію турокъ и увидѣвъ малый непріятельскій редутъ, а также и расположеніе другихъ частей, приближавшихся въ это время къ турецкой позиціи, онъ пришелъ къ заключенію, что атака непріятеля теперь уже возможна. Нужно замѣтить, что большой редутъ не былъ пока ему видѣнъ. Немедленно онъ отдалъ приказаніе 2-му батальону штурмовать малый редутъ, а 3-му батальону—поддерживать атаку 2-го. Скомандовавъ бить атаку, полковникъ Любовицкій съ обнаженною саблею вышелъ самъ впередъ 2-го батальона, хромая на раненую ногу, и, лично проведя свой батальонъ нѣсколько шаговъ впередъ, крикнулъ затѣмъ ура. Лейбъ-Гренадеры, развернувшись въ линію, безъ выстрѣла, съ грозными криками, кинулись бѣгомъ въ лощину и затѣмъ вверхъ, по склону непріятельскаго холма, къ малому редуту.

Былъ уже одиннадцатый часъ утра. Солнце стояло уже высоко и начинало сильно припекать. Выбѣжавъ совсѣмъ впередъ изъ опушки лѣса, въ рѣдкій дубовый кустарникъ, Лейбъ-Гренадеры увидѣли передъ собою поднимающуюся, совершенно открытую отлогость непріятельскаго холма и на ней малый турецкій редутъ, весь окутанный дымомъ отъ яростной стрѣльбы, направленной въ наступающихъ. Замѣтивъ послѣднихъ, турки еще болѣе усилили огонь. На встрѣчу Лейбъ-Гренадерамъ полетѣлъ настоящій градъ свинца. Ужаснѣе этого огня трудно и вообразить себѣ. Въ какія-нибудь пять-десять минутъ все мѣсто, по которому происходило наступленіе, было въ буквальномъ смыслѣ слова усыяно тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Цѣлая масса послѣднихъ, обливаясь кровью, напрасно взывала о помощи. Кругомъ водворился какой-то адъ: надрывающіе душу стоны раненыхъ, раскаты орудійныхъ выстрѣловъ,

*) Было ли такое мѣсто гдѣ-нибудь по близости—неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ рѣшеніе полковника Любовицкаго оказало вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ.

свистъ пуль и трескъ ломаемыхъ ими вѣтвей, все это, сливаясь въ одинъ общій гулъ, производило потрясающее душу впечатлѣніе.

Не смотря на все это, Лейбъ-Гренадеры стремительно бѣжали впередъ, сквозь этотъ градъ пуль, взобрались на отлогость, вскочили въ ровъ редута и ползли на брустверъ.

Турки въ редутѣ засуетились. Часть изъ нихъ обратилась въ бѣгство, спасался за шоссе въ большой редутъ. Другая часть осталась на мѣстѣ, стрѣляя въ упоръ лѣзшими на брустверъ гренадерамъ. Одинъ изъ турецкихъ офицеровъ вскочилъ на насыпь и сталъ махать высоко надъ собой саблею въ направленіи къ большому редуту, какъ-бы призывая къ себѣ на помощь; но изъ большого редута никто не выходилъ, ибо было уже поздно.

Первыми вскочили на брустверъ поручики Мачевріановъ и Шейдеманъ, а изъ нижнихъ чиновъ — Морозовъ и рядовой 5-ой роты Радичевъ. Морозовъ, вскочивъ на насыпь, по свидѣтельству его ротнаго командира, тотчасъ же свалилъ съ ногъ того самого офицера, который звалъ турокъ къ себѣ на помощь. Поручикъ Шейдеманъ, очутившись на брустверѣ, выстрѣлилъ въ упоръ изъ пистолета въ бросившагося на него съ саблею другаго турецкаго офицера и также убилъ его наповаль. Шейдеманъ и Мачевріановъ, впрочемъ, тутъ же были сами ранены, — послѣдній изъ нихъ пулею въ ногу съ раздробленіемъ кости. Ворвавшіеся въ редутъ вслѣдъ за ними Лейбъ-Гренадеры приняли турокъ въ штыки. Не долго продолжалась борьба. Всѣ, неуспѣвшіе бѣжать, защитники редута были переколоты. Малый редутъ былъ въ нашихъ рукахъ. Атака эта, вмѣстѣ съ предшествовавшими потерями, обошлась полку около 200 человекъ убитыми и болѣе 400 ранеными.

Много раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ не выходили изъ строя, въ томъ числѣ, между прочими, и командующій 2-мъ батальономъ, капитанъ Засуличъ; во время атаки, картечная пуля ударила его наискось въ животъ, сорвала часть мундира и сильно контузила; Засуличъ упалъ почти безъ чувствъ, но потомъ оправился и прибрелъ къ своему батальону.

Успѣху нашему много способствовала неожиданность атаки для непріятеля, причемъ ожидаемая

защитниками редута поддержка отъ гарнизона главнаго укрѣпленія не могла состояться.

Атака Лейбъ-Гренадеръ была произведена такъ неожиданно и съ такою быстротою, что наша артиллерія, не предувѣдомленная своевременно, не замѣтила появленія Лейбъ-Гренадеръ въ маломъ редутѣ и продолжала осыпать его гранатами, вслѣдствіе чего полковникъ Любовицкій послалъ съ ординарцемъ приказаніе стрѣлявшей батарее прекратить огонь; но и послѣ этого долго еще залетали въ малый редутъ наши пули.

Занявъ малый редутъ, Лейбъ-Гренадеры сразу очутились въ 80-ти саженьяхъ отъ большого турецкаго редута, такъ что стоило только перебѣжать шоссе и небольшую поляну, чтобы овладѣть послѣднимъ убѣжищемъ противника. Лейбъ-Гренадеры и кинулись-было преслѣдовать отступавшихъ изъ малаго редута турокъ, чтобы по пятамъ ихъ ворваться въ большой редутъ. Но изъ этого укрѣпленія посыпался на встрѣчу Лейбъ-Гренадерамъ такой ливень пуль, который мгновенно положилъ многихъ изъ храбрѣйшихъ, а остальныхъ заставилъ тотчасъ же повернуть назадъ. Огонь турецкій свирѣпствовалъ до тѣхъ поръ, пока Лейбъ-Гренадеры не укрылись, наконецъ, за насыпями и во рву малаго редута.

Послѣ этого всякая попытка Лейбъ-Гренадеръ пойти на большой редутъ прямо съ фронта кончалась сотнями геройскихъ смертей и вызывала страшный огонь изъ турецкаго укрѣпленія.

Мало того, непріятельскій редутъ началъ безпрерывно осыпать градомъ свинца какъ занятый гренадерами малый редутъ, такъ и все пространство позади него, по которому шли гренадеры въ атаку, и даже тотъ лѣсъ, въ которомъ стояли резервы — 1-й батальонъ Гренадерскаго полка и лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ. Вскорѣ нельзя было показаться въ открытомъ полѣ одному человѣку за версту и болѣе отъ турецкаго редута безъ того, чтобы не привлечь на себя массы непріятельскихъ выстрѣловъ: — такъ сильно свирѣпствовалъ кругомъ него турецкій огонь. Въ занятомъ же нами маломъ редутѣ нельзя было, что называется, пальца высунуть изъ насыпи безъ того, чтобы въ него не направился ливень пуль. Всякій, кто показывался изъ-за бруствера, падалъ наповаль убитымъ. Лейбъ-Гренадеры, чтобы найти хотя

малѣйшую защиту отъ непріятельскаго огня, должны были прилечь къ землѣ за насыпями малаго редута, во рву его, а также позади редута, за неровностями почвы. Турецкій же редутъ непрерывно трещалъ надъ ними на-подобіе гигантской трещетки и сыпалъ во всѣ стороны какимъ-то бѣшеннымъ огнемъ. Казалось, непріятель хотѣлъ смести Лейбъ-Гренадеръ съ лица земли.

Положеніе Лейбъ-Гренадеръ становилось въ высшей степени опаснымъ. Нельзя было не только поднятись съ земли, чтобы идти въ атаку на непріятеля, но рискованно было оставаться и въ самомъ редутѣ, гдѣ уцѣлѣвшія роты начали быстро таять. Нѣкоторыя части, не умѣстившіяся внутри редута и укрывшіяся внѣ его, таяли еще съ большею быстротою. Объ отступленіи при такихъ обстоятельствахъ нечего было и думать. Подвести резервъ къ малому редуту было также рискованно и значило почти то же, что идти на новую атаку. Между тѣмъ, можно было ожидать съ минуты на минуту атаки турокъ.

Быль двѣнадцатый часъ дня.

Въ это время правая и лѣвая наши колонны уже настолько приблизились къ непріятелю, что завязали съ нимъ перестрѣлку.

Въ лѣвой колоннѣ, какъ мы уже упоминали выше, лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, развернувшись въ двѣ линіи, шелъ на правомъ флангѣ, по правую сторону шоссе, очень близко къ расположенію Лейбъ-Гренадерскаго полка. Въ Павловцевѣ былъ направленъ изъ большаго редута также убійственный огонь. Роты двигались, насколько было возможно, быстро, перебѣжками: пробѣгутъ нѣсколько шаговъ впередъ и снова ложатся. Вдругъ къ правому флангу Павловскаго полка подбѣжалъ полковникъ Любовицкій, безъ шапки, въ разорванномъ мундирѣ, окровавленный, съ крикомъ: „Ребята, спасайте гренадеръ!“ Разстояніе до редута было уже небольшое; пули давно уже причиняли Павловцамъ сильный вредъ и многихъ уже выбили изъ строя. Нервы уже были сильно напряжены, и подобное воззваніе о помощи въ такую минуту не могло быть отвергнуто никоимъ образомъ. Роты, слышавшія эти слова, мигомъ поднялись и, не останавливаясь, кинулись къ малому редуту. Пробѣжать это разстояніе, хотя и незначительное, было все-таки трудно. Впередъ бѣжали всѣ, но до мѣста добѣжала только

часть, остальная же осталась на томъ полѣ, съ котораго двинулась. Достигнувъ малаго редута, Павловцы расположились вправо отъ него, вдоль шоссе, укрываясь за канавами, и уже дальше не могли двинуться. Ожесточенный огонь съ большаго редута приковалъ и ихъ, подобно Лейбъ-Гренадерамъ, къ мѣсту.

Между тѣмъ, полковникъ Любовицкій, двинувъ въ бой своею энергическою просьбою правый флангъ Павловскаго полка, отыскавъ затѣмъ командующаго этимъ полкомъ и обратился къ нему съ тою же просьбою. По приказанію послѣдняго, остальные роты Павловцевъ двинулись также къ малому редуту.

Въ то же время командующій среднею колонною, генераль-маіоръ баронъ Зедделеръ, желая поддержать атаку Лейбъ-Гренадеръ, двинулъ впередъ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ и обѣ батареи средней колонны поѣшелонно.

Около того же времени и командующій лѣвою колонною, свиты Его Величества генераль-маіоръ Розенбахъ, увидя атаку Лейбъ-Гренадеръ, повелъ на штурмъ противъ большаго редута лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, вызвавъ съ тою же цѣлію изъ своего резерва 2-ой батальонъ Павловскаго и 2-ой батальонъ Финляндскаго полковъ, подъ командою флигель-адъютанта полковника Рунова. Въ резервѣ лѣвой колонны остались только 5-ья роты этихъ двухъ батальоновъ, подъ командою полковника Борисова.

Видя, что другіе полки вступили такимъ образомъ въ дѣло, полковникъ Любовицкій отправился за 1-мъ батальономъ своего полка, находившимся вмѣстѣ съ сапернымъ батальономъ въ дубовомъ лѣску, въ резервѣ средней колонны.

1-й батальонъ Лейбъ-Гренадеръ, двинутый полковникомъ Любовицкимъ въ атаку на большой редутъ, привлекъ на себя еще въ лѣсу ожесточенный огонь турокъ. Догадываясь, что въ этомъ лѣску должны были находиться наши резервы, турки посылали туда буквально градъ пуль, съ пронзительнымъ свистомъ пробивавшихъ себѣ путь сквозь листья и вѣтви деревьевъ. Выбравшись съ значительными потерями изъ опушки лѣска, 1-й батальонъ пошелъ по открытому мѣсту холма и привлекъ на себя еще болѣе убійственный огонь. Здѣсь были вскорѣ ранены командиръ 1-го батальона, полков-

никъ Аспелундъ, командиръ 4-ой роты капитанъ Ермолаевъ, нѣсколько другихъ офицеровъ и множество нижнихъ чиновъ. Батальонъ продолжалъ наступленіе такимъ образомъ, что, пробѣжавъ шаговъ 30, люди ложились на землю; въ это время отсталые нѣсколько подбирались; затѣмъ слѣдовала новая перебѣжка, и опять на землю. Послѣ цѣлаго ряда перебѣжекъ батальонъ, вслѣдствіе усиленнаго огня съ большаго редута, принужденъ былъ уклониться въ сторону и, принявъ влѣво, пришелъ какъ разъ къ малому редуту, гдѣ и смѣшался съ лежавшимъ за насыпями редута 2-мъ батальономъ своего полка.

Турки, между тѣмъ, продолжали осыпая малый редутъ тучами пуль, попрежнему приковывая къ мѣсту Лейбъ-Гренадеръ. Полковникъ Любовицкій рѣшился, однако, еще разъ попытать атаку большаго редута съ фронта. Взявъ съ собою барабанщика 5-ой роты Рындина и выйдя съ нимъ впередъ малаго редута, полковникъ Любовицкій приказалъ ему ударить бой къ атакѣ на главное укрѣпленіе, вслѣдствіе чего нѣсколько храбрѣйшихъ солдатъ выбѣжали впередъ. Можно себя представить, какъ турки отвѣтили на это движеніе. Мгновенно смѣльчаки были перебиты. Оставшись вдвоемъ съ полковникомъ Любовицкимъ, барабанщикъ Рындинъ, не теряя присутствія духа, продолжалъ все-таки бить одинъ до тѣхъ поръ, пока и самъ не упалъ тяжело раненымъ. Тогда полковникъ Любовицкій кинулся къ нему, схватилъ барабанъ и, надѣвъ его себя на плечо, началъ было самъ бить въ атаку, но не успѣлъ сдѣлать и перваго удара по барабану, какъ былъ раненъ пулею въ плечо на вылетъ. Вросивъ тогда барабанъ, полковникъ Любовицкій выхватилъ саблю, чтобы воодушевить людей; но видя, что и это не дѣйствуетъ, кинулся ко рву малаго редута и приказалъ лежавшему тамъ за прикрытіемъ барабанщику бить атаку, не покидая мѣста. Заслышавъ призывные звуки барабана, Лейбъ-Гренадеры снова вскочили изъ-за прикрытій малаго редута и двинулись - было впередъ; но, встрѣченные съ большаго редута страшнымъ ружейнымъ огнемъ, мгновенно вырвавшимся изъ ихъ рядовъ нѣсколько десятковъ смѣльчаковъ, Лейбъ-Гренадеры принуждены были снова спрятаться за прикрытія малаго редута. Тогда полковникъ Любовицкій, страдая отъ раны, легъ на

носилки и приказалъ себя нести на перевязочный пунктъ съ тѣмъ, чтобы, перевязавъ рану, снова вернуться на поле сраженія. Вместе съ тѣмъ, Любовицкій послалъ донесеніе генералу Гурко о положеніи дѣлъ.

Такимъ образомъ, полковой командиръ, почти все командиры батальоновъ и ротъ пожертвовали собою, чтобы поддержать атаку Лейбъ-Гренадеръ; но всякая попытка въ этомъ родѣ сокрушалась убійственнымъ огнемъ съ неприятельскаго редута, дѣйствовавшего на-подобіе гигантской паровой машины, извергавшей массу смертоноснаго свинца. Лейбъ-Гренадеры, начиная отъ командировъ и кончая нижними чинами, сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ, чтобы сломить ожесточенное упорство противника, и все-таки не могли двинуться дальше малаго редута.

Командиръ 3-й роты, поручикъ Моисеевъ, былъ раненъ во время атаки въ правое плечо и упалъ, потерявъ сознание. Замѣтивъ это, рядовой 3-й роты, Прокофій Чаплыгинъ, не растерявшійся ни на минуту, схватилъ своего ротнаго командира за руку и, протащивъ шаговъ 50, вынесъ его изъ сферы самаго убійственнаго огня. Выбившись совершенно изъ силъ, Чаплыгинъ положилъ раненаго командира на землю, а самъ легъ впереди него, спиною къ неприятельскому редуту, прикрывая указаннаго офицера собственнымъ тѣломъ отъ цѣлой массы падавшихъ здѣсь неприятельскихъ пуль. Въ такомъ положеніи, подъ сильнѣйшимъ огнемъ, на совершенно открытой мѣстности, Чаплыгинъ сдѣлалъ поручику Моисееву первую перевязку и оставался здѣсь, прикрывая его, съ 11 часовъ утра до конца боя. За такой доблестный подвигъ рядовой Чаплыгинъ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ и поставленъ въ примѣръ въ приказѣ по лейбъ-гвардіи Гренадерскому полку 12-го октября 1877 года.

Не больше имѣли успѣха и атаки лейбъ-гвардіи Московскаго, Павловскаго и Финляндскаго полковъ.

Двинутый въ атаку генераль-маіоромъ барономъ Зедделеромъ, лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, едва успѣлъ выйдти изъ опушки лѣска, какъ на встрѣчу ему полетѣли уже тучи пуль. Генераль Зедделеръ былъ тутъ же тяжело раненъ, а нѣкоторые изъ его свиты убиты наповаль. Начальство надъ среднею колонною принялъ тогда свиты Его Величества генераль-маіоръ Брокъ.

Но и Московцы, подойдя на одну высоту съ Лейбъ-Гренадерскимъ полкомъ и не будучи въ силахъ идти далѣе противъ страшнаго огня турокъ, также принуждены были остановиться у шоссе и залегли за оставленными тутъ непріятельскими ложёментами, вправо отъ малаго редута. Двинувшіяся впередъ, для поддержанія атаки Московскаго полка, обѣ батареи средней колонны также не могли поправить дѣла. 1-я батарея лихо вынеслась-было впередъ, на дистанцію менѣе 400 сажень отъ большаго редута, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но не могла долго оставаться на этой позиціи и, сдѣлавъ нѣсколько очередей выстрѣловъ, вернулась на первоначальную позицію.

Лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, направленный командиромъ его въ помощь лейбъ-гренадерамъ, въ атаку большаго редута, встрѣченъ былъ также страшнымъ огнемъ противника. Въ Павловцевъ посыпался такой градъ пуль, что, когда флигель-адъютантъ, Павловскаго полка полковникъ Мевесъ, взялъ у убитаго солдата ружье съ намѣреніемъ употребить его въ дѣло, нѣсколько пуль тотчасъ же раздробили ложу и самъ полковникъ Мевесъ былъ раненъ въ руку. Павшій славною смертію поручикъ Бирфрейндъ былъ сначала раненъ въ ногу; взявъ солдатское ружье, онъ сказалъ: „Смотрите, братцы, я сейчасъ убью того турка, который меня ранилъ“ Не успѣлъ молодой герой прицѣлиться, какъ другая пуля поразила его наповаль... Вотъ что рассказываетъ также о смерти поручика Витгандта одинъ изъ солдатъ его взвода:

„Вышедши изъ лѣса, мы увидѣли турецкій редутъ, весь затянутый дымомъ, и тотчасъ же надъ нашими головами пролетѣли двѣ гранаты; потомъ снаряды начали летать одинъ за другимъ; засвистѣли пули, кто-то крикнулъ „охъ!“ и потребовалъ санитаря. Послышалась команда „ложись!“ Веѣ легли, но Витгандтъ не легъ; онъ ходилъ взадъ и впередъ по фронту, нисколько не измѣнившись въ лицѣ, только казался нѣсколько озабоченнымъ. „Ложитесь, ваше высокоблагородіе!“ стали упрашивать его солдаты. „Что вамъ за дѣло!“ рѣзко отвѣтилъ Витгандтъ и продолжалъ ходить. Замѣтивъ одного солдата, который показался ему разстроеннымъ, онъ подошелъ къ нему и, заслонивъ отъ его глазъ редутъ, ласково спросилъ: „Теперь

тебѣ не страшно турокъ?“ Солдатъ смѣшался, всталъ и выразилъ желаніе стоять радомъ съ нимъ. „Извини, голубчикъ,—сказалъ Витгандтъ,—мнѣ показалось, что ты трусишь“ Когда тронулись въ атаку, солдатъ, замѣченный Витгандтомъ, бѣжалъ впереди всей роты до самаго редута.... Движеніе въ атаку началось шаговъ за 800 и состояло изъ нѣсколькихъ перебѣжекъ. Первая перебѣжка прошла благополучно; остановились перевести духъ—и снова пустились бѣжать; но не пробѣжали въ этотъ разъ и пятидесяти шаговъ, какъ въ ротѣ было уже около двадцати раненыхъ, а въ числѣ ихъ палъ и храбрый Витгандтъ, пораженный пулею въ грудь... Два солдата приняли его на руки и, ставъ на колѣни, начали перевязывать рану. Витгандтъ сталъ сердиться и посылать ихъ къ ротѣ, но лишился чувствъ и былъ перенесенъ ими на перевязочный пунктъ*).

Во время этихъ перебѣжекъ Павловцамъ пришлось пережить вообще тяжелыя минуты, когда на глазахъ ихъ умирали одинъ за другимъ лучшіе офицеры въ полку... Поручикъ Тимоховичъ, скомандовавъ своей ротѣ прилечь за небольшоимъ бугоркомъ на курганѣ, прилегъ-было и самъ тутъ; но едва онъ, послѣ новой команды, приподнялся вмѣстѣ съ другими и хотѣлъ-было, по своей привычкѣ, потянуться, какъ неожиданно склонился и упалъ за сосѣдній кустъ... Рота его убѣжала впередъ, а онъ остался на мѣстѣ: пуля ударила его въ лобъ между бровями. Подпоручикъ Мамаевъ 3-й, во время перебѣжки, получилъ ударъ пулею въ ногу, что заставило его тотчасъ же присѣсть... Солдаты его кинулись впередъ, но съ нимъ остался унтеръ-офицеръ, который хотѣлъ прикрыть его собою и перенести въ болѣе безопасное мѣсто; но Мамаевъ не позволилъ ему сдѣлать этого, а вѣдствие какого-то роковаго предчувствія, съ которымъ онъ отправился еще изъ Петербурга, рѣшился оставаться на мѣстѣ. Онъ снялъ обручальное кольцо и торопливо передалъ его солдату, съ просьбою, чтобы тотъ доставилъ кольцо его невѣстѣ и поклонился

* На другой день героя не стало. Цѣлыя сутки пролежалъ онъ въ страшныхъ мученіяхъ и въ бреду; ему грезился бой, редутъ, грезились ему храбрые солдаты, которыхъ онъ называлъ по фамиліямъ, обѣщаясь придти къ нимъ, и довести ихъ до редута.

бы ей и его братьямъ. Среди этихъ словъ вторая пуля ударила его въ ту же рану и раздробила ему кость. Почти не обращая на это вниманія, Мамаевъ продолжалъ говорить, какъ третья пуля, едва не раздробивъ руки солдата, ударила его грудь и уложила на мѣстѣ... Штабсъ-капитанъ Баталинъ, командиръ 12-й роты, также храбро бѣжалъ впереди своихъ солдатъ; онъ уже пробѣжалъ самое опасное мѣсто и достигъ мертваго пространства, куда пули не залетали; ему оставалось только присѣсть, чтобы быть внѣ всякой опасности, — и онъ, дѣйствительно, бросился на землю, но свалился уже мертвымъ: пуля поразила его въ моментъ паденія....

Какъ силенъ былъ огонь, направленный въ Павловцевъ, показываетъ также участь нѣкоторыхъ изъ знаменъ этого полка. 4-й батальонъ Павловскаго полка, года за полтора передъ походомъ, получилъ новое знамя; въ Горномъ Дубнякѣ оно было окрещено и пробито пулями въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Несшій это знамя знаменщикъ Митрофанъ Ивановъ получилъ смертельную рану; но онъ все-таки не рѣшился разстаться съ довѣренною ему святынею, не смотря на угрозы окружавшихъ его ассистентовъ, и только за нѣсколько секундъ до своей смерти передалъ его изъ рукъ въ руки одному изъ окружавшихъ его унтеръ-офицеровъ. Едва новый знаменщикъ принялъ знамя, какъ его самого ранила пуля; но умершій выбралъ себѣ достойнаго преемника: послѣдній, перевязавъ свою рану, съ гордостью понесъ обрызганное его же кровью знамя опять впередъ.

Два другія знамени Павловскаго полка потеряли еще болѣе печальную участь: прикрытіе этихъ знаменъ было все перебито, и ихъ отправили въ лѣсокъ къ резерву средней колонны, подъ охрану лейбъ-гвардіи Сапернаго батальона.

Противъ такого опустошительнаго огня турокъ Павловцы не могли долго идти впередъ и, не достигнувъ большаго редута, принуждены были укрыться за канавою, пролегающей вдоль шоссе, влѣво отъ малаго редута, а также еще влѣвѣе, ближе къ большому редуту, за гребнемъ возвышенности, поднимающейся отъ оврага. Занявши такимъ образомъ ближайшую къ редуту позицію (не болѣе 150-ти шаговъ отъ него), полкъ сдѣлалъ много

неоднократныхъ попытокъ броситься въ атаку, но всякій разъ былъ отбиваемъ страшнымъ, убійственнымъ на этомъ разстояніи огнемъ противника.

Такимъ образомъ и Павловскій полкъ былъ прикованъ къ мѣсту адскимъ огнемъ съ редута. Подобно Лейбъ-Гренадерамъ, Павловцы не только не могли приподняться изъ-за прикрытій, чтобы идти въ атаку, но и, оставаясь на мѣстѣ, несли огромныя потери. Солдаты 1-го батальона лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, еще до движенія въ атаку, обратились къ своему командиру, флигель-адъютанту полковнику Рунову, съ слѣдующими словами: „Ваше высокоблагородіе! что на нихъ смотрѣть! пойдемъ на ура!“ — „Ну, братцы, если ужъ вы такъ хотите, снимайте шапки и креститесь; мы пойдемъ впереди всѣхъ!“ Перекрестившись, всѣ бросились впередъ и залегли по скату возвышенности, въ ста шагахъ къ югу отъ редута*). Кучка офицеровъ, въ томъ числѣ полковникъ Руновъ и командиръ роты Его Величества, штабсъ-капитанъ Ширманъ, засѣли впереди своего батальона, на виду у непріятеля. Лучшіе стрѣлки изъ редута хладнокровно разстрѣливали этихъ молодцовъ, собиравшихся съ силами докончить свой геройскій подвигъ; но они не обращали вниманія на эти рѣдкія, но мѣткія пули, постепенно, одного за другимъ, выводившія ихъ изъ строя. Вдругъ съ страшнымъ трескомъ разорвалась между ними граната и разбросала ихъ въ стороны. Всѣ были ошеломлены. Нѣкоторые были ранены и контужены осколками гранаты, другіе валялись уже безъ движенія, а третьи корчились въ страшныхъ мукахъ.

*) Собственно говоря, невозможно опредѣлить, даже съ приблизительною точностью, расположеніе противъ большаго редута батальоновъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, точно также, какъ и Финляндскаго и Лейбъ-Гренадерскаго. Напримѣръ 2-й батальонъ Павловскаго полка вмѣстѣ со 2-мъ батальономъ Финляндцевъ, оставленъ былъ въ резервъ лѣвой колонны, подъ командою полковника Рунова; между тѣмъ, 2-й батальонъ Павловцевъ очутился какимъ-то образомъ впереди всѣхъ, смѣшавшись съ лейбъ-гренадерами, вокругъ занятаго ими малаго редута; точно также неизвѣстно, когда очутился во главѣ своего 1-го батальона и полковникъ Руновъ, оставленный командовать резервомъ. Вообще свѣдѣнія относительно порядка и времени атаки и расположенія частей въ бою подъ Горнымъ Дубнякомъ — чрезвычайно противорѣчивы. Къ концу боя всѣ части положительно уже перемѣшались, такъ что никто изъ участниковъ этого дѣла не можетъ составить себѣ даже сколько нибудь яснаго отчета о томъ, какъ, когда именно и по чьей инициативѣ произошелъ послѣдняя атака...

Между послѣдними были Руновъ и Ширманъ; граната упала какъ разъ между ними *) и вырвала Рунову бокъ, а Ширману оторвала обѣ ноги... Человѣческія страданія послѣдняго заставили его просить револьвера для того, чтобы покончить съ жизнью самоубійствомъ. Но руки товарищей не поднялись исполнить его просьбу, — и Ширманъ черезъ два часа умеръ. Полковникъ Руновъ стоически переносилъ свою боль и былъ отнесенъ солдатами, не смотря на осыпавшій ихъ жестокой огонь противника, на перевязочный пунктъ; но и полковника Рунова никто уже не могъ спасти **).

Таково было положеніе Павловцевъ на занятой ими позиціи послѣ первой атаки на большой редутъ.

Лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, по приказанію начальника лѣвой колонны, генераль-маіора Розенбаха, двинулся въ атаку на редутъ съ юго-запада, со стороны Телипа. Какъ мы уже упоминали выше, Финляндцы шли черезъ дубовый лѣсокъ лѣвѣе шоссе. Далѣе имъ предстояло спуститься въ узкую, не болѣе 250 сажень широтою, лоцину, совершенно открытую для выстрѣловъ противника. Изъ этой лоцины круто поднимались склоны значительной возвышенности, изрѣзанной дорогами, а на

*) Говорятъ, что это была русская граната. Часть нашей артиллеріи, расположенная съ противоположной стороны редута, не зная, что Павловцы и лейбъ-гренадеры дѣлаютъ новую попытку атаковать редутъ, продолжала осыпать его гранатами; такимъ образомъ одна изъ нашихъ гранатъ случайно попала на мѣсто расположенія Павловцевъ (См. „Правительствен. Вѣстникъ“ 1877 года, корреспонденція изъ Богота отъ 15 октября).

**) Полковникъ Руновъ, стараясь силою воли заглушить свои страшныя страданія, безпрестанно осведомлялся на перевязочномъ пунктѣ, какъ идетъ бой, что дѣлаетъ его полкъ, что дѣлаетъ его батальонъ; вечеромъ ему сказали о побѣдѣ; съ трудомъ онъ провелъ эту ночь и на другой день потребовать, чтобы его отнесли въ его батальонъ, — онъ хотѣлъ проститься со своими молодцами, осмотрѣть взятый ими редутъ и затѣмъ умереть среди побѣдителей. Напрасно его отговаривали не дѣлать этого, такъ какъ качка при перепоскѣ неизбежно должна была усилить его страданія, — онъ ничего не хотѣлъ слушать, а требовалъ, чтобы егонесли въ редутъ. Предсказанія оправдались: въ редутъ принесли только трупъ Рунова, но посыльщики все-таки доставили его въ 1-й батальонъ и передали тамъ предсмертное желаніе и послѣднія слова полковника. Моментально собралась вокругъ тѣла громадная толпа, головы обнажились и сотни устъ прошептали вѣчную память тому, кто не могъ забыть своихъ соратниковъ даже въ минуты страшныхъ страданій и смерти.

гребнѣ этой возвышенности чернѣлись линіи окоповъ большого турецкаго редута, а нѣсколько лѣвѣе его, на томъ же гребнѣ возвышенности, виднѣлись турецкіе шалаши и палатки.

Финляндцы еще въ лѣсу встрѣчены были сильнѣйшимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ турокъ. Здѣсь же, въ лѣсу, на полянѣ, однимъ изъ первыхъ былъ весьма тяжело раненъ самъ начальникъ колонны, генераль-маіоръ Розенбахъ. Не смотря на это, Финляндцы продолжали подвигаться впередъ перебѣжками, прошли подъ сильнѣйшимъ огнемъ лоцину, взобрались на склоны возвышенности и пошли на штурмъ главнаго редута. Но тутъ Финляндцы были встрѣчены въ упоръ такимъ убійственнымъ огнемъ противника, что принуждены были приостановить атаку. Вся лоцина, вплоть до склоновъ возвышенности, была уже почти сплошь усыяна тѣлами убитыхъ, распростертыхъ въ разныхъ позахъ. Между трупами ползли раненные, стараясь поскорѣе уйти изъ-подъ смертельныхъ выстрѣловъ противника... Зрѣлище было въ высшей степени тяжелое. Насколько яростна была атака Финляндцевъ, можно убѣдиться изъ слѣдующаго, напечатаннаго въ газетахъ письма рядоваго лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Ивана Иконена: „Когда мы, Финляндцы, бѣжали на редутъ, — писалъ этотъ солдатъ — проклятая пуля поганого туркахватила меня въ ногу, такъ что я совсѣмъ ошалѣлъ, упалъ и уже думалъ, что совсѣмъ пропалъ и мой конецъ пришелъ, а особенно, когда стали бѣжавшіе на редутъ солдаты бѣжать по мнѣ, по моему тѣлу. Я уже молился и предавалъ душу Богу. Вдругъ Р. И. Юркевичъ (вольноопредѣляющійся Финляндскаго полка) тоже наступилъ на меня, бѣжавши на редутъ съ „ура“: я собралъ духъ и крикнулъ, онъ упалъ на меня, поднялся, и когда увидѣлъ, что я раненъ и не могу встать, и меня давятъ, и по мнѣ бѣгутъ, — взвалилъ меня на свои плечи и понесъ меня, а пули и гранаты все летѣли, а онъ шелъ и меня утѣшалъ. И такъ прошелъ болѣе полверсты и потомъ уже отдалъ санитарамъ и вложилъ мнѣ за шинель 1 р. серебра, а потомъ побѣжалъ на редутъ, и я уже не видалъ его больше“

Не смотря на всю стремительность атаки Финляндцевъ, они вынуждены были все-таки остановиться, не доходя редута, и залегли на склонахъ возвышенности,

на крутомъ скатѣ оврага, чтобы здѣсь хоть немного перевести духъ отъ адскаго огня противника. Вслѣдъ затѣмъ, Финляндцы снова бросились въ атаку на редутъ; но насколько трудно было продолжать это движеніе, показываетъ неудачная попытка 2-ой роты Финляндцевъ приблизиться къ главному редуту. Рота остановилась передъ тѣмъ на склонѣ возвышенности, шагахъ въ шестистахъ отъ большого редута, и залегла здѣсь въ мертвомъ пространствѣ; затѣмъ, когда къ ней подошло нѣсколько людей другихъ ротъ, бывшій здѣсь полковникъ Прокопе 3-й повелъ 2-ю роту и ближайшихъ людей на штурмъ главнаго редута. Подъ страшнымъ свинцовымъ градомъ храбрцы пробѣжали шаговъ четыреста и, не добѣжавъ до редута сажень шестьдесятъ и потерявъ при этомъ около половины людей убитыми и ранеными, принуждены были остановиться и прилечь; но тутъ ужъ не было рѣшительно никакихъ закрытій, и не прошло и минуты, какъ полковникъ Прокопе былъ раненъ двумя пулями въ пахъ и животъ; подпоручикъ Пашковскій, находившійся тутъ же, получилъ ударъ пулею въ руку, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали выбывать одинъ за другимъ и оставшіеся люди въ ротѣ... Увидѣвъ такимъ образомъ, что, оставаясь здѣсь, рота потеряла бы всѣхъ своихъ людей совершенно безъ всякой пользы для дѣла, командиръ ея, штабсъ-капитанъ Пыхачевъ, приказалъ уцѣлѣвшимъ солдатамъ ползти назадъ, въ ближайшее мертвое пространство, находившееся отсюда шагахъ въ ста пятидесяти.

Чрезвычайно характерно обрисовываетъ положеніе нашихъ храбрцевъ, въ этотъ моментъ боя, слѣдующій рассказъ самого капитана Пыхачева о замѣчательной смѣлости и изворотливости рядоваго 2-й роты лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, Ипполита Киселева, прозваннаго товарищами, за обнаруживаемую имъ до того времени сонливость и вялость характера, „Киселемъ“ Когда 2-я рота начала переползать назадъ, къ вышеупомянутому мертвому пространству, въ это время, — рассказываетъ капитанъ Пыхачевъ, — недалеко отъ себя я услышалъ голосъ Киселя: „Позвольте мнѣ, ваше высокоблагородіе, здѣсь остаться, потому что, вѣдь все равно, скоро пойдемъ опять на редуты, такъ отсюда ближе бѣжать“. Не помню, что я на это ему отвѣтилъ, только, сползши въ мертвое

пространство, я около себя Киселя не видалъ. Черезъ нѣсколько времени вдругъ раздалась, по направлению на насъ, учащенная ружейная пальба и тотчасъ же къ намъ влетѣлъ кубаремъ улыбающійся и довольный Кисель. На мои вопросы онъ отвѣтилъ: „Когда вы сползли назадъ, я и еще шесть человекъ остались тамъ, да ужъ больно не въ ногу стало тамъ лежать, насъ изъ семи человекъ въ живыхъ остался только я одинъ, ну я и порѣшилъ удрать къ вамъ“ Когда былъ раненъ Прокопе, — продолжаетъ свой рассказъ капитанъ Пыхачевъ, — его понесли внизъ, но забыли его саблю и бинокль; затѣмъ, мнѣ, сползая въ мертвое пространство, пришлось поочередно сбросить съ себя, для удобства, пальто, свернутое и надѣтое черезъ плечо, саблю и сумку съ разными закусками. Кисель, замѣтивъ, что я безъ сабли, сумки и пальто, предложилъ совершенно просто сходить за всѣмъ этимъ. Конечно, я ему запретилъ, зная, какъ эта прогулка опасна по опыту. Не смотря на то, онъ, незамѣтно для меня, выползъ, и черезъ нѣсколько времени опять раздалась учащенная пальба, и Кисель, какъ и въ первый разъ, влетѣлъ къ намъ съ добычею: съ моею саблею и биноклемъ Прокопе. Передавъ мнѣ эти вещи, онъ замѣтилъ, что сумки и пальто не видать, а что за саблею полковника онъ опять сходить. За эту смѣлую вылазку поплатилась только шапка Киселя, прострѣленная пулею. — Не смотря на мои строгія приказанія, Кисель такимъ же порядкомъ сходилъ опять и за саблею полковника Прокопе; на этотъ разъ ему опять прострѣлили шапку, причѣмъ пуля задѣла голову. Не захотѣвъ идти на перевязочный пунктъ, онъ попросилъ своимъ же платкомъ перевязать себѣ голову, и, оставшись на горѣ, своею веселостью и простымъ рассказомъ безъ хвастовства о своихъ вылазкахъ значительно способствовалъ поддержанію бодрости между людьми“

Такимъ образомъ, атака Финляндцевъ не удалась. Полкъ густою массою залегъ на крутомъ скатѣ возвышенности, между двумя оврагами, не будучи въ состояніи, подобно Лейбъ-Гренадерамъ, Московцамъ и Павловцамъ, подняться съ мертваго пространства и идти впередъ. Непріятель осыпалъ ихъ градомъ пуль, при первомъ же при-

знакъ движенія съ ихъ стороны, и своимъ адскимъ огнемъ продолжалъ приковывать все эти четыре полка къ мѣсту.

Однако, послѣдствіемъ нашихъ атакъ и приближенія упомянутыхъ полковъ къ непріятельскому редуту было то, что турки успѣли очистить все передовыя траншеи и ложементы къ сѣверо-востоку отъ большаго редута и отступили въ это главное и центральное укрѣпленіе.

Пока все вышеописанное происходило въ средней и лѣвой колоннахъ, правая наша колонна (гвардейская стрѣлковая бригада), подъ командою генералъ-маіора Эллиса 1-го, наступала на непріятеля съ сѣверо-востока, вдоль шоссе со стороны Плевны, прикрываясь огнемъ своихъ батарей *), занявшихъ позицію въ 1,200 саженьяхъ отъ непріятеля.

Генералъ Гурко, выѣхавшій изъ Чирикова со своею свитою впереди всехъ колоннъ и встрѣченный на пути гранатнымъ и ружейнымъ огнемъ турецкихъ аванпостовъ, вскорѣ затѣмъ отступившихъ къ своимъ передовымъ укрѣпленіямъ, — прибылъ на шоссе къ сѣверо-востоку отъ большаго редута и присоединился здѣсь къ правой колоннѣ, расположившись съ своимъ штабомъ у самой дороги, на небольшомъ курганчикѣ, саженьяхъ въ 850 отъ главнаго турецкаго редута.

Это было около 9-ти часовъ утра.

Генералъ Эллисъ 1-й тотчасъ же перевелъ на этотъ курганчикъ и свою артиллерию **), на мѣткій огонь которой турки немедленно стали отвѣчать пушечными и ружейными выстрѣлами. Турецкія гранаты то и дѣло начали падать около батареи, а непріятельскія пули цѣлымъ роємъ проносились надъ головами артиллеристовъ и свиты генерала Гурко.

Между тѣмъ, стрѣлковая бригада, построенная въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ, съ цѣлью впереди, продолжала быстро подвигаться къ непріятелю, идя правѣе шоссе и имѣя на лѣвомъ своемъ флангѣ лейбъ-гвардіи 3-й стрѣлковый Финскій батальонъ, на правомъ флангѣ — 1-й стрѣлковый

батальонъ Его Величества, а 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи батальонъ — во второй линіи, позади 1-го батальона *).

Мѣстность къ сѣверо-востоку отъ турецкихъ укрѣпленій, по которой шли стрѣлки, совершенно ровная и открытая и понижающаяся едва замѣтнымъ склономъ къ сторонѣ Дольнаго Дубняка. Поэтому стрѣлки были рано замѣчены турками и встрѣчены были перекрестнымъ огнемъ изъ траншей и ложементовъ, а также изъ большаго и малаго редута, въ ту минуту еще незанятаго лейбъ-гренадерами. Чѣмъ дальше подвигались стрѣлки, тѣмъ сильнѣе становился ружейный и артиллерійскій огонь турокъ, и вскорѣ стрѣлки начали нести чувствительныя потери. Вслѣдствіе этого, незначительная часть 1-го стрѣлковаго батальона и шедшій позади него 4-й стрѣлковый батальонъ, ища закрытій отъ огня, приняли нѣсколько вправо и спустились, въ довольно глубокую лощину, идущую отъ деревни Горнаго Дубняка мимо сѣвернаго фаса большаго редута, и по этой лощинѣ продолжали движеніе къ непріятелю, оставаясь болѣе или менѣе укрытыми отъ града непріятельскихъ пуль, сыпавшихся въ нихъ изъ большаго редута. Другая же, болѣе значительная часть 1-го стрѣлковаго батальона и Финскій стрѣлковый батальонъ уклонились значительно влѣво, такъ что между правымъ и лѣвымъ флангами стрѣлковой бригады образовался большой промежутокъ, незанятый никѣмъ. Осыпавые турецкими снарядами, Финны, шедшіе по совершенно открытой мѣстности, бросились — было въ кустарникъ, находившійся шагахъ въ 800 отъ непріятеля, но здѣсь потеряли много людей. До 11 часовъ они подвигались то впередъ, то назадъ, чтобы отыскать мѣсто, гдѣ бы огонь былъ менѣе убійственный, но такъ и вынуждены были остаться на этой позиціи. Въ одно время, когда непріятельскій огонь усилился до высшей степени, и турки, казалось, готовы были броситься на Финновъ, батальону ихъ приказано было перемѣнить позицію и отойти назадъ. Вмѣстѣ съ другими, пошли по назначенному направленію и два брата Грендаля,

*) 6-я бат. 1-ой гвард. артиллерійской бригады и 6-я батарея 2-ой гвард. артилл. бригады.

**) Собственно на курганчикѣ помѣстилась только одна батарея, а другая стала значительно лѣвѣе шоссе.

*) Лейбъ-гвардіи 2-ой стрѣлковый батальонъ, какъ мы уже знаемъ, былъ оставленъ, по приказанію генерала Эллиса, на шоссе заслономъ со стороны Дольнаго Дубняка.

служившіе въ 3-й ротѣ и сражавшіеся рядомъ другъ съ другомъ. Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ, что братъ отсталъ, возвратился, чтобы поторопить его, и нашелъ брата лежащимъ на землѣ: братъ былъ опасно раненъ и не могъ уже встать. Раненый обратился къ брату съ мольбою скорѣе прикончить его выстрѣломъ изъ ружья и не дать ему умереть отъ турецкой руки. Ни братъ, ни сослуживцы по ротѣ не рѣшились исполнить этого желанія и, со слезами на глазахъ, удалились отъ раненаго воина, покинутого, такимъ образомъ, на произволь судьбы. Удалившись немного, братъ остановился, взглянулъ назадъ и былъ свидѣтелемъ, какъ раненый, собравъ послѣднія силы, приставилъ дуло своего ружья къ груди и, спустивъ ногою курокъ, самъ сдѣлалъ то, на что не хватило духу ни у его брата, ни у товарищей...

Между тѣмъ, часть 1-го стрѣлковаго батальона, идшая правѣе, глубокой лощиною, благополучно достигла турецкихъ ложементовъ, расположенныхъ у края лощины къ сѣверо-востоку отъ большаго редута и уже покинутыхъ въ это время турками. вслѣдствіезанятія Лейбъ-Гренадерами малаго редута. Стрѣлки тотчасъ же залегли за упомянутыми ложе-ментами и открыли рѣдкую перестрѣлку съ непрі-ателемъ. Влѣво отъ этихъ ложементовъ тянулася большая турецкая траншея, остававшаяся пока ни-къмъ незанятою, а еще лѣвѣе нея приходился Фин-скій стрѣлковый батальонъ.

Такъ какъ до сихъ поръ въ дѣло введены были только два стрѣлковые батальона, а остальные два держались въ резервѣ: 4-й батальонъ—вправо въ лощинѣ, а 2-й—позади, на шоссе, въ видѣ за-слона со стороны Дольнаго Дубняка*), — то генералъ Гурко, желая усилить боевую линію, по-слалъ приказаніе 1-ой гвардейской пѣхотной ди-визіи (полкамъ лейбъ-гвардіи Семеновскому, Прео-браженскому и Измайловскому) стать на шоссе фрон-томъ къ Дольному Дубняку, а обоимъ стрѣлковымъ батальонамъ (4-му и 2-му) идти впередъ на уси-леніе боевой линіи.

Узнавъ объ этомъ распоряженіи Гурко, гене-

*) Расположеніе батальоновъ въ правой колоннѣ при-водится здѣсь согласно поправкамъ, сдѣланнымъ къ ре-ляціи генерала Гурко А. Пузыревскимъ, въ его «Воспо-миналіяхъ.» «Воен. Сборн.» (См. 1879 г. № 2).

ралъ-майоръ Эллисъ 1-й приказалъ немедленно лейбъ-гвардіи 4-му стрѣлковому Императорской Фа-мили батальону войти въ боевую линію. Баталь-онъ длинной вереницею двинулся по лощинѣ, иду-щей отъ деревни Горный Дубнякъ мимо сѣвернаго фаса большаго редута. Какъ разъ противъ этого фаса редута, шаговъ на 300 сѣвернѣе его, на кру-томъ скатѣ лощины, были расположены ряды дру-гихъ турецкихъ ложементовъ, еще занятыхъ въ это время турками. Командиръ 4-го батальона, графъ Клейнмихель, предувѣдомленный въ свое время объ этихъ ложементахъ, рѣшилъ продолжать движеніе лощиною и потомъ, поравнявшись съ ложементами, повернуться къ нимъ фронтомъ и броситься безъ пальбы въ штыки. При этомъ предполагалось, что батальонъ, двигаясь по лощинѣ, не будетъ замѣ-ченъ противникомъ и, во всякомъ случаѣ, можетъ безъ значительныхъ потерь ворваться въ ложементы, особенно дѣйствуя быстро и энергически. Графъ Клейнмихель такъ и сдѣлалъ, и не прошло и нѣ-сколькихъ минутъ, какъ онъ со своимъ батальо-номъ бросился на турокъ, моментально выбилъ ихъ и частью прогналъ въ большой редутъ, а частью перекололъ въ траншеяхъ.

Изъ того мѣста, гдѣ расположились въ остав-ленныхъ турками ложементахъ стрѣлки 1-го ба-тальона, отлично было видно, какъ опрокинутые 4-мъ батальономъ турки перебѣгали въ большой редутъ. Стрѣлки Его Величества не пропустили случая поохотиться за убѣгавшими и били ихъ съ фланга на выборъ.

Все изложенное происходило около 12-ти ча-совъ дня. Вскорѣ къ правой колоннѣ подошелъ и 2-й стрѣлковый батальонъ, который, по приказанію генерала Гурко, сталъ правѣе 4-го батальона, къ западу отъ большаго редута, и такимъ обра-зомъ своимъ крайнимъ правымъ флангомъ вошелъ въ связь съ лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ. Позади же 2-го батальона, также къ западу отъ большаго редута, на противоположной сторонѣ ло-щины, значительно отступя отъ нея, находились казаки полковника Черевина, и тамъ же, у опушки лѣса, стояла наша казачья конная батарея, об-стрѣливавшая непріятельскія укрѣпленія черезъ головы стрѣлковъ.

Такимъ образомъ, къ 12-ти часамъ дня нѣ-

которыя части стрѣлковъ приблизились къ большому редуту шаговъ на 600, а другія на 250. Но движеніе впередъ и здѣсь было немыслимо. Пространство между траншеями, занятыми стрѣлками, и турецкимъ редутомъ, было совершенно открыто и представляло гладкую поверхность, безъ малѣйшей складки. Достаточно было подняться изъ - за нашей траншеи одному стрѣлку, какъ надъ брустверомъ турецкаго редута показывался сплошной рядъ турецкихъ фесовъ—и на встрѣчу смѣльчаку летѣлъ настоящій градъ свинцу...

Словомъ, стрѣлковая бригада, находившаяся до взятія Лейбъ-Гренадерами малаго редута подъ перекрестнымъ огнемъ турокъ, хотя и могла теперь, подобно остальнымъ нашимъ колоннамъ, значительно приблизиться къ непріятельской позиціи, но въ концѣ концовъ и она была прикована адскимъ огнемъ турокъ къ мѣсту.

Атака очевидно затягивалась и шла неуспѣшно. Генераль Гурко, находившійся все время на курганчикѣ у шоссе, подлѣ батареи, подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, не вытерпѣлъ наконецъ и скомандовалъ: „Батарея впередъ! Подвѣхаться къ непріятелю на триста сажень и катать въ него шрапнелями!“ Повинуясь командѣ, восемь орудій, стрѣлявшихъ на курганчикѣ, быстро взяли на передки и, не смотря на самый убойственный огонь турокъ, карьеромъ вынеслись впередъ и начали стрѣлять съ дистанціи около 400 сажень.

Нужно замѣтить, что генераль Гурко, оставаясь до сихъ поръ, т. е. до 12-ти часовъ дня, при стрѣлковой бригадѣ, не имѣлъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, что собственно дѣлается въ нашихъ средней и лѣвой колоннахъ. Съ того курганчика, на которомъ находился Гурко съ своимъ штабомъ, онъ могъ только видѣть, что полки упомянутыхъ колоннъ не двигаются впередъ, а турецкій редутъ все продолжаетъ трещать, какъ картечица. Наконецъ, когда уже батарея, по его приказанію, вынеслась впередъ, къ генералу Гурко подскочилъ ординарецъ съ донесеніемъ, что наступленіе средней и лѣвой колоннъ на главный редутъ задерживается сильнымъ огнемъ непріятеля; что при этомъ были ранены начальники обѣихъ колоннъ — генералы Зедделеръ и Розенбахъ, а также полковники Любовецкій, Руновъ и много другихъ офицеровъ. Гене-

раль Гурко тотчасъ же потребовалъ коня и поѣхалъ впередъ, къ занятымъ стрѣлками ложементамъ, чтобы съ болѣе близкаго разстоянія осматривать турецкій редутъ и общее положеніе дѣлъ. Тутъ онъ убѣдился въ тѣхъ трудностяхъ, которыя предстояло превозмочь войскамъ нашимъ.

Какъ уже было упомянуто выше, батальоны стрѣлковой бригады, исключая Финскаго, расположились главнымъ образомъ къ сѣверо-западу отъ большаго редута, подлѣ горно-дубнякской ложины, а также къ западу отъ редута, въ отнятыхъ у турокъ ложементахъ. Вслѣдствіе этого, между батареями правой колонны, помѣстившимися у шоссе, и стрѣлковыми батальонами мало-по-малу образовался довольно большой промежутокъ, на протяженіи котораго находилась оставленная турками и до сихъ поръ еще никѣмъ не занятая большая траншея. Промежутокъ этотъ необходимо было заполнить войсками. Съ другой стороны, генераль Гурко нашелъ нужнымъ поддерѣжить уже понесшія большія потери среднюю и лѣвую колонны. Вслѣдствіе всего этого, онъ послалъ приказаніе вызвать на поле сраженія изъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, служившей заслономъ со стороны Дольнаго Дубняка, лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, при чемъ приказалъ два батальона Измайловцевъ направить къ стрѣлковой бригадѣ, для заполнения вышеупомянутаго промежутка, одинъ батальонъ—отправить для поддержанія средней колонны и одинъ—для подкрѣпленія лѣвой колонны. Сдѣлавъ эти распоряженія, генераль, въ концѣ 2-го часа пополудни, переѣхалъ на батарею средней колонны.

Вернемся теперь къ общему положенію дѣлъ вокругъ непріятельскаго редута, до прибытія упомянутыхъ поддерѣженій къ нашимъ боевымъ линіямъ.

Всего ближе придвинулась наша боевая линія къ большому турецкому редуту съ юго-востока, т. е. съ той стороны, съ которой наступали Лейбъ-Гренадеры. По отбитіи малаго редута, около этого укрѣпленія собрался весь Лейбъ-Гренадерскій полкъ и 2-й батальонъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка; сюда же примкнули лѣвымъ флангомъ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ и правымъ флангомъ — лейбъ-гвардіи Павловскій и Финляндскій полки. Такимъ образомъ малый редутъ сдѣлался какъ-бы центромъ нашей боевой линіи вокругъ непріятельской позиціи.

Занявъ малый редуть, вышеупомянутыя части обчутились на такомъ близкомъ разстояніи отъ главнаго турецкаго редута, что, казалось, достаточно было одной счастливой перебѣжки, чтобы овладѣть послѣднимъ. Для этого, по-видимому, стоило только перебѣжать шоссе и небольшую поляну, шаговъ въ 150; но, какъ мы уже знаемъ, страшный огонь противника не позволялъ Лейбъ-Гренадерамъ сдѣлать этого и заставлялъ ихъ укрываться за насыпями малаго редута и во рву его. Перебѣгавшіе сюда послѣ люди, не находя болѣе укрытія внутри редута, располагались на флангахъ его, за канавками подлѣ шоссе, и за неровностями почвы, словомъ вездѣ, — гдѣ представлялось хотя малѣйшее укрытіе отъ огня. Позади малаго редута, на скатѣ лощины, въ мертвомъ пространствѣ, также залегли главнымъ образомъ Лейбъ-Гренадеры, а равно офицеры и нижніе чины другихъ частей. Солдаты, расположившіеся позднѣе по наружнымъ окраинамъ этого мертваго пространства, принуждены были, даже лежа, терпѣть отъ ружейнаго огня съ фронта и отчасти съ фланговъ. Въ виду этого, расположившіеся здѣсь люди начали лежа окапываться, кто чѣмъ могъ, т. е. тесаками, руками и даже котелками. При этомъ огонь непріятельскій былъ такъ силенъ, что многіе изъ солдатъ, поднявшіеся было съ мѣста, чтобы удобнѣе окапываться, были немедленно убиты.

Послѣ того, какъ атака массою главнаго укрѣпленія оказалась невозможной, все дѣло свелось къ жаркому стрѣлковому бою, который велся преимущественно по инициативѣ самихъ солдатъ, какъ частями занявшими малый редуть, такъ и нашею правою и лѣвою колоннами. Такимъ образомъ штурмъ, начавшійся повсюду блистательными примѣрами храбрости и распорядительности командировъ и начальниковъ частей, пожертвовавшихъ по большей части своею жизнью, закончился настойчивостью, мужествомъ и охотою дѣлать свое дѣло со стороны солдатъ. Солдаты съ удивительнымъ хладнокровіемъ и сметкою приспособились къ данному положенію и сами собою, почти безъ всякой посторонней помощи, повели, такъ сказать, правильную осаду противъ большаго непріятельскаго редута. Словомъ, начался новый періодъ штурма, новая работа, работа мелкая, такъ сказать по каплѣ, но исподоволь подготовляющая

возможность справиться съ непріятелемъ и овладѣть неприступной непріятельскою твердынею.

Работа эта началась, какъ мы уже сказали, съ весьма толково поведенной самими солдатами стрѣльбы. Стрѣляли, собственно говоря, только одиночные люди, — и то когда представлялась хорошая цѣль. Люди, засѣвши въ маломъ редутѣ, теперь ясно уже различали красныя фески турокъ, окаймлявшія брустверъ главнаго укрѣпленія, и не стрѣляли уже наугадъ, какъ это было прежде, а били турокъ буквально на выборъ, стрѣляя рѣдко, но мѣтко, такъ что вскорѣ ни одна непріятельская голова не вывалилась изъ-за бруствера укрѣпленія безнаказанно. Впослѣдствіи оказалось, что большинство убитыхъ турокъ, найденныхъ лежавшими за этимъ брустверомъ, было поражено именно въ голову и въ шею. Какъ только покажется на брустверѣ красная феска турка, сейчасъ-же унтеръ-офицеръ приказываетъ: „Сидоровъ, сними-ка его, да смотри не торопись“ Все съ величайшимъ любопытствомъ слѣдятъ, что выйдетъ. Слѣдуетъ выстрѣлъ, и затѣмъ общее удовольствіе или насмѣшливыя замѣчанія. Остроты стрѣлковъ надъ турками возбуждали также общій смѣхъ; ни одинъ изъ показывавшихся на брустверѣ турокъ не былъ пропущенъ безъ какого-нибудь замѣчанія или насмѣшки со стороны нашихъ смѣльчаковъ.

Не смотря на все это, турки продолжали зорко слѣдить за всѣмъ, происходившимъ вокругъ ихъ редута. Хотя фески теперь и не показывались изъ-за бруствера, но турки продолжали сыпать пулями, сидя за брустверомъ, и не пропускали незамѣченнымъ ни малѣйшаго движенія съ нашей стороны. Стоило только кому нибудь изъ нашихъ подняться изъ-за прикрытія, и это уже привлекало десятки турецкихъ пуль; стоило высунуть даже руку изъ-за насыпи малаго редута, какъ турки сейчасъ же направляли туда цѣлые залпы огня. Солдаты наши и тутъ не удерживались, чтобы не потѣшиться надъ туркою. Замѣтивъ, что противникъ чрезвычайно зорко слѣдитъ за всѣми нашими движеніями и немедленно открываетъ пальбу при малѣйшей съ нашей стороны попыткѣ къ наступленію, солдаты наши въ нѣсколькихъ пунктахъ, точно согласившись, продѣлывали такой маневръ: надѣнуть на штыки

своихъ ружей шапки и, вдругъ поднявши ружья кверху, дружно закричать „ура.“ Турки, впопыхахъ не разглядѣвши, въ чемъ дѣло, ветрѣчаютъ шапки новыми усиленными залпами; а у нашихъ солдатъ, довольныхъ тѣмъ, что успѣли надуть турку, поднимается общій смѣхъ и новыя остроты.

Подобныя шутки и въ особенности мѣткій огонь стрѣлковъ много способствовали поддержанію духа солдатъ въ ихъ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ.

Какъ мы уже знаемъ, Лейбъ-Гренадеры потеряли до этого времени уже нѣсколько сотъ человѣкъ убитыми и ранеными. Въ ротахъ, занявшихъ малый редутъ, осталось всего лишь два офицера (капитанъ Гаммеръ и штабсъ-капитанъ Сероцинскій), да и тѣ вскорѣ были ранены на смерть, во время новой попытки атаковать главное укрѣпленіе съ фронта. Оставшись одни, безъ офицеровъ, солдаты продолжали вести бой, такъ сказать, на свой страхъ. Имъ было извѣстно, что генераль приказалъ добратся до большой четверугольной земляной насыпи, находившейся на вершинѣ холма, и овладѣть этою насыпью, — и они не сомнѣвались ни минуты въ возможности исполнить это приказаніе.

Между тѣмъ, идти прямо на турецкій редутъ они не рѣшались, сознавая, что это было бы окончательнымъ сумасбродствомъ. Необходимо было воспользоваться для этой цѣли какими нибудь новыми прикрытіями. Такими новыми прикрытіями, хотя весьма неполными, могли служить сначала маленькія канавки, расположенныя впереди малаго редута, по обѣимъ сторонамъ шоссе. Далѣе, около того же шоссе, но ближе къ большому редуту, стоялъ маленькій домикъ, съ черепичною крышею, окрашенный бѣлою краскою; это былъ родъ караулки, служившей туркамъ для склада муки и другихъ провіантскихъ запасовъ. Между этою караулкою и большимъ редутомъ, немного лѣвѣе первой, находилось еще нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ предметовъ, могшихъ также служить укрытіемъ отъ огня, какъ-то: стогъ соломы и нѣсколько турецкихъ шалашей, построенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей и соломы. Всѣми этими предметами — канавками на шоссе, караулкою, стогомъ соломы и шалашами — и воспользовались наши солдаты, съ цѣлію приблизиться къ главному непріятельскому редуту.

Вначалѣ нѣсколько одиночныхъ смѣльчаковъ, выбравшись потихоньку изъ отнятаго у турокъ малаго редута и пробираясь ползкомъ отъ одного закрытія къ другому, достигли наконецъ шоссе канавки, откуда отважились подѣ градомъ пуль перебѣжать впередъ, черезъ шоссе, въ новую канавку, расположенную на западной сторонѣ шоссе, насупротивъ турецкой караулки, гдѣ и остановились на отдыхъ. Однимъ изъ первыхъ перебѣжалъ изъ малаго редута въ упомянутую канавку рядовой 9-ой роты Лейбъ-Гренадерскаго полка Тарговской, увлекшій своимъ примѣромъ и нѣсколько другихъ товарищей. Запрятавшись въ канавку, перебѣжавшіе туда солдаты продолжали стрѣлять въ главный турецкій редутъ. Когда же всѣ патроны были разстрѣляны ими, то рядовой Тарговской отправился за патронами на другую сторону шоссе, обратно въ малый редутъ, подстрекнувъ къ тому же и трехъ другихъ нижнихъ чиновъ. Имъ удалось благополучно исполнить данное имъ порученіе.

Мало-по-малу за немногими смѣльчаками, какъ это обыкновенно водится, послѣдовали многіе. Нѣкоторые, разумѣется, платились жизнью за свою отважность; нерѣдко, напримѣръ, можно было видѣть цѣлую группу людей, открыто появлявшуюся на шоссе, отдѣлявшемъ главное укрѣпленіе отъ малаго редута, но, конечно, тутъ же положенную на мѣстѣ. Такимъ образомъ, вскорѣ все пространство между малымъ редутомъ и караулкою покрылось грудями тѣлъ и цѣлыми лужами крови. Многимъ, однако, удавалось благополучно добѣжать до шоссе, прилечь за канавку и стрѣлять оттуда въ большой редутъ.

Но канавка на шоссе не была еще послѣднею станціею солдатъ на дорогѣ къ большому редуту. Изъ канавокъ солдаты стали перебѣгать въ одиночку за караулку, за стогъ соломы и за шалаша, прикрываясь которыми продолжали по возможности стрѣлять въ непріятеля. Мало-по-малу перебѣжки изъ малаго редута къ передовымъ прикрытіямъ сдѣлались въ нѣкоторомъ родѣ обязательными для солдатъ, лежавшихъ въ маломъ редутѣ. Такъ, младшій унтеръ-офицеръ 6-ой роты Лейбъ-Гренадерскаго полка, Ильченко, однимъ изъ первыхъ вскочившій на валъ малаго редута и получившій здѣсь сквоз-

ныя раны въ обѣ ноги, не будучи въ состояніи идти далѣе, занимался тѣмъ, что лежа продолжалъ стрѣлять изъ-за насыпи малаго редута и бранить турокъ, и при этомъ поименно назначалъ людей своего отдѣленія для перебѣжки на противоположную сторону шоссе. При этихъ перебѣжкахъ, стоившихъ не мало потерь, особенно отличился барабанщикъ 3-й роты Лейбъ-Гренадерскаго полка Вакчиѣ-Варановъ (магометанинъ). Онъ перебрался вмѣстѣ съ другими за караулку и, увидя здѣсь бесполезность своего единственнаго орудія — барабана, отложилъ его въ сторону и занялся тѣмъ, что бѣгалъ изъ-за караулки на шоссе къ убитымъ солдатамъ, съ которыхъ снималъ сумки съ патронами, и, возвратившись къ караулкѣ, раздавалъ эти патроны тѣмъ изъ солдатъ, у которыхъ ощущался въ нихъ недостатокъ. Путь изъ-за караулки на шоссе и обратно Варановъ совершилъ три раза, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, причемъ остался совершенно цѣлымъ и невредимымъ, чѣмъ и заслужилъ у солдатъ большое уваженіе.

Мало-по-малу къ караулкѣ и стогу соломы начали перебѣгать и люди другихъ полковъ, какъ напримѣръ: примыкавшіе къ Лейбъ-Гренадерамъ съ лѣваго фланга Павловцы и Финляндцы и съ праваго фланга — Московцы, такъ что черезъ какойнибудь часъ или два за маленькимъ домикомъ и за стогомъ соломы скопилось столько народу, что прибывавшимъ вновь тамъ не было уже мѣста, и они невольно попадали подъ непріятельскія пули. Тогда они старались пробраться далѣе впередъ, до ближайшаго слѣдующаго закрытія, напримѣръ, до турецкихъ шалашей.

Нечего и говорить о томъ, что за всѣми вышеупомянутыми прикрытіями солдатамъ нашимъ приходилось стоять или лежать, какъ говорится, между жизнью и смертью. Стоило, напримѣръ, комунибудь одному выставить плечо изъ-за караулки, какъ турки сейчасъ же направляли туда цѣлыя залпы огня. Осматривавшіе послѣ караулку наши, что стѣны ея были изборождены пулями во всѣхъ направленіяхъ.

Не смотря на все это, перебѣгавшіе за передовыя укрытія солдаты, собственно говоря, ничего не теряли, такъ какъ непріятельскій огонь съ одинаковою силою свирѣпетовалъ и въ тылу у нихъ, откуда они пе-

ребирались впередъ. Каково было положеніе солдатъ, оставшихся на прежнихъ позиціяхъ, какъ въ маломъ редутѣ, такъ и позади него, можно судить уже по слѣдующей картинѣ. На всемъ пространствѣ между дубовымъ лѣскомъ, откуда начали наступленіе Лейбъ-Гренадеры, и малымъ редутомъ, на скатахъ и на днѣ лощины, лежало уже множество людей, главнымъ образомъ солдатъ Лейбъ-Гренадерскаго полка, ненатуральныя позы которыхъ и неподвижное положеніе тѣла указывали на то, что они не встанутъ уже болѣе никогда. Въ перемежку съ этими трупами валялись раненые, изъ которыхъ многіе, сохранившіе силы, старались доползти до опушки лѣса къ перевязочному пункту. Сквозь грохотъ выстрѣловъ здѣсь раздавались стоны и крики: кто просилъ воды, кто требовалъ санитаря, кто просилъ растянуть мундиръ, снять портушею и т. д. При этомъ, если гдѣ нибудь показывалась хотя небольшая кучка нашихъ, ружейный огонь изъ непріятельскаго редута сейчасъ же усиливался: пули съ визгомъ пронизывали воздухъ, нѣкоторыя щелкали, ударяясь о землю, и потомъ рикочетировали далѣе съ какимъ-то жалобнымъ тономъ; другія шлепались въ скатанныя шинели солдатъ, въ мѣшки съ сухарями, обыкновенно не пробивая ихъ; иногда ухо сосѣда различало ударъ пули въ что-то мягкое, и вслѣдъ затѣмъ нерѣдко раздавался подлѣ стонъ раненаго. Было, конечно, не мало раненыхъ, которыхъ эти пули добивали. Вотъ у опушки лѣса лежитъ убитый унтеръ-офицеръ — вся спина его изборождена пулями. Одинъ солдатъ Лейбъ-Гренадерскаго полка, лежавшій тутъ же и раненый въ ногу, напившись воды, отомкнулъ штыкъ, перевернулъ ружье дуломъ внизъ и поднялся, опираясь на ружье, какъ на костыль. „Ну, черти, обратился онъ къ редуту, добивать — такъ добивайте скорѣе, а умирать здѣсь не стану!“ Снопомъ полетѣли ему въ слѣдъ пули и сдѣлали свое дѣло. Одинъ изъ офицеровъ того же полка, получившій во время перебѣжки 1-го батальона изъ опушки лѣса къ малому редуту, ударъ пулею въ грудь и моментально опрокинутый на землю, упалъ не дойдя шаговъ сто до малаго редута. „Въ то же мгновеніе, рассказываетъ этотъ офицеръ, я ощутилъ, что мнѣ какъ будто нечѣмъ вбирать въ себя воздухъ, и сталъ задыхаться; сознаніе, однако, не терялось: я слышалъ, какъ раненый солдатикъ Павловскаго полка, лежавшій невда-

лекъ, сказалъ: „Ахъ ты, Господи, вѣдь насквозь пронизало“ Все тотъ же Павловскій солдатикъ — какъ теперь его вижу — рыжеватый, съ добродушною миною, раненый въ ступню ноги, непремѣнно хотѣлъ мнѣ чѣмъ нибудь помочь. Замѣтивъ у меня фляжку и предполагая вѣроятно, что тамъ вода, онъ налилъ оттуда въ крышку сильнѣйшаго коньяку и хотѣлъ мнѣ влить въ ротъ; я едва успѣлъ отвести его руку. Затѣмъ онъ сталъ мнѣ предлагать ползти на перевязочный пунктъ, говоря, что онъ будетъ меня „тянуть за ноги“. Такъ какъ я и отъ этого отказался, то онъ, промолвивъ: „дай Богъ счастливо оставаться, ваше благородіе“, поползъ одинъ; но недалеко удалось уйдти бѣднягѣ. Взглянувъ черезъ нѣсколько времени въ ту сторону, я увидѣлъ его въ десяти шагахъ безъ движенія: изъ головы шла кровь. Шальная пуля догнала его и убила сразу“ Длинная, тонкія турецкія пули залетали далеко, съ какимъ-то жалобнымъ жужжаніемъ, и шлепались бокомъ; видно было, что онѣ на излетѣ. Вотъ, въ одномъ мѣстѣ, у той же опушки лѣска, запахло спиртомъ. — „Ты, кажется, водку пьешь?“ спрашиваетъ саперный офицеръ, подпоручикъ Соколовичъ, лежавшаго рядомъ съ нимъ солдата. — „Никакъ нѣтъ; а спиртомъ точно воняетъ“ Сталъ офицеръ закуривать папиросу, смотритъ — а фляжка дѣйствительно разбита и коньякъ весь вытекъ; тутъ же и пулька лежитъ. Нѣкоторые изъ солдатъ, лежавшихъ на совершенно открытомъ мѣстѣ, старались прикрыть себя отъ огня чѣмъ попало. Саперъ Карповъ вздумалъ устроить себѣ закрытіе, положивъ передъ собою манерку и два мѣшка съ сухарями. Пуля, пробивъ манерку и оба мѣшка, раздробила ему большой палецъ руки, расщепила ложе ружья, раздробила фляжку и въ ней осталась. Но и въ такомъ адскомъ положеніи солдаты наши не удерживались, чтобы не пошутить другъ надъ другомъ. Одинъ изъ саперъ, раненый въ руку съ раздробленіемъ кости, отдалъ товарищу ружье, всталъ и, посылая туркамъ цѣлый лексиконъ бранныхъ словъ, поплелся на перевязочный пунктъ. „Сухари забылъ; али сытъ?“ — закричалъ ему кто-то въ слѣдъ.

Непріятельскія пули залетали, по-прежнему, даже въ дубовый лѣсокъ, гдѣ расположены были резервы средней колонны (лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ) и перевязочный пунктъ Лейбъ-Гренадеръ.

По лѣсу, тамъ и сямъ, слышались стоны раненыхъ. То и дѣло кто нибудь изъ саперъ, будучи раненъ, подпрыгивалъ и останавливался, держась за дерево. Саперъ Тіунчикъ, лежавшій въ самой опушкѣ лѣска, получивъ ударъ пулею въ плечо, причемъ задѣло и его щеку, не сказавъ ни слова, всталъ, взялъ ружье и, придерживая рукою рану, пошелъ на перевязку; но на пути его догнала еще пуля и ударила въ спину. Кое-гдѣ черезъ лѣсъ двигались раненые, нѣкоторые ползкомъ, пробираясь къ перевязочному пункту. Гренадеръ съ перевязанною головою лежалъ у стога соломы, гдѣ расположенъ былъ перевязочный пунктъ, мучился и стоналъ. Видно, судьба сжалилась надъ нимъ: двѣ пули одна за другою попали въ шею и въ голову — и прекратили его мученія. Носилки за носилками двигались по лѣсу къ мѣсту перевязки, и пули безцеремонно летѣли туда же. Закрытія отъ огня не было, а потому перевязочный пунктъ принужденъ былъ отойти назадъ, на болѣе приличную дистанцію.

Изъ сказаннаго выше можно убѣдиться, что, собственно говоря, нигдѣ не было безопаснаго мѣста, ни на нашей боевой линіи, ни въ тылу ея. Около генерала Гурко, переѣхавшаго на батарею средней колонны, также непрерывно гудѣли турецкія пули, и, только благодаря непонятному счастью, въ штабѣ генерала не было раненыхъ, хотя много было контузій, прострѣленныхъ шинелей и т. п.; у адъютанта Беккера вышибло пулею бинокль изъ рукъ, у генерала Леонова было въ трехъ мѣстахъ прострѣлено пальто, и т. д. Подлѣ командира 2-ой гвардейской дивизіи, графа Шувалова, ранили въ бедро его начальника штаба, полковника Скалона, и трехъ ординарцевъ. Вообще, потери въ тылу нашихъ позицій были не менѣ чувствительны, чѣмъ и въ самой боевой линіи.

Очевидно, что все это въ концѣ концовъ не могло не отразиться на нравственномъ состояніи не только нижнихъ чиновъ, но и начальствующихъ лицъ, которые начали приходить въ отчаяніе и почти потеряли всякую надежду на благополучный исходъ дѣла. Вообще, хаосъ былъ полный: изъ конца въ конецъ скакали и бѣгали (потому что почти всѣ лошади были уже перебиты) адъютанты и ординарцы съ различными донесеніями и приказаніями, изъ которыхъ почти ни одно не доходило по назна-

ченію, потому что добраться до малаго редута, не будучи по дорогѣ подстрѣленнымъ, было по-истинѣ чудомъ. Такъ, командиръ 1-го батальона лейб-Гренадеръ, бывшій въ то время противъ лѣваго фаса большаго турецкаго редута и находившійся въ весьма критическомъ положеніи, вынужденъ былъ для отправки донесенія о положеніи дѣла къ командиру полка вызвать охотниковъ. Младшій унтер-офицеръ 3-й роты Камошкинъ, вызвавшись добровольно исполнить упомянутое порученіе, долженъ былъ пройти для этого туда и обратно значительное пространство, осыпаемое дождемъ свинца.

Такимъ образомъ, два непріятели сошлись на разстояніе нѣсколькихъ саженъ другъ отъ друга и изъ прикрытій осыпали другъ друга тучами пуль; но ихъ все-еще раздѣлялъ глубокій и узкій ровъ и высокій валъ большаго редута, за которымъ скучились осажденные. Въ этотъ моментъ боя, вслѣдствіе одновременнаго наступленія на редутъ съ нѣсколькихъ сторонъ, повторился случай попаданія въ нашихъ солдатъ нашихъ же пуль. Поэтому нѣкоторымъ частямъ, расположеннымъ позади нашей боевой линіи, приказано было перестать стрѣлять.

Ружейная пальба вскорѣ значительно стихла, но нашъ артиллерійскій огонь не умолкалъ ни на минуту, поражая скученнаго въ редутѣ непріятеля шрапнелями и нанося ему видимый вредъ. Наши снаряды поминутно разрывались надъ самымъ укрѣпленіемъ, оставляя въ воздухѣ бѣлыя облачка дыма и сыпля въ редутъ осколками, разлетавшимися съ какимъ-то дребезжащимъ стономъ. Турецкія орудія не отвѣчали болѣе. Какъ оказалось впоследствии, всѣ турецкіе артиллеристы, какъ офицеры, такъ и прислуга при орудіяхъ, были перебиты преимущественно нашими шрапнелями. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ нашихъ собственныхъ гранатъ, посылаемыя изъ разныхъ колоннъ, давали перелетъ и постоянно свистѣли надъ головами нашихъ же солдатъ, къ счастью рѣдко разрываясь...

Между тѣмъ, противникъ продолжалъ обнаруживать чрезвычайную энергію и вниманіе: всякая попытка съ нашей стороны къ движенію впередъ вызывала сокрушительный огонь турокъ. Какой-то инстинктъ подсказывалъ каждому изъ наступавшихъ, что еще не настала минута рѣшительной атаки: каждый невольно чувствовалъ, что она окончилась

бы неудачею. Къ тому же въ частяхъ, расположенныхъ наиболѣе близко къ турецкому редуту, большинство офицеровъ было перебито, и руководство само собою перешло къ нижнимъ чинамъ. Вліяніе же старшихъ командировъ парализовалось страшнымъ огнемъ непріятели по тыльной сторонѣ нашей боевой линіи. Словомъ, это былъ самый критическій моментъ боя, когда успѣхъ дѣла менѣе всего зависѣлъ отъ соображенія начальствующихъ лицъ и когда все оставалось предоставить если не случаю, то храбрости и сообразительности самихъ солдатъ.

Около 2-хъ часовъ по-полудни начали прибывать къ нашей боевой линіи подкрѣпленія. Вызванный изъ общаго резерва, лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ выдѣлилъ изъ себя 4-й батальонъ, который и двинулся въ бой по направленію къ нѣкѣмъ незанятой большой турецкой траншеѣ, находившейся въ промежуткѣ между батареею правой колонны и стрѣлковою бригадою. Измайловцы двинулись впередъ, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, въ образцовомъ порядкѣ и стройности. Люди, съ серьезными лицами и держа ружья вольно, отбивали тактъ ногами. Подойдя къ большой траншеѣ, 4-й батальонъ Измайловцевъ залегъ за насыпью и открылъ рѣдкую пальбу по большому редуту. Къ сожалѣнію, здѣсь произошло недоразумѣніе, почти неизбежное въ подобныхъ случаяхъ. Прибывъ на поле битвы и не успѣвъ ознакомиться съ положеніемъ дѣла, измайловцы начали стрѣлять не только по редуту, но и по ложементамъ, расположеннымъ къ западу отъ большаго редута, гдѣ залегъ 4-й стрѣлковый батальонъ. Тогда командиръ этого батальона, графъ Клейнмихель, послалъ прапорщика Климова для предупрежденія Измайловцевъ и разъясненія недоразумѣнія. Климовъ, сѣвъ верхомъ на лошадь, подъ убійственнымъ огнемъ турокъ, сосредоточившихъ на немъ выстрѣлы, двинулся напрямикъ, шагахъ въ 300 отъ редута, по совершенно открытому мѣсту. „Измайловцы, не стрѣлять! Измайловцы, не стрѣлять! Свои, свои!“ кричалъ онъ, сидя на лошади и махая руками. Затѣмъ совершенно спокойно повернулъ назадъ и шагомъ уѣхалъ на свое мѣсто. По цѣпи Измайловцевъ раздалась команда: „не стрѣлять!“ и пальба моментально смолкла. Съ этого момента Измайловцы до вечера

пролежали подъ страшнымъ огнемъ противника, не смѣя отвѣтить ни однимъ выстрѣломъ.

Остальные батальоны Измайловскаго полка, направленные на подкрѣпленіе средней и лѣвой колоннъ, вслѣдствіе дальности разстоянія, какое имъ пришлось пройти, прибыли къ мѣсту своего назначенія гораздо позднѣе 4-го батальона *).

Почти одновременно съ 4-мъ батальономъ Измайловскаго полка выступилъ изъ частнаго резерва средней колонны, на подкрѣпленіе Лейбъ-Гренадеръ, лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ. Батальонъ этотъ былъ приданъ къ 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи собственно съ тою цѣлію, чтобы возвести укрѣпленія у Горнаго Дубняка немедленно по занятіи этой позиціи гвардейскими войсками; но, вслѣдствіе запутанности дѣла и критическаго положенія Лейбъ-Гренадеровъ, Саперный батальонъ принялъ участіе и въ самой атакѣ позиціи, впрочемъ, *по личной инициативѣ частныхъ начальниковъ*. Видя, что батальонъ, оставаясь въ дубовомъ лѣску, гдѣ онъ прикрывалъ знамена и батарею средней колонны, подвергается напраснымъ потерямъ, и узнавъ, что Лейбъ-Гренадерамъ настоятельно необходима помощь, командиръ Сапернаго батальона, флигель-адъютантъ полковникъ Скалонъ, перестроилъ батальонъ свой поротно въ двѣ линіи и двинулъ его впередъ. При этомъ полковникъ Скалонъ былъ раненъ пулею въ животъ и отнесенъ на перевязочный пунктъ. Вскорѣ послѣ этого, роты сапернаго батальона, вслѣдствіе густоты лѣска, потеряли другъ друга изъ вида. Поэтому рота Его Величества и 2-я рота Сапернаго батальона, державшіяся очень близко одна къ другой, были отведены нѣсколько назадъ и положены впредь до разясненія обстоятельствъ дѣла. Вслѣдъ за этимъ къ нимъ подошелъ полковой адъютантъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, капитанъ Павловскій, и передалъ, что движеніе утомленныхъ боемъ войскъ отъ малаго къ главному редуту невозможно безъ подкрѣпленій. Командовавшіе упомянутыми редутами саперъ поручикъ Прескоттъ и штабсъ-капитанъ Ренгартенъ, не видя возможности получить какія либо инныя приказанія и не желая отказывать въ

*.) Какой изъ этихъ трехъ остальныхъ батальоновъ Измайловскаго полка и куда собственно прибылъ на подкрѣпленіе—остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ.

настоятельно необходимой помощи Лейбъ-Гренадерамъ, двинули свои роты снова впередъ. Такъ какъ огонь въ это время съ большаго редута сдѣлался чрезвычайно силенъ, то штабсъ-капитанъ Ренгартенъ двинулъ свою роту по совершенно открытой мѣстности бѣгомъ къ малому редуту, разсыпавъ ее предварительно въ цѣпь, для избѣжанія напрасныхъ потерь. Добѣжавъ до малаго редута, 2-я рота залегла на краяхъ мертваго пространства, занятаго Лейбъ-Гренадерами. Но здѣсь саперамъ даже лежа пришлось терпѣть отъ ружейнаго огня турокъ; вслѣдствіе этого штабсъ-капитанъ Ренгартенъ приказалъ своимъ саперамъ лежа окопаться. Это было около часу по-полудни.

Въ то время, когда 2-я рота двинулась бѣгомъ, цѣпью, къ малому редуту, рота Его Величества, слѣдуя за 2-ю и дойдя до опушки лѣска, получила, чрезъ ординарца, приказаніе генерала Гурко перейти на правый флангъ средней колонны. Подойдя къ бывшему на правомъ флангѣ этой колонны лейбъ-гвардіи Московскому полку, рота Его Величества, по приказанію генерала Брока, была разсыпана въ цѣпь и расположена на правомъ же флангѣ бывшаго въ цѣпи 4-го батальона этого полка, съ которымъ и двинулась впоследствии въ атаку на большой редутъ.

Пока первыя двѣ роты Сапернаго батальона совершали вышеописанное движеніе, съ ротою Его Высочества и 4-ю ротою Сапернаго батальона происходило слѣдующее:

Пройдя по лѣсу нѣкоторое пространство и потерявъ при этомъ раненымъ командира роты Его Высочества, капитана князя Кильдишева, передавшаго командованіе ротою поручику графу Ивеличу, — роты Его Высочества и 4-я были отведены послѣ этого назадъ, къ обращенной къ рѣкѣ Виду опушкѣ лѣска, гдѣ и расположились въ ожиданіи какихъ либо приказаній. Вскорѣ къ нимъ подошелъ, направляясь со стороны непріятеля, свиты Его Величества генераль-маіоръ Брокъ. Онъ шелъ пѣшкомъ, совершенно одинъ, такъ какъ разослалъ уже всѣхъ своихъ ординарцевъ. Увидя генерала, командиръ 4-й роты, штабсъ-капитанъ Чудовскій, подошелъ къ нему и попросилъ приказаній. Тогда генераль Брокъ велѣлъ ротамъ Его Высочества и 4-й стать на флангахъ виднѣвшейся нѣсколько впереди на

полян батареи. Затѣмъ генералъ вновь направился къ сторонѣ непріятеля. Въ то время, когда роты Его Высочества и 4-я собирались уже двинуться по указанному направленію, къ нимъ подошелъ полковникъ Любовицкій, который, возвратясь послѣ перевязки полученной имъ раны, занялся сборомъ и устройствомъ людей разныхъ полковъ и взводовъ со знаменами, съ цѣлю вести ихъ на подкрѣпленіе частей, расположенныхъ около малаго редута. Узнавъ, что здѣсь находится двѣ роты саперъ и что старшимъ при нихъ былъ штабсъ-капитанъ Чудовскій, полковникъ Любовицкій обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Вамъ придется вести ихъ (обѣ роты) впередъ. Сейчасъ я былъ на батареѣ (маломъ редутѣ). Тамъ чистый адъ. Обсыпаютъ какъ горохомъ. Многіе изъ моихъ Гренадеръ разстрѣляли всѣ патроны и довольствуются крикомъ „ура!“ Помочь необходимо. Возьмите вашу роту, скажите тоже и командиру другой роты, и ведите сюда впередъ. Разсыпьте цѣпь и, если возможно, атакуйте. Въ случаѣ надобности, прикроете отступленіе“

Тогда штабсъ-капитанъ Чудовскій, увлекаемый желаніемъ помочь передовымъ войскамъ, повелъ роту по направленію къ непріятелю. За 4-ю роту послѣдовала и рота Его Высочества. Командовавшій ею, поручикъ графъ Ивеличъ, просилъ штабсъ-капитана Чудовскаго распорядиться и его ротой, такъ какъ онъ не могъ командовать ею самъ, будучи оглушенъ и контуженъ ударившею въ ухо пулею. Идя по лѣсу, роты Его Высочества и 4-я были снова встрѣчены генераломъ Броккомъ. На вопросъ, куда роты идутъ, штабсъ-капитанъ Чудовскій доложилъ генералу о разговорѣ своемъ со встрѣченнымъ имъ полковникомъ Любовицкимъ. Тогда генералъ Брокъ приказалъ ротамъ продолжать движеніе и пошелъ съ ними самъ впередъ. Выйдя на опушку, генералъ приказалъ выслать цѣпь отъ обѣихъ ротъ. Въ это время огонь непріятеля чрезвычайно усилился, и саперы начали нести значительныя потери. Тогда генералъ Брокъ, все время находившійся въ цѣпи, приказалъ саперамъ слѣлать нѣсколько перебѣжекъ впередъ, послѣ чего роты залегли и открыли рѣдкій огонь. Артиллерія наша продолжала въ это время стрѣлять по большому редуту поверхъ цѣпи. Вслѣдъ за этимъ генералъ Брокъ отошелъ отъ цѣпи, а роты остались

на мѣстѣ, пролежавъ здѣсь до вечера и будучи вынужденными вскорѣ прекратить ружейную стрѣльбу, вслѣдствіе опасенія попасть въ своихъ же, расположенныхъ впереди, близъ малаго и большаго редутовъ. Уходя, генералъ Брокъ приказалъ Саперамъ пропустить ожидавшихся къ этому времени Измайловцевъ черезъ цѣпь и не слѣдовать за ними.

Изъ всего вышеизложеннаго можно видѣть, до какой степени было запутано положеніе дѣлъ въ средней колоннѣ, гдѣ двинувшіеся въ бой по собственной инициативѣ Саперы принуждены были, прежде чѣмъ дойти до боевой линіи, нѣсколько разъ мѣнять направленіе своего движенія, вслѣдствіе почти случайныхъ встрѣчъ съ нѣкоторыми изъ командировъ. Но, въ сущности, положеніе дѣлъ было не менѣе запутано и въ нашихъ правой и лѣвой колоннахъ. Въ послѣдней частный резервъ также почти весь вступилъ въ дѣло по собственному почину, и къ 2-мъ часамъ по-полудни въ резервѣ этой колонны оставалась одна лишь 5-я рота Финляндскаго полка, да и та вскорѣ, не дождавшись приказанія, сама присоединилась къ полку.

Словомъ, начальникъ отряда въ этотъ періодъ боя потерялъ уже почти всякую нить общаго руководства ходомъ сраженія; вслѣдствіе этого связь между отдѣльными колоннами почти исчезла, такъ что систематичность въ дѣйствіяхъ и дружная поддержка колоннъ были теперь, собственно говоря, немислимы. Сраженіе продолжалось уже какъ-бы само собою, почти безъ вліянія старшихъ командировъ, которые, вслѣдствіе прекратившагося доступа къ боевой линіи, вынуждены были разыгрывать чуть-ли не роль простыхъ зрителей, что было всего мучительнѣе и опаснѣе при подобномъ положеніи дѣлъ.

Какъ уже было замѣчено выше, генералъ Гурко около 2-хъ часовъ по-полудни переѣхалъ съ курганчика у шоссе на батарею средней колонны. Здѣсь онъ получилъ весьма тревожное извѣстіе, о томъ, что Лейбъ-Егерскій полкъ потерпѣлъ неудачу и отступилъ отъ Телиша, вслѣдствіе чего являлась опасность прихода подкрѣпленій къ туркамъ съ южной стороны. Очевидно, что надо было кончать дѣло поскорѣе.

Въ виду сказаннаго, генералъ Гурко рѣшилъ, по приходѣ батальоновъ лейбъ-гвардіи Измайлов-

скаго полка, двинуть всё войска на штурмъ одновременно со всѣхъ сторонъ. Въ это время, какъ мы уже знаемъ, турецкій редутъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ нашими войсками, которыя подошли уже на очень близкое разстояніе; притомъ же сильный артиллерійскій огонь съ нашихъ батарей безустанно громилъ защитниковъ редута со всѣхъ четырехъ сторонъ, начиная съ 8^{1/2} часовъ утра, и уже заставилъ замолчать непріятельскія орудія. Поэтому генераль Гурко рассчитывалъ, что единовременная атака со всѣхъ сторонъ, и притомъ съ разстояній очень небольшихъ (отъ 100 до 400 шаговъ), увѣнчается успѣхомъ.

Время рѣшительной атаки предполагалось около трехъ часовъ по-полудни. При этомъ, для того чтобы штурмъ всѣми войсками былъ одновременный, генераль Гурко установилъ слѣдующій условный сигналъ: когда всё распоряженія будутъ отданы, онъ велѣлъ произвести три залпа съ батарей лѣвой колонны; послѣ этихъ залповъ произвести три залпа съ батарей средней колонны; наконецъ, послѣ этихъ залповъ, произвести три залпа съ батарей правой колонны. Послѣ послѣдняго залпа правой колонны всё войска должны были броситься на штурмъ.

Въ виду сказаннаго, генераль Гурко передалъ соответственныя приказанія лично генералу Броку, вступившему въ командованіе 1-ю бригадою 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, и послалъ письменное приказаніе начальнику правой колонны, генералу Эллису 1-му.

Сдѣлавъ эти распоряженія, генераль Гурко поѣхалъ въ лѣвую колонну и, объѣхавъ расположеніе всѣхъ войскъ, прибылъ опять на батарею средней колонны, гдѣ встрѣтилъ начальника 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-адъютанта графа Шувалова, которому и передалъ лично соответственныя распоряженія. Но прежде чѣмъ графъ Шуваловъ успѣлъ передать въ лѣвую и среднюю колонны свои распоряженія, какъ раздались три послѣдовательные залпа съ батарей правой колонны, которая должна бы была стрѣлять послѣдней, и войска этой колонны пошли уже на штурмъ.

Такимъ образомъ условленный сигналъ не былъ выполненъ, и предположенія генерала Гурко объ единовременной атакѣ рушились.

Нужно, впрочемъ, сознаться, что условленный сигналъ былъ слишкомъ сложенъ для того, чтобы войска могли его въ точности выполнить и руководиться имъ при той запутанности дѣлъ, о которой мы говорили выше. Съ другой стороны, причиною неточнаго выполненія сигнала послужило также обстоятельство чисто-случайнаго характера, которое вѣрнѣе слѣдуетъ назвать недоразумѣніемъ. Получивъ вышеупомянутое распоряженіе генерала Гурко, начальникъ правой колонны, генераль Эллисъ 1-й, поручилъ начальнику своего штаба, полковнику Пузыревскому, написать соответственное приказаніе командиру 6-ой батареи лейбъ-гвардіи артиллерійской бригады, которая должна была дать три послѣдніе залпа. Вотъ буквальная копія съ этого послѣдняго документа: „По приказанію генерала Гурко, три батареи, а именно: отряда генерала Розенбаха, генерала Зедделера и моего, дадутъ каждая по три залпа, начиная съ батареи генерала Розенбаха и кончая вашей. Послѣдній вашъ залпъ долженъ служить сигналомъ общей атаки. При стрѣльбѣ имѣйте въ виду, что ваши снаряды могутъ попадать въ 4-й стрѣлковый батальонъ, находящійся на правомъ моемъ флангѣ“ *). По прочтеніи этого приказанія, генераль Эллисъ 1-й потребовалъ къ себѣ ординарца, казачьяго сотника, и отправилъ его къ командиру 6-ой батареи. Вскорѣ сотникъ вернулся и привезъ записку обратно. „Ну, что, прочелъ полковникъ?“ спросилъ генераль Эллисъ.— „Два раза прочелъ, сказалъ, что понялъ, и отдалъ мнѣ записку назадъ, говоря, что она ему болѣе не нужна“,—отвѣчалъ ординарецъ. Генераль Эллисъ велѣлъ затѣмъ сдѣлать соответствующія распоряженія по своему отряду; но не успѣли еще всё эти распоряженія дойти по на-

*) Слова, напечатанныя на разрядку, въ подлинной запискѣ подчеркнуты. Полковникъ Пузыревскій, приводя этотъ документъ, замѣчаетъ, что «записка была редактирована такъ ясно и опредѣленно, что всякій не военный легко пойметъ, въ чемъ дѣло». Но едва-ли съ этимъ можно согласиться. Въ запискѣ очень глухо упоминается о послѣдовательности залповъ, между тѣмъ въ этомъ-то и была вся суть дѣла. Вообще, можно было пожелать большей ясности въ запискѣ, отправляемой въ такой тревожный и грозный моментъ, въ какой она была получена командиромъ батарей. Послѣдній могъ не понять ея совершенно по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и составитель ея не успѣлъ или не могъ выразиться точнѣе.

значенію, какъ, ко всеобщему изумленію и ужасу, раздался залпъ съ 6-ой батареи. Въмѣсто того, чтобы стрѣлять послѣдней, она начала пальбу первою! Трудно представить себѣ, въ какое отчаяніе привело всѣхъ это печальное недоразумѣніе. Путаница была неизбежна. Оставалось почти единственно возможное въ данномъ случаѣ рѣшеніе, къ которому генералъ Эллисъ и прибѣгнулъ, а именно: онъ рѣшилъ, если только не послѣдуетъ отъѣмны сигнала, считать залпы не съ лѣваго, а съ праваго фланга, т. е. съ 6-ой своей батареи.

Долго стрѣлкамъ пришлось ожидать сосѣднихъ залповъ. Всѣ прислушивались съ напряженнымъ вниманіемъ къ ихъ звуку. Наконецъ, влѣво, со стороны средней колонны, раздался одинъ, потомъ другой, третій гулъ. Шрапнели съ страшнымъ шумомъ пронеслись въ воздухѣ и съ трескомъ разорвались надъ главнымъ редутомъ, прекративъ на время турецкую стрѣльбу. Оставалось выждать еще три залпа съ батареей лѣвой колонны; но тутъ со стороны обоихъ противниковъ поднялась такая трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, въ которой трудно было что нибудь различить. Все слилось въ одинъ сплошной гулъ. Это уже доказывало отчасти, насколько былъ вообще неудобенъ условленный сигналъ къ атакѣ. „Вотъ 7-й залпъ“, — началъ считать кто-то: „Вотъ 8-ой“ „Нѣтъ, это ружейный залпъ“, — возражаютъ ему. Пошли споры.

Между тѣмъ офицеры ободряли людей. Генералъ Эллисъ 1-й всталъ изъ за укрытія, обошелъ ближайшій участокъ цѣпи и сдѣлалъ нѣсколько наставленій людямъ.

— Смотри, ребята, — говорили стрѣлкамъ, — смѣлѣе бросайся впередъ и лети стремглавъ; чѣмъ скорѣе добѣжите, тѣмъ меньше потерь. Горнисты! какъ бросаются люди, — труби атаку.

— Эхъ, изрѣшетаютъ они насъ, ваше благородіе! — слышалось замѣчаніе...

А огонь по всей линіи все усиливался...

— 9-й залпъ! — крикнулъ кто-то...

— Впередъ! ура! Горнисты, труби!.. не разобравъ дѣла, стрѣлки бросились изъ-за укрытій и закричали „ура“!.. но въ этомъ звукѣ уже не было слышно всеограшающей увѣренности въ успѣхъ. Едва люди поднялись изъ ложементовъ и бросились впередъ, какъ турки съ бѣшеннымъ не-

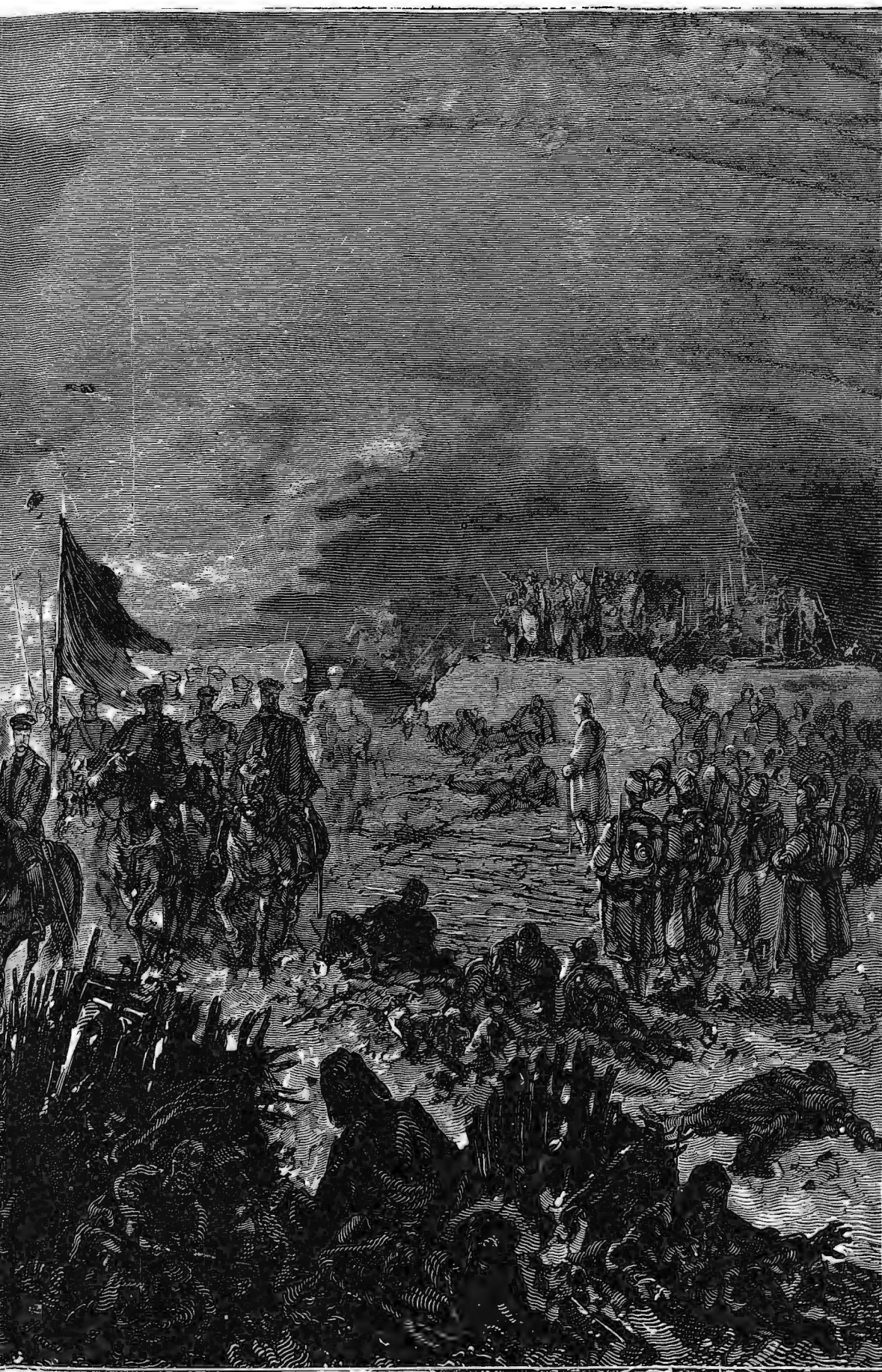
истовствомъ затрещали изъ ружей. Безъ преувеличенія можно сказать, что цѣлыя тучи свинцу понесли на встрѣчу стрѣлкамъ. Множество людей въ одно мгновеніе повалились ранеными и убитыми: одинъ моментально хватался рукою за сердце и какъ снопъ падалъ на землю; другой стоналъ отъ раздробленной ноги; третій катался по землѣ въ невыносимыхъ мученіяхъ... Цѣпь стрѣлковъ, пробѣжавъ немного впередъ, залегла и застыла на мѣстѣ... Въ одномъ мѣстѣ горнисты, хотѣвшій — было протрубить атаку, едва успѣлъ разъ пискнуть — и свалился...

Расположенный рядомъ со стрѣлками, 7-й батальонъ Измайловцевъ, услыхавъ громкое „ура!“ стрѣлковъ, моментально поднялся изъ своей траншеи.

— „Ружья вольно, шагомъ маршъ!“ послышалась команда, — и всѣ роты, какъ одинъ человекъ, бросились впередъ... Ротные командиры съ саблями наголо, впереди своихъ частей, командиръ полка — передъ цѣпью... Но что тутъ произошло, — трудно передать словами! Турки осыпали Измайловцевъ буквально градомъ пуль. Стоявъ стоялъ въ воздухѣ отъ грохота мариночекъ и отъ шума лѣтѣвшихъ пуль; но Измайловцы шли ровнымъ, дружнымъ шагомъ. Солдаты невольно только согнулись, лица у всѣхъ какъ-то передернулись, словно люди въ самомъ дѣлѣ протискивались сквозь густую массу пуль... Нервы солдатъ, однако, долго не выдержали. Когда оказалось, что справа стрѣлки сдѣлали съ крикомъ „ура“ лишь простую перебѣжку впередъ, не выждавъ послѣднихъ трехъ залповъ, и что теперь передъ редутомъ стоялъ открыто на ногахъ одинъ только 4-й батальонъ Измайловскаго полка, люди этого батальона, по командѣ своихъ ротныхъ командировъ, бросились на землю и залегли на мѣстѣ. Атака, очевидно, не могла продолжаться при описанныхъ условіяхъ. До редута оставалось еще по крайней мѣрѣ шаговъ пятьсотъ. Снова пришлось Измайловцамъ и стрѣлкамъ лежать ждать послѣднихъ сигнальныхъ залповъ, но ждать уже не подъ горою въ траншеяхъ и ложементѣхъ, а на ровномъ полѣ, въ пяти стахъ шагахъ отъ непріятеля... Такъ какъ въ этомъ случаѣ для солдатъ было почти все равно, что лежать, что идти впередъ, тѣмъ болѣе что остальныхъ залповъ не

Внутренность турецкаго редута подь Горь

Взятіє Дубнякомъ послѣ взятія его русскими.

раздавалось, то, по инициативѣ ротныхъ командировъ, начали перебѣгать сначала стрѣлковая линия Измайловцевъ, а потомъ и колонны. При этомъ турки снова открыли убійственный огонь. Доказательствомъ того, насколько силенъ былъ непріятельскій огонь, можетъ служить то, что когда командиръ 14-й роты Измайловскаго полка поручикъ Головковъ, 1-й поползъ назадъ съ разбитой пулею ногою, то его ранила на дорогѣ вторая пуля въ руку, а когда подбѣжали къ нему носильщики, рядовые 13-й роты Клѣшниковъ и Пяткинъ, и положили его на носилки, то третья пуля пробила Головкову другую ногу. Не смотря, однако, на этотъ убійственный огонь противника, нѣкоторымъ частямъ 4-го батальона Измайловцевъ удалось, въ нѣсколько перебѣжекъ, продвинуться довольно далеко; такъ, 14-я рота Измайловскаго полка, то полкомъ, то перебѣжками, подобралась на 250 шаговъ къ редуту. Другія успѣли пробѣжать очень немного, а третьи остались на своихъ мѣстахъ. Вмѣстѣ съ 4-мъ батальономъ начали подаваться впередъ и сосѣднія съ нимъ части, т. е. справа 3-й батальонъ и слѣва 2-й батальонъ Измайловскаго полка. Люди стрѣлковой бригады, въ одиночку полкомъ, также стали пробираться впередъ, шаговъ на 100 до редута.

Тѣмъ пока и окончилась атака правой колонны. Оставшіеся позади люди съ тяжелымъ чувствомъ опять успѣли за насыпью траншей. Всѣ сознавали, что дѣло затягивается и потребуется еще много жертвъ, чтобы покончить со стойкимъ противникомъ.

Когда началась не въ урочное время атака правой колонны, генералъ Гурко, какъ сказано въ его донесеніи, съ замираніемъ сердца слѣдилъ съ батареи средней колонны за послѣдовавшими дѣйствіями, такъ какъ было ясно, что, вмѣсто одновременнаго штурма со свѣхъ сторонъ, должны были послѣдовать одиночныя и разновременныя атаки, различными частями войскъ, успѣхъ которыхъ былъ болѣе чѣмъ сомнителенъ. Чтобы какъ нибудь исправить дѣло и выручить войска правой колонны, уже начавшія атаку, генералъ Гурко послалъ во всѣ стороны ординарцевъ съ приказаніемъ, чтобы войска, не дожидаясь сигнала, поддержали атаку правой колонны. Но, какъ и слѣдовало ожидать, и въ осталь-

ныхъ двухъ нашихъ колоннахъ послѣдоваль цѣлый рядъ отдѣльныхъ атакъ, тѣмъ болѣе что приказаніе генерала Гурко въ нѣкоторыя части войскъ совсѣмъ не могло дойти...

Въ какихъ размѣрахъ была предпринята въ это время атака среднею колонною и, вообще, въ чемъ собственно выразилась дѣятельность ея за это время, остается, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ. Что же касается лѣвой колонны, то здѣсь около 4-хъ часовъ пополудни былъ предпринятъ штурмъ лѣйбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ, по почину командира этого полка, генералъ-маіора Лаврова.

Около этого времени, къ Финляндскому полку продолжавшему лежать густою массою къ югу отъ редута, на склонѣ горы между двумя оврагами, присоединилась послѣдняя рота частнаго резерва лѣвой колонны, именно 5-я рота Финляндскаго полка. Она занимала позицію въ дубовомъ лѣсу, въ тылу своего полка, когда мимо нея проносили раненаго командира 15-й роты, штабсъ-капитана Плѣшко. „Что вы здѣсь стоите?! — обратился онъ къ командиру 5-й роты: подготовка огнемъ доведена до конца, слѣдуетъ штурмовать! Мало насъ тамъ, за вами дѣло!“ Пассивная роль, выпавшая на долю 5-й роты, сдѣлалась для нея болѣе невыносимою, и рота, перебѣжками въ одиночку, присоединилась къ правому флангу своего полка.

Здѣсь командиръ полка, генералъ-маіоръ Лавровъ, уже рѣшилъ идти на штурмъ. Вскорѣ, раздалось три сильныхъ выстрѣла изъ орудій: вѣроятно, это былъ который нибудь изъ сигнальныхъ залповъ. Вслѣдъ затѣмъ, лежавшіе на скатѣ горы Финляндцы моментально поднялись и, съ крикомъ „ура!“ цѣпь за цѣпью пустились бѣжать на-верхъ, гдѣ расположенъ былъ турецкій редутъ. Генералъ Лавровъ, уже раненый въ руку, поскакалъ впереди полка верхомъ на лошади, отважно махая саблею... Въ ту же секунду поползли внизъ раненые... Новое „ура!“ раздалось внизу, на скатѣ горы, и новыя цѣпи Финляндцевъ побѣжали вверхъ вслѣдъ за взшедшими уже цѣпями. Но въ это время командиръ полка, генералъ Лавровъ, былъ смертельно сраженъ пулею, пробившею ему животъ. Вершина горы, по которой шелъ полкъ, была уже буквально усыяна ранеными и убитыми. Не встрѣчая впереди себя рѣшительно никакого укрытія, Финляндцы были вынуждены вер-

нутья назадъ и опять залечь на скатѣ горы, въ мертвомъ ея пространствѣ.

Впрочемъ, незначительная часть Финляндцевъ, съ командиромъ 5-й роты во главѣ, взявъ во время штурма нѣсколько влѣво и перебравшись черезъ оврагъ, достигла турецкихъ шалашей, расположенныхъ въ тылу большаго редута. Здѣсь находился турецкій лагерь. Нѣсколько турокъ, стрѣлявшихъ изъ за шалашей, при приближеніи Финляндцевъ, быстро очистили свой лагерь и присоединились къ своимъ въ ретраншементы. Наши смѣльчаки немедленно расположились въ непріятельскомъ лагерѣ, не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ противника. Шалаша, палатки и лежавшія здѣсь убитыя лошади дали возможность имъ укрыться отъ выстрѣловъ турокъ и открыть въ свою очередь по нимъ мѣткій огонь. Мѣстность какъ нельзя болѣе способствовала этому, такъ что одному стрѣлку удалось отсюда убить шесть турокъ. Когда же патроны были все израсходованы, то одинъ изъ смѣльчаковъ выбрался на совершенно открытое мѣсто и отобралъ десятокъ пачекъ у лежавшихъ убитыхъ и раненыхъ. Къ сожалѣнію, попавшая въ шалаша, кажется, наша же шрапнель, заставила смѣльчаковъ покинуть лагерь и возвратиться къ полку; но чрезъ нѣсколько времени командиръ 5-й роты, уже раненный въ бедро, съ нѣсколькими охотниками снова вернулся къ турецкимъ шалашамъ.

Одновременно съ атакою Финляндцевъ, штурмовали большой редутъ и Павловцы, хотя атака послѣднихъ окончилась также неудачно, но нѣкоторымъ изъ частей Павловскаго полка удалось подобраться весьма близко къ большому редуту. Такъ, рассказываютъ, что поручикъ Павловскаго полка Кучинскій забрался съ людьми своего взвода въ самый редутъ съ горжи и началъ тамъ хозяйничать, поджигая соломенные и древесные шалаша. Турки его разстрѣливали, но онъ упорно держался, считывая, что вотъ-вотъ придетъ помощь и поддержитъ его. Стрѣлки, которыми онъ командовалъ, не теряли даромъ времени и своими мѣткими выстрѣлами наносили такой чувствительный вредъ непріятелю, что турки, чтобы выгнать ихъ отсюда, направили на нихъ черкесовъ. Съ гикомъ и крикомъ бросились послѣдніе на эту ничтожную кучку храбрецовъ, но каждый разъ были отбиваемы, а подъ

конецъ и совѣмъ прекратили свои нападенія. Однако и нашихъ смѣльчаковъ также сильно разстрѣливали, и ряды солдатъ Кучинскаго сильно рѣдѣли. Тогда, не видя ни откуда поддержки, Кучинскій принужденъ былъ отступить въ разсыпную изъ редута. Ему самому оставалось уже пробѣжать нѣсколько шаговъ и онъ былъ бы въ безопасномъ мѣстѣ, но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать, его догнала пуля и ударила въ мягкія части ноги, къ несчастію прямо въ артерію. Съ страшными усилиями проползъ онъ нѣсколько шаговъ и упалъ въ обморокъ. Это былъ, кажется, первый русскій офицеръ, который былъ въ большомъ редутѣ.

Когда прекратилась атака лѣвой колонны и Финляндцы снова залегли на скатѣ горы, заступившій мѣсто раненаго командира этого полка, генерала Лаврова, командиръ 4-го батальона, полковникъ Вейсъ, приказалъ Финляндцамъ окопать вершину горы и занять ее въ случаѣ перехода турокъ въ наступленіе.

Послѣ всехъ этихъ атакъ, окончившихся около 5-ти часовъ пополудни, все наши батареи должны были прекратить огонь, потому что многія части подошли такъ близко къ непріятельскому укрѣпленію, что огонь нашихъ батарей началъ наносить вредъ своимъ же собственнымъ войскамъ. Отводить же войска назадъ для того, чтобы обстрѣливать редутъ, было положительно невозможно, въ виду тѣхъ жертвъ, которыя они немедленно понесли бы при этомъ движеніи.

Хотя вышеописанное наступленіе различныхъ частей и не имѣло непосредственнаго успѣха, но, значительно поднявъ духъ людей, оно усилило тѣ отдѣльныя перебѣжки изъ малаго редута къ главному укрѣпленію, о которыхъ мы говорили выше. Упомянутое движеніе продолжалось и теперь съ тою лишь разницею, что прежде эти перебѣжки происходили по направленію къ канавкамъ на шоссе, къ турецкой караулкѣ, къ стогу соломы и турецкимъ шалашамъ, — теперь же съ этихъ пунктовъ люди стали перебѣгать въ самый ровъ большаго редута, именно къ лѣвому фасу его, и здѣсь-то съ каждой минутою количество этихъ смѣльчаковъ возрастало все болѣе и болѣе. Дѣло въ томъ, что вновь прибывшіе солдаты съ различныхъ пунктовъ къ караулкѣ и стогу соломы, увидѣвъ, что здѣсь все мертвое пространство

уже занято людьми и прикрытія тутъ для нихъ болѣе нѣтъ, поневолѣ должны были бѣжать далѣе и, очутившись подлѣ глубокаго рва большаго редута, соскакивали въ него. Тутъ они наткнулись на неожиданное открытіе: ко всеобщему удивленію оказывалось, что ровъ редута есть самое безопасное и наиболѣе защищенное отъ турецкихъ пуль мѣсто. Правда, турки пытались прогнать изъ рва успѣвшихъ добѣжать туда нашихъ солдатъ, но для этого должны были высовываться изъ-за вала редута и стрѣлять въ ровъ сверху внизъ; но едва они появлялись съ подобнымъ намѣреніемъ на гребнѣ бруствера, какъ были встрѣчаемы отовсюду: съ малаго редута, съ шоссе, изъ-за караулки и изъ-за стога соломы—градомъ русскаго свинца и принуждены были быстро прятаться снова за свою насыпь. Увидя, такимъ образомъ, что вылѣзть на гребень бруствера—значить то же, что идти на вѣрную смерть, турки ограничились тѣмъ, что стали бросать въ ровъ каменьи и глыбы земли. Засѣвшіе во рву солдаты, въ свою очередь, кидали каменьи и землю обратно за брустверъ; въ случаѣ же появленія турокъ на самомъ брустверѣ, солдаты хватали ихъ за ружья, бросали имъ въ глаза пескомъ.

Убѣдившись наконецъ, что во рву они совершенно защищены отъ непріятельскаго огня, засѣвшіе въ немъ солдаты стали громко кричать сотоварищамъ: „Ребята! бѣгите сюда къ намъ, тутъ тебя никакая пуля не беретъ!“ На этотъ зовъ изъ-за караулки и съ шоссе бѣжали новыя кучки солдатъ, и такимъ образомъ во рву большаго редута, противъ лѣваго его фаса, такъ сказать подъ самымъ носомъ у турокъ, мало-по-малу собрался довольно значительный русскій отрядъ. Къ вечеру здѣсь собрались уже представители всѣхъ полковъ: Гренадеры смѣшались съ Павловцами, Москвичи съ Финляндцами, Измайловцами и Саперами. Сидя во рву, солдаты наши не теряли даромъ времени: штыками и тесаками они принялись копать маленькія углубленія въ стѣнкѣ рва, въ родѣ ступенекъ, чтобы было куда поставить ногу, на случай, когда придется взбираться на валъ редута. Вскорѣ со дна рва, на брустверъ редута, вели уже настоящія земляныя лѣсенки.

Часовъ въ пять вечера, когда солнце начало уже склоняться къ западу, къ средней колоннѣ подошло

наконецъ подкрѣпленіе—1-й батальонъ Измайловскаго полка. Турки встрѣтили Измайловцевъ страшной ружейной трескотнею; но тѣ перебѣжками продолжали подвигаться впередъ. Такъ прошло нѣсколько времени. Изрѣдка слышались въ разныхъ мѣстахъ крики „ура“, но они скоро слабѣли и обрывались, заглушаемые неистовымъ ружейнымъ огнемъ изъ укрѣпленія, откуда вслѣдъ затѣмъ раздавалось „алла“ Со стороны Плевны также слышались глухіе раскаты артиллерійскихъ залповъ.

Уже стемнѣло. По всей линіи наступило грозное, гробовое молчаніе. Съ началомъ наступленія сумерекъ нѣкоторымъ изъ частей войскъ, лежавшихъ съ сѣверной и южной сторонъ главнаго редута, шагахъ во 100 или 200 отъ него, удалось подойти еще на болѣе близкое разстояніе къ редуту. Такъ два батальона Измайловскаго полка, съ своимъ полковымъ командиромъ, генераломъ Эллисомъ 2-мъ, во главѣ, проползли на колѣняхъ еще шаговъ около 150 и очутились не болѣе какъ въ 60 шагахъ отъ редута.

Было около 6 часовъ вечера. Большая красная луна уже выплыла на горизонтѣ. Генералъ Гурко, сѣвъ на коня, медленнымъ шагомъ поѣхалъ съ батареи средней колонны на тотъ курганчикъ у шоссе, съ котораго онъ наблюдалъ поутру за ходомъ сраженія. Перестрѣлка въ это время то стихала, то снова усиливалась. На курганчикѣ собралось много начальниковъ частей, пріѣхавшихъ за новыми распоряженіями. Всѣ съ тяжелымъ чувствомъ прилегли на курганчикѣ вокругъ расположившагося тутъ же генерала Гурко. Истинное положеніе дѣлъ вокругъ непріятельскаго редута, собственно говоря, никому изъ находившихся тутъ не было извѣстно, въ особенности теперь, при наступленіи сумерекъ, такъ какъ для командировъ и ихъ ординарцевъ доступъ къ передовой нашей линіи былъ давно уже прекращенъ. Всѣмъ было извѣстно только одно то, что бой продолжался уже десять часовъ сряду, а конца ему еще не предвидѣлось. Въ то же время многіе уже знали, что Лейбъ-Егерскій полкъ отступилъ отъ Телиша, и турки могли подойти оттуда ночью. Могъ, наконецъ, и Османъ-паша сдѣлать вылазку изъ Плевны. Такъ или иначе, необходимо было быстрое рѣшеніе. При свѣтѣ фонарика, генералъ Гурко и генералъ Нагловскій составляли уже

новую диспозицію на ночь. Говорятъ, что общій смыслъ этой диспозиціи заключался въ томъ, чтобы, съ наступленіемъ окончательной темноты, вывести войска изъ сферы ружейнаго огня, окопаться на новой позиціи на ночь и съ разсвѣтомъ возобновить атаку.

Между тѣмъ, около непріятельскаго редута происходило слѣдующее. Когда совсѣмъ стемнѣло, въ непріятельскомъ редутѣ вдругъ вспыхнули шалаши, зажженные, вѣроятно, нашею артиллеріею. Въ это же время подошло къ редуту и подкрѣпленіе изъ 1-го батальона Измайловскаго полка. Считаю, должно быть, этотъ моментъ удобнымъ для атаки, кто-то въ сторонѣ Лейбъ-Гренадеръ ударилъ въ барабанъ къ наступленію. Заслышавъ призывные звуки барабана, одинъ изъ засѣвшихъ во рву редута солдатъ крикнулъ „ура“, которое дружно было подхвачено остальными. Кучка храбрецовъ бросилась изъ рва на брустверъ, и тотчасъ же на гребнѣ его завязался рукопашный бой. Всѣ появившіеся на брустверѣ первыми, если только можетъ быть рѣчь о первыхъ тамъ, гдѣ вся масса, по подготовленному самому ходомъ дѣла и отдѣльными личностями согласію, бросилась на валъ, — всѣ эти первые легли, конечно, жертвами этой случайной попытки. Но крики „ура“ и сигналъ къ наступленію, слабо раздававшіеся среди ночной тишины и ружейной пальбы, были слышаны также войсками, расположившимися вокругъ непріятельскаго редута. Всѣ полки, лежавшіе до той минуты въ кустахъ, въ ложементгахъ за буграми, повсюду, гдѣ только было малѣйшее прикрытие отъ турецкихъ пуль, теперь поднялись со своихъ мѣстъ и стали напряженно прислушиваться. Между тѣмъ крики „ура“ около редута росли все сильнѣе и сильнѣе. Войска въ разныхъ мѣстахъ начали подхватывать эти крики, и, наконецъ, все слилось въ сплошной ревъ. Вся масса войскъ, какъ одинъ человекъ, поднялась и съ неудержимою силою понеслась къ редуту. Что тутъ произошло, — трудно передать словами. Типетно турки открывали неумолкаемую торопливую пальбу. Наши бросались на нихъ со всѣхъ сторонъ. На брустверѣ редута и во рву его началась страшная рѣзня. Какъ разъяренные звѣри, бросались противники другъ на друга, стрѣляли, рубили, кололи, душили руками. Среди дыма отъ выстрѣловъ, тре-

ска отъ лопавшихся патроновъ, шума, гама, стонъ и проклятій выскакивали толпы турокъ изъ горѣвшихъ внутри редута шалашей и яростно бросались въ ятаганы. Принимаемые въ штыки, они или гибли тутъ же, или бросались снова въ пылавшіе шалаши, гдѣ и сгорали.

Постепенно турки стали прекращать огонь съ лѣваго фаса редута, но вмѣстѣ съ тѣмъ они поспѣшно приступили къ вырытію новыхъ траншей, изъ которыхъ, равно какъ и изъ разныхъ построекъ укрѣпленія, продолжали огонь по-прежнему. Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ Кушелевъ вскочилъ-было на брустверъ и едва успѣлъ крикнуть: „ребята, за...“, какъ повалился навзничь; та же участь постигла и слѣдовавшихъ за нимъ людей. Оказалось, что турецкій офицеръ, сидя за брустверомъ, мѣткими выстрѣлами билъ наповаль всякаго, кто только передъ нимъ показывался. Скоро, впрочемъ, было и съ нимъ покончено.

Нужно замѣтить, что у большаго турецкаго редута было свое уязвимое мѣсто — это задняя сторона редута, обращенная къ югу. Тамъ турки вѣроятно не успѣли вырыть глубокаго рва и ограничились тѣмъ, что выкопали два ложемента. Правда, ширина этого пространства была весьма незначительная, но въ финальный моментъ атаки Измайловцы, въ пережку съ Финляндцами, достигнувъ упомянутой стороны редута, ворвались въ него и завязали съ турками ожесточенную рукопашную схватку. Солдаты наши дѣйствовали противъ сопротивлявшихся турокъ преимущественно штыкомъ и прикладомъ. Одинъ изъ московскихъ солдатъ найденъ былъ послѣ съ перерѣзаннымъ горломъ на вершинѣ того кавальера, который находился внутри редута и на которомъ помѣщались турецкія пушки.

Не долго продолжалась штыковая работа, но груды убитыхъ турокъ завалили все внутреннее пространство редута и ровъ его. Еще во время рукопашной схватки, со стороны праваго фаса редута, наиболѣе безопаснаго для турокъ, былъ выкинутъ ими бѣлый флагъ; но, къ сожалѣнію, они прибѣгли къ этой послѣдней мѣрѣ слишкомъ поздно: наши уже ворвались въ редутъ у исходящаго угла его, а потому, при томъ страшно возбужденномъ состояніи, въ какомъ находились наши солдаты, остановить огонь и рѣзню не было никакой возможности:

два первыхъ турецкихъ парламентаря были убиты, и турки, уже начавшіе-было выходить изъ воротъ праваго фаса и сдаваться находившемуся тамъ лейб-гвардіи Московскому полку, снова хватились за оружіе и открыли огонь; но они были приняты въ штыки ворвавшимися въ редутъ съ сѣвера стрѣлками и Измайловцами. Только когда былъ выкинутъ бѣлый флагъ уже въ третій разъ, какъ говорятъ, самимъ Хивзи-панею, то офицерамъ нашимъ, хотя и съ немовѣрными усиліями, но удалось, наконецъ, остановить эту ужасную рѣзню и окончательное истребленіе противника. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ адъютантъ наши и, какъ говорятъ, палъ на колѣни передъ первымъ поавшимся ему офицеромъ, прося пощады. Въ это время пріѣхалъ на редутъ графъ Шуваловъ и немедленно отдалъ приказаніе прекратить бой. Тотчасъ послѣ этого появился самъ Хивзи-паша, а за нимъ и уцѣлѣвшія части бывшихъ въ редутѣ семи таборовъ, и начали бросать оружіе, сдаваясь въ плѣнъ.

Между тѣмъ, генералъ Гурко, находившійся, какъ мы видѣли, на курганчикѣ у шоссе, ничего еще не подозрѣвалъ о случившемся. Окружавшіе его командиры отдѣльных частей приготовились уже къ тревожной, бессонной ночи. Вокругъ нихъ трескъ ружейной пальбы не умолкалъ ни на минуту. Всѣ полужаляли и сидѣли на землѣ, молча, подавленные впечатлѣніями дня, и шепотомъ передавали другъ другу свои ощущенія. У всѣхъ на сердцѣ лежалъ тяжелый камень. Вдругъ фигура всадника, скачущаго отъ редута къ курганчику во весь опоръ, привлекла всеобщее вниманіе. Еще генералъ Нагловскій не закончилъ писать своей диспозиціи, какъ подскакавшій всадникъ осадилъ коня противъ генерала Гурко: то былъ ординарецъ генерала, ротмистръ Скалонъ. „Редутъ въ нашихъ рукахъ“, доложилъ онъ генералу взволнованнымъ голосомъ. — „Что? — переспросилъ генералъ: нашъ? редутъ нашъ?“ — „Сію минуту войска ворвались и заняли редутъ; оставшіеся турки сдались“ — „Ура!!“ — вырвалось у генерала. — „Ура!“ — подхватили всѣ на курганчикѣ. Всѣ, какъ ошеломленные, повскакали со своихъ мѣстъ. „Коня!“ — закричалъ генералъ. За генераломъ всѣ мигомъ вскочили на коней и понеслись за нимъ во весь опоръ, какъ опьянѣлые, крича „ура!“ перескакивая черезъ ровики, черезъ кучи мертвыхъ тѣлъ. Редутъ

былъ озаренъ краснымъ заревомъ, на которомъ рисовались темные силуэты нашихъ солдатъ. Плѣнные, положившіе оружіе въ редутъ, были уже выведены и стояли кучею, оцѣпенные нашими солдатами. Увидѣвъ генерала, солдаты подхватили „ура!“ Полетѣли вверхъ шапки. Многіе бросились на встрѣчу генерала. „Молодцы-дѣти! спасибо, молодцы“, проговорилъ генералъ взволнованнымъ голосомъ. „Ура!“ повторялось и разносилось вдаль. Къ генералу подвели наконецъ взятаго въ плѣнъ турецкаго пашу Ахмеда-Хивзи. Лицо пашы было грустно. Онъ низко поклонился генералу и сталъ, опустивъ голову. Генералъ Гурко протянулъ ему руку и сказалъ: „Уважаю въ васъ храбраго противника!“

Послѣ этого генералъ вѣхалъ на редутъ. Здѣсь представилась его глазамъ страшная картина: высокій четырехугольный редутъ освѣщался огромными огненными языками отъ пылавшихъ шалашей, повозокъ и палатокъ; всюду валялись обгорѣвшіе трупы людей, лошадей и овецъ. Масса ящиковъ съ патронами загоралась и производила невѣроятный, неумолкаемый трескъ. Осколки гранатъ, цѣлыя груды убитыхъ и раненыхъ, лужи крови, масса брошенныхъ ружей и фесокъ наполняли всѣ углы редута. И посреди всего этого, бродили опьянѣвшіе отъ восторга гвардейцы, радостно обнимавшіеся и поздравлявшіе другъ друга съ побѣдою; даже незнакомые бросались цѣловаться. Всѣ говорили тутъ сразу, никто другъ друга не слушалъ.

Вдругъ появляется какой-то Павловскій дѣтина, верхомъ на сѣрой маленькой турецкой лошаdkѣ, ноги чуть не по землѣ волочатся, шапка на затылкѣ, курносое лицо ослаблено широчайшею улыбкою, мундиръ изорванъ въ клочья, въ рукѣ окровавленный штыкъ.

— Урра-а, ваше превосходительство, ур-ра! — кричитъ онъ, потрясая своимъ штыкомъ, въ то время, какъ маленькая лошаденка упрямится, брыкается подъ нимъ, бьетъ передомъ и задомъ, тщетно стараясь сбросить съ себя ражаго дѣтину.

— Ты что? Откуда? — спрашиваютъ его.

— А я, ваше превосходительство, я, значить, шабашеваль.

— Какъ шабашеваль?

— А все его же! Тѣхъ, значить, которые сдаваться не желали и стрѣляли въ нашихъ... Я ихъ сначала прикладомъ — ну, расколося... сейчасъ эн-то

отомкнулъ штыкъ и пошелъ имъ шабашевать... Остались оченно довольны!

Общій веселый смѣхъ и „ура“ товарищей привѣтствовали этого молодчину.

Вотъ гурьба Измайловцевъ и впереди ихъ кучка офицеровъ: они подводятъ къ генералу какого-то рядового, въ рукахъ котораго развѣвается турецкое знамя—розовое съ бахромою, кистями и золотыми надписями изъ корана;—докладываютъ, что этотъ рядовой съ бою взялъ знамя у непріятели.

— Какъ зовутъ?—спрашиваетъ генералъ.

— Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка 2-й роты рядовой Иванъ Овчинниковъ.

— Молодецъ!.. Спасибо!.. Доложу Главнокомандующему и Государю Императору.

И опять побѣдное „ура“ гремитъ въ воздухъ, и толпы гвардейцевъ заранѣе поздравляютъ будущаго георгіевскаго кавалера.

Наконецъ, послѣ первыхъ минутъ восторга, войска начали разбираться; горнисты затрубили въ разныхъ направленіяхъ. Лошади всѣхъ полковъ побѣжали по разнымъ направленіямъ, прислушиваясь къ полковымъ сигналамъ. Пошли неумолкаемые крики: „Московскіе сюда! Стрѣлки, собирайся!“ и т. п.

При этомъ, два раза повторялась ложная тревога, будто бы Османъ-паша наступаетъ со стороны Дольнаго Дубняка. Но къ утру, наконецъ, все успокоилось и болѣе или менѣе пришло въ порядокъ. Въ ту же ночь, войска, по приказанію генерала Гурко, окопались на позиціи со стороны Шлевны и Телиша.

Трофеями побѣды подъ Горнымъ Дубнякомъ были: одинъ паша, 53 офицера, 2,235 раненыхъ нижнихъ чиновъ, одно большое турецкое знамя, четыре крупновскихъ дальнобойныхъ орудія и огромное количество ружей и боевыхъ припасовъ.

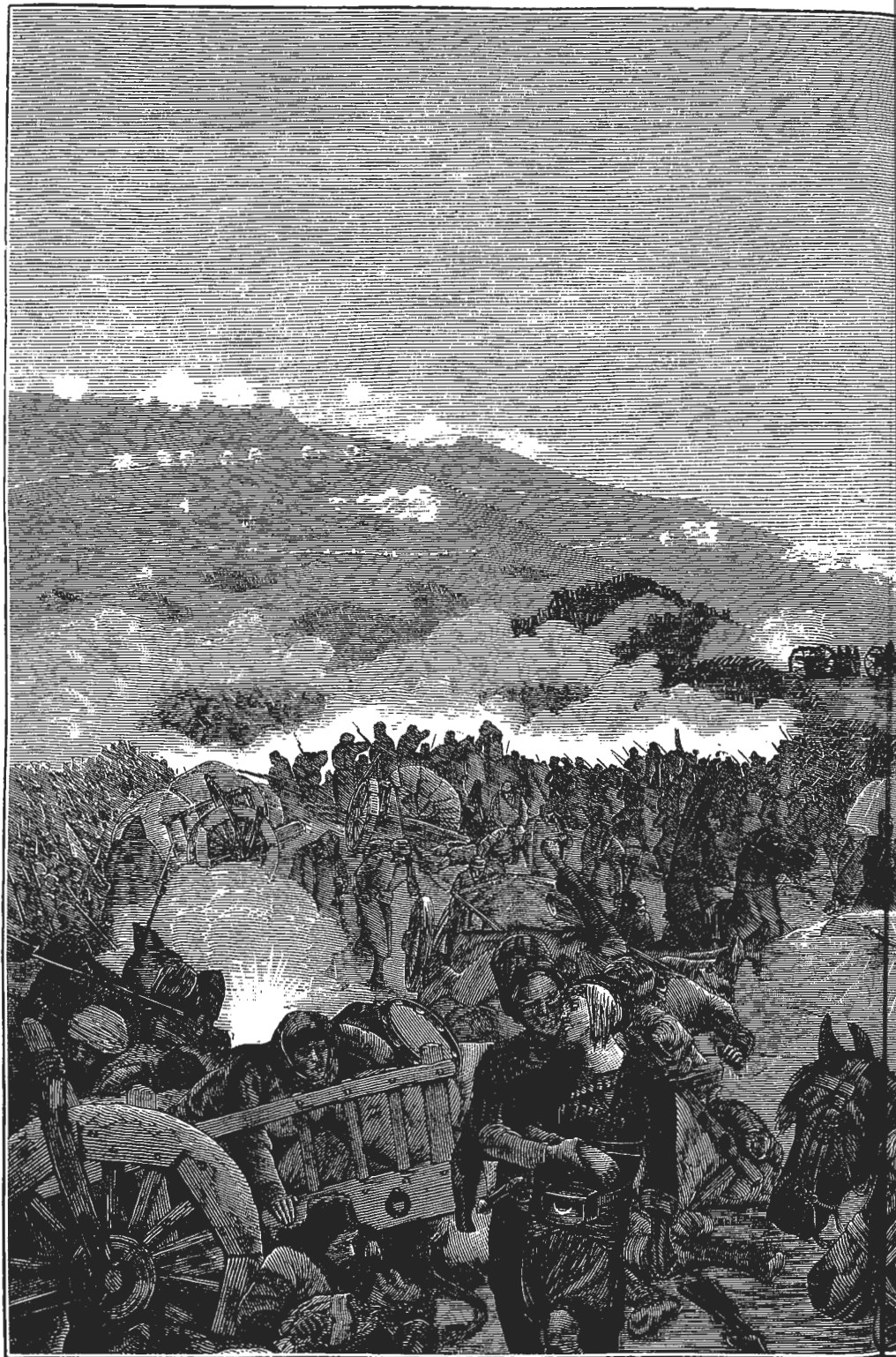
Къ сожалѣнію, побѣда эта стоила намъ очень дорого. Мы потеряли въ этотъ день убитыми: штабъ-офицера одного, оберъ-офицеровъ 17, нижнихъ чиновъ 790; ранеными: генераловъ три, штабъ и оберъ-офицеровъ 96, нижнихъ чиновъ 2,384; безъ вѣсти

пропавшими 21 человекъ. Всего выбыло изъ строя: генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ 117, нижнихъ чиновъ 3,195.

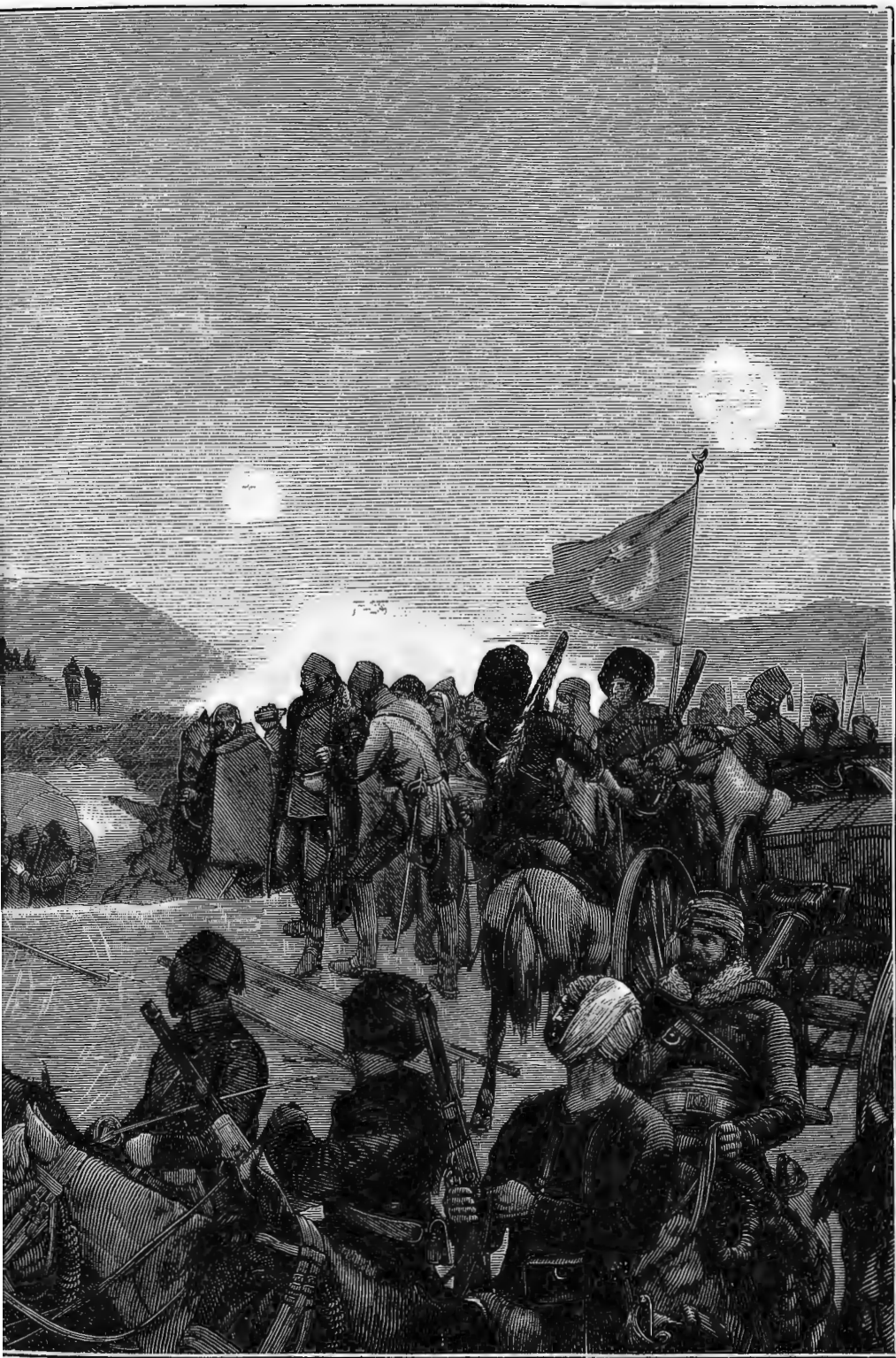
Потери эти, въ виду значительнаго нашего численнаго превосходства надъ противникомъ, конечно, весьма велики. Безъ сомнѣнія, на это имѣли большое вліяніе нѣкоторые недостатки въ тактическомъ выполненіи предпріятія, какъ-то: слабая связь между атакующими колоннами, отсутствіе пользованія искусственными закрытіями и слабая подготовка ружейнымъ огнемъ. Но не нужно забывать, что почти всѣ эти ошибки и недостатки могутъ быть если не оправданы, то объяснены, во-первыхъ, тѣмъ, что всѣ войска, принимавшія участіе въ бою въ этотъ день, въ первый разъ были въ дѣлѣ, а во-вторыхъ,—необычайнымъ пыломъ и изъ ряда выходящею храбростію гвардейцевъ. Конечно, если бы гвардія оказала немного больше хладнокровія въ день ея огненнаго крещенія, то успѣхъ ея все-таки навѣрное не былъ бы меньше, но при этомъ потери значительно бы уменьшились.

Существуетъ еще мнѣніе, что если бы генералъ Гурко 12-го октября послалъ предложеніе о сдачѣ, послѣ пяти или шести-часоваго обстрѣливанія, не двигая даже пѣхоты на штурмъ, то, будто бы, гарнизонъ укрѣпленія навѣрное исполнилъ бы предложеніе, какъ это случилось впослѣдствіи подъ Телишемъ. Но едва ли Телишъ можно ставить въ примѣръ въ этомъ случаѣ. Подъ Телишемъ, 16-го октября, войска наши были совершенно свободны въ распоряженіи своимъ временемъ и потому могли спокойно ждать результатовъ одного артиллерійскаго огня. Подъ Горнымъ же Дубнякомъ намъ грозила серьезная опасность со стороны Шлевны и Телиша, и потому требовалась чрезвычайная энергія и общія усилія для скорѣйшаго овладѣнія непріятельской позиціею. Хладнокровнаго, разсчитаннаго выжиданія при подобной обстановкѣ боя можно требовать не отъ всякаго полководца.

Перейдемъ теперь къ дѣйствіямъ заслоновъ и демонстративныхъ отрядовъ.

Приготовленія въ П

евнѣ къ прорыву.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Дѣло подъ Телишемъ. — Блестящія аттани лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. — Потери его. — Дѣйствія демонстративныхъ отрядовъ. — Взятіе Врацы и Рахова. — Бой за Зеленыя горы. — Сформированіе Западнаго отряда. — Жизнь въ траншеяхъ. — Крайнее положеніе Османа-паши. — Паденіе Плевны. — Значеніе и результаты сдачи Османа-паши.

Въ то время, когда 2-я гвардейская пѣхотная дивизія только еще завязала дѣло у Горнаго Дубняка, какъ на лѣвомъ ея флангѣ, въ восьми верстахъ отъ Горнаго Дубняка, подъ Телишемъ, разыгралось уже одно изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій прошлой кампаніи, это — несчастное дѣло лейбъ-гвардіи егерскаго полка.

Какъ мы уже знаемъ, по диспозиціи на 12-е октября лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ долженъ былъ атаковать, а при возможности — и взять неприятельскую позицію у Телиша, съ цѣлію охранить лѣвый флангъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи и окончательно обезпечить за нами софійское шоссе. На помощь Лейбъ-Егерскому полку были приданы слѣдующія гвардейскія части: 3-я пѣшая батарея лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады — полковника Кокорева, 2-я гвардейская кавалерійская бригада (лейбъ-гвардіи Драгунскій и Гусарскій полки) и 5-я гвардейская конная батарея полковника Безака. Всего въ отрядѣ состояло: четыре батальона, восемь эскадроновъ и 14 орудій. Кромѣ того, къ отряду былъ приданъ взводъ лейбъ-гвардіи Сапернаго батальона для возведенія укрѣпленій, въ случаѣ взятія Лейбъ-Егерями телишской позиціи. Последнее обстоятельство окончательно подтверждаетъ существованіе намѣренія съ нашей стороны овладѣть Телишемъ 12-го октября.

Командиромъ этого отряда назначенъ былъ командующій Лейбъ-Егерскимъ полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Челищевъ.

Въ ночь съ 11-го на 12-е октября означенный отрядъ, вмѣстѣ съ прочими гвардейскими частями, переправился черезъ рѣку Видь и къ утру весь уже собрался значительно влѣво отъ д. Чирикова, верстахъ въ трехъ отъ телишскихъ укрѣпленій, въ такъ называемой Свинарской балкѣ. Лучше скрытаго мѣста трудно было и подыскать. Въ этой лощинѣ, поросшей мелкимъ дубнякомъ, легко могъ бы спрятаться цѣлый корпусъ.

Начинало разсвѣтать. Не смотря на безсонную

вып. IV.

ночь, проведенную Лейбъ-Егерями въ движеніи, спать никому не хотѣлось. Во время самаго перехода сонъ многихъ сталъ-было одолѣвать, но къ утру на бивуакѣ въ лощинѣ, въ ожиданіи боя, всѣ опять какъ-то разгулялись, хотя утомленіе и было сильно замѣтно на блѣдныхъ лицахъ Егерей. Только нетерпѣливыя замѣчанія советѣмъ молодыхъ офицеровъ изрѣдка нарушали это томительное ожиданіе.

— Вотъ уже 6¹/₂ часовъ, а приказаній идти нѣтъ, говорили они: — въ диспозиціи же наступать приказано въ шесть часовъ утра.

Вдругъ все зашевелилось. Всѣ повернули головы въ ту сторону, откуда слышалось: „начальникъ штаба!“ „подполковникъ Криденеръ!“ „приказанія!“ И дѣйствительно, вскорѣ подѣхалъ генеральнаго штаба подполковникъ Криденеръ на казачьей лошади, въ сопровожденіи двухъ донскихъ казаковъ, и искалъ глазами начальниковъ. Начальники и офицеры уже шли къ нему навстрѣчу. Любопытство и напряженное вниманіе ясно выражались на лицахъ всѣхъ. Одни еще издали спрашивали: „Ну, что, отказъ?“ другіе: „Ну, что, наступленіе?“

— Сейчасъ будемъ атаковать Телишъ. Въ этотъ моментъ наступленіе на Горный Дубнякъ также начинается, — проговорилъ подполковникъ, вынувъ часы и посмотрѣвъ на нихъ: — Лейбъ-Гусары съ четырьмя конными орудіями на рысяхъ пойдутъ впередъ осматрѣть противника и мѣстность, а Драгуны съ двумя орудіями пойдутъ влѣво, для прикрытія лѣваго фланга и тыла. Егеря пойдутъ вслѣдъ за Гусарами.

Кончено. Дѣло рѣшено; приказанія получены.

Тутъ у всякаго защемило сердце. Всѣ пошли къ своимъ частямъ, стараясь не показывать волненія. Солдаты не успѣвали спрашивать у офицеровъ о новопривезенныхъ приказаніяхъ, какъ они уже сообщались. Начались прибауточки.

Мѣстность, на которой должно было произойти сраженіе, слегка склонялась, начиная отъ Свинарской балки, къ сторонѣ неприятеля, и была засѣяна

5

кукурузою, которая мѣшала высмотрѣть и опредѣлить форму расположенныхъ впереди непріятельскихъ укрѣпленій. Въ общихъ чертахъ укрѣпленія эти были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: на небольшой высотѣ, прямо на шоссе, проходившемъ здѣсь въ направленіи съ сѣвера на югъ, расположенъ былъ большой редутъ. Шоссе раздѣляло его на двѣ, почти равныя части. Эту высоту огибала съ юга и запада довольно глубокая лощина, въ которой расположено было самое селеніе Телишъ. За лощиною, къ западу отъ большого редута, поднималась другая возвышенность, на которой были видны шалапы, обнесенные одною общею канавою. Войска наши прозвали ихъ укрѣпленнымъ лагеремъ. Къ юго-востоку отъ большого редута, на значительномъ разстояніи отъ него, стоитъ также высокая гора, прозванная „ракитанскою“, отъ деревни Ракиты, лежащей за этою горою. Впереди этой горы, вплоть до софійскаго шоссе, мѣстность идетъ опять слегка лишь холмистая и также засѣянная кукурузою. Такимъ образомъ, телишское поле, на которомъ собственно предстояло дѣйствовать Лейбъ-Егерскому полку, не представляло никакихъ выдающихся пунктовъ, съ которыхъ удобно бы было управлять войсками въ бою; къ тому же, высокая кукуруза, покрывавшая почти ровное поле, положительно скрывала расположеніе непріятеля.

Какъ только Гусары подошли къ непріятелю, батальоны лейбъ-гвардіи Егерскаго полка тотчасъ же получили приказаніе выйти изъ балки и затѣмъ, построившись въ боевой порядокъ, двинулись впередъ по кукурузному полю: 4-й батальонъ—на лѣвомъ флангѣ, 3-й батальонъ—на правомъ, 2-й батальонъ—позади 4-го, а 1-й—позади 3-го батальона.

4-й и 3-й батальоны Лейбъ-Егерскаго полка, находившіеся въ первой линіи и построенные въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ, съ цѣлью впереди, какъ только двинулись впередъ, сразу очутились въ жаркомъ огнѣ. Батальоны подвигались впередъ, оставляя за собою слѣдъ—ничкомъ лежащихъ убитыхъ и ползущихъ назадъ и стонущихъ раненыхъ. Почти ровная мѣстность не представляла никакихъ укрѣпленій отъ выстрѣловъ, и огонь непріятеля, направленный изъ двухъ передовыхъ ложементовъ, наносилъ Лейбъ-Егерямъ, по мѣрѣ приближенія ихъ, все бо-

лѣе и болѣе чувствительный вредъ. Чтобы отдѣлаться отъ этихъ выстрѣловъ, оба батальона первой линіи получили приказаніе овладѣть ложементами. Тотчасъ же была разсыпана цѣпь и роты остановлены, чтобы дать возможность артиллеріи подготовить атаку. Съ этой цѣлю была вызвана на позицію 3-я пѣшая батарея полковника Кокорева, которая, пристроившись къ четыремъ коннымъ орудіямъ полковника Безака, уже дѣйствовавшимъ по укрѣпленію, открыла огонь съ дистанціи нѣсколько большей 500 сажень. Но не успѣла эта батарея сдѣлать и нѣсколько очередей, какъ, попавъ въ сферу самаго убійственнаго ружейнаго огня, должна была отойти назадъ за громадную убылью, особенно въ лошадяхъ. Ей грозила опасность, въ случаѣ отступленія, бросить орудія, за невозможностью ихъ увезти. Такимъ образомъ, роты боеваго порядка обѣихъ линій остались открытыми страшному ружейному огню турокъ. Тотчасъ же былъ раненъ, однимъ изъ первыхъ, подпоручикъ Крейтернъ, въ лѣвую руку, выше локтя, на вылетъ; за нимъ, во второй линіи—командиръ 4-й роты, капитанъ Базилевскій 3-й, въ ногу, и въ 1-й ротѣ подпоручикъ Шильдбахъ, въ руку.

Изъ многихъ рассказовъ относительно раненій приведемъ два очень характерные, такъ какъ изъ нихъ видно, каковъ былъ огонь и какъ къ нему относились офицеры.

Когда Шильдбахъ былъ раненъ въ руку, къ нему бросились перевязывать, но не успѣли разорвать рукавъ мундира, какъ онъ получилъ вторую рану—въ ногу, спустя минуту—третью, въ животъ, осколкомъ гранаты. Шильдбахъ успѣлъ только сказать: „Ну, копайте мнѣ яму“, и впалъ въ безчувственное состояніе. И что же? Сверхъ этихъ трехъ ранъ, онъ получилъ еще четвертую, въ голову, и эта четвертая покончила юную жизнь отличнаго офицера! Тотъ, кто перевязывалъ раны Шильдбаха, былъ самъ раненъ, а полковникъ Столица, присутствовавшій при перевязкѣ, раненъ пулею въ правый глазъ. По этому можно судить, каковъ былъ огонь. А вотъ какъ къ нему отнесся одинъ изъ офицеровъ: когда капитанъ Базилевскій 3-й упалъ, къ нему бросился подпоручикъ Лундъ съ вопросомъ: „Что съ вами?“ и получилъ

въ отвѣтъ: „Не ваше дѣло, ведите роту впередъ; иначе всѣхъ перестрѣляютъ“ О собственной ратѣ забывалось— лишь бы роты шли впередъ...

Мѣстность, на которой стояли Егеря, была, по словамъ участниковъ, „скверная“: изъ-за кукурузы ничего не было видно, между тѣмъ турки видѣли ихъ, какъ на блюдѣ, и могли пронизывать свинцомъ сколько угодно. Оставаться въ такомъ положеніи было невозможно и Егеря рѣшились пойти въ штыки на турецкій ложементъ.

Еще перестрѣлка пѣхоты не была очень часта, какъ вдругъ раздалось страшное русское „ура“ То были 3-й и 4-й батальоны, бросившіеся на непріятельскіе ложементы. Въ отвѣтъ на это „ура“ изъ главнаго турецкаго редута послышалось громкое, дикое „алла“ Потомъ все вдругъ затихло. Настала секунда полной тишины: то вкладывались первые патроны въ ружья. И сразу эта тишина разразилась неумолкаемою ружейною трескотнею. Тысячи короткихъ звуковъ выстрѣловъ сливались въ одинъ общій гулъ. Этотъ гулъ можно сравнить съ сотнями барабаниковъ, бьющихъ всѣ вмѣстѣ „дробь“ Цѣпь 3-й роты, съ штабсъ-капитаномъ Подвальнюкомъ во главѣ, бросилась съ разстоянія въ 700 шаговъ на ложементъ; въ догонку за нею пристроился подпоручикъ Тигерштедтъ со взводомъ 4-й роты, и они одновременно выбили турокъ изъ ложемента съ лѣваго фланга; 2-я же рота поддержала атаку на правомъ флангѣ, и ложементъ былъ взятъ, а турки прогнаны въ главный редутъ, находившійся въ 200 шагахъ отъ ложемента.

Видя начало штурма головныхъ батальоновъ и желая содѣйствовать ихъ атакѣ, батальоны второй линіи, находившіеся также въ огнѣ, по своей собственной инициативѣ, тоже бросились перебѣжками на штурмъ редута. Но необыкновенно сильный огонь удержалъ ихъ натискъ и заставилъ залечь за средними ложементами, въ разстояніи около 100 шаговъ отъ главнаго редута.

Вслѣдъ за этимъ турки попытались сдѣлать изъ главнаго редута вылазку, но, встрѣченные залпами, были отбиты.

И такъ, Егеря заняли передовые турецкіе ложементы, но, къ сожалѣнію, не нашли въ нихъ никакого укрытія отъ огня, который началъ наносить имъ еще большія потери. Ложементы оказались на-

скоро выкопанными, съ незначительнымъ лишь углубленіемъ впереди, и представляли Егерямъ прикрытіе всего въ полфута; къ тому же мѣстность, на которой были расположены ложементы, была поката къ непріятельскому редуту, такъ что турецкія пули ложились прямо въ закрытіе. Изъ ложементовъ можно было ясно различить изрѣдка высывавшіяся фигуры турокъ изъ-за брустверовъ и рововъ большаго редута и пускавшія въ насъ тучи снарядовъ. Пули сыпались градомъ. На полѣ, передъ ложементами поднималась пыль отъ града падавшихъ въ одно направленіе пуль. Въ одномъ мѣстѣ подлѣ ложемента стояло грушевое дерево, всѣ вѣтви котораго буквально были отшиблены пулями. Въ другомъ мѣстѣ одинъ офицеръ насчиталъ менѣе чѣмъ въ полчаса до 60 пуль, упавшихъ близъ него. Словомъ, положеніе Лейбъ-Егерей въ ложементахъ было невыносимое, хотя прикрытія эти, въ сущности нисколько не прикрывавшія, доставляли страшно замореннымъ людямъ на первыхъ порахъ нѣкоторое нравственное ободреніе.

Сверхъ того, конфигурація мѣстности не позволяла нашимъ артиллеристамъ хорошо видѣть замаскированный непріятельскій редутъ, затянутый густымъ облакомъ пороховаго дыма, и всякая, не мѣтко падавшая наша граната била своихъ же Егерей. Такъ, рассказываютъ, что осколокъ нашей гранаты ранилъ штабсъ-капитана Ольдерогге, что заставило лихаго офицера, оглушеннаго ударомъ, оставить свой постъ, причѣмъ онъ получилъ новую рану въ правую ногу. Вслѣдствіе повторенія подобныхъ случаевъ, батарея, осыпавшая редутъ шрапнелевыми гранатами, вынуждена была совсѣмъ прекратить пальбу. 5-я конная батарея, дѣйствовавшая во флангъ ложементамъ съ момента занятія ихъ Егерями, должна была также прекратить огонь, такъ какъ турецкаго редута ей совсѣмъ не было видно, и была переведена лѣвѣе, противъ ложины, открывшей селеніе Телишъ. Такимъ образомъ, бѣдные егеря лишились послѣдней поддержки—артиллерійской. Имъ оставалось только лежать и умирать! Положеніе ихъ становилось ужаснымъ. Огонь турокъ былъ такъ силенъ, что всякій, желавшій приподняться изъ ложемента, былъ моментально пронизываемъ нѣсколькими пулями. Но хотя теперь и ясно было, что атаковать сильный непріятельскій редутъ однимъ пол-

комъ, значительно уже поубавившимся, было немнимо, однако желаніе выйти скорѣе изъ-подъ столь губительнаго огня турокъ побудило роты двинуться впередъ, на штурмъ главнаго редута. Рота за ротою давали залпъ, вскакивали съ крикомъ „ура“, бѣжали впередъ, и не успѣвали другія послѣдовать ихъ примѣру, какъ поднимался такой адскій огонь изъ укрѣпленія, что раненые и убитые массами валялись, и роты поневолѣ снова ложились. Значительная убыль людей при этихъ перебѣжкахъ вынуждала Лейбъ-Егерей искать новыхъ закрытій. Такъ, въ 20 шагахъ отъ большаго редута замѣчено было нѣсколько турецкихъ построекъ, которыя издали принимались всѣми за стоги соломы и которыя оказались непріятельскими шаламами: каждый шаламъ въ полторы сажени высоты и до пяти въ длину и каждый прозраченъ, какъ рѣшето. Разумѣется подобныя закрытія не могли быть полезными.

Вскорѣ произошла новая атака. Штабсъ-капитанъ Подвальнюкъ, поручикъ Кашерининовъ и подпоручикъ Тигерштедтъ съ крикомъ „ура“ бросились впередъ, пробѣжали 50 шаговъ и, потерявъ болѣе половины своихъ храбрецовъ, залегли въ лощину въ виду самаго люнета, причемъ укрылись за трунами турокъ. При этомъ новомъ движеніи впередъ Егеря понесли значительную потерю: поручикъ Кашерининовъ былъ убитъ наповаль пулею въ лобъ.

Вообще, во время этихъ перебѣжекъ изъ ложементовъ къ большому редуту, Лейбъ-Егерскій полкъ понесъ наиболѣе чувствительныя потери. Случалось, что цѣлыя кучки людей, выбѣжавъ впередъ, какъ залегали передъ редутомъ, такъ и не вставали уже болѣе, будучи всѣ перебиты непріятельскими пулями.

Въ одинъ изъ подобныхъ моментовъ вдругъ всѣмъ показалось, что турки какъ будто уменьшили огонь. Вслѣдъ затѣмъ изъ редута выскочила кучка турокъ, и ясно можно было видѣть, какъ изувѣры принялись рубить нашихъ раненыхъ, причемъ сверкали на солнцѣ ятаганы злодѣевъ. Моментъ былъ ужасный. Наши цѣпи немедленно открыли огонь по кучкѣ турокъ. Многіе изъ офицеровъ, въ пылу негодованія, схватили ружья и начали также стрѣлять. Но ружья у всѣхъ дрожали въ рукахъ отъ неописаннаго волненія, и всѣ стрѣляли какъ-то не цѣлясь. Наконецъ изъ ложемента выскочилъ унтеръ-офицеръ Ермолинскій съ нѣсколькими людьми,

и бросился на турокъ въ штыки и приклады: турки кинулись бѣжать къ редуту, провожаемые бѣглымъ огнемъ нашей цѣпи.

Такимъ образомъ Лейбъ-Егеря пролежали уже около часу въ ложементахъ, причемъ градъ турецкихъ пуль не прекращался ни на минуту; и всякій, поднимавшій голову изъ-за ложемента, рисковалъ получить турецкій свинецъ. Положеніе Лейбъ-Егерей, потерявшихъ уже около половины людей, становилось съ каждымъ часомъ все труднѣе и невыносимѣе.

Во все это время, со стороны Горнаго Дубняка, лежащаго въ восьми верстахъ отъ Телиша, до Лейбъ-Егерей явственно доносились какъ непрерывный громъ, страшные перекаты ружейной пальбы, и грохотъ орудій. На горизонтѣ же видны были цѣлыя облака дыма.

Вдругъ изъ верхняго лагеря турокъ, лежавшаго за телишскою лощиною и до сихъ поръ молчаливаго, стали спускаться въ направленіи къ большому редуту пѣхотныя части турокъ. Теперь нашимъ, очевидно, нужно было употребить всѣ усилія, чтобы остановить турецкія подкрѣпленія, и эта задача выпала на долю 5-й конной батареи. Какъ только турки начали спускаться изъ лагеря, огонь четырехъ орудій, стрѣлявшихъ противъ самаго селенія, былъ тотчасъ переведенъ на нихъ. Опять первая же граната легла передъ самымъ фронтомъ турецкой колонны, которую обдало осколками, и она шарахнулась назадъ. Тотчасъ же была пущена, еще болѣе удачно и вторая, послѣ которой турецкая колонна спряталась въ лагерѣ.

Вообще артиллеристы наши заявили себя въ этотъ разъ молодцами. Въ одно время, когда конная батарея выскакала на 500 сажень ближе къ непріятелю, подъ линію ружейнаго огня, и сдѣлавъ два залпа, ускакала назадъ, при ней была убита лошадь и кое-какія вещи остались впереди. Когда батарея уже отбѣжала обратно на позицію, подходит ѣздовой къ батарейному командиру и говоритъ: „Позвольте, ваше высокоблагородіе, сходить взять—шинель тамъ забыли, да и хомутъ захвачу съ лошади; жалко, хомутъ хорошъ...“ И этому храброму ѣздовому ничего не значило подвергнуть свою жизнь опасности изъ-за „хорошаго хомута!“

Между тѣмъ, лейбъ-гвардіи Дунскій полкъ,

находившійся съ двумя конными орудіями на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія, открылъ присутствіе непріятели на софійскомъ шоссе, къ югу отъ Телиша. Вызвавъ тотчасъ же свою артиллерію, Драгуны открыли огонь по собиравшимся у караулки на шоссе туркамъ. Становилось ясно, что эти турецкіе батальоны собираются идти на поддержаніе телишскаго гарнизона. Положеніе наше становилось все тягостнѣе и тягостнѣе. Четыре турецкіе батальона явственно уже показались на шоссе и шли прямо въ Телишъ. Для отвлеченія огня нашихъ двухъ конныхъ орудій капитана Мартынова, дѣйствовавшихъ противъ нихъ, турки выставили цѣлую батарею, которая начала громить нашъ взводикъ артиллеріи.

Было уже 11 часовъ утра. Четыре часа уже воздухъ потрясался отъ страшнаго ружейнаго и артиллерійскаго огня на протяженіи 30 верстѣ. Четыре часа уже Егеря лежали и умирали. Минута была критическая и торжественная. Видя, что овладѣніе главнымъ редутомъ не можетъ быть скоро исполнено сильно уже порѣдѣвшимъ полкомъ и опасаясь появленія свѣжихъ непріятельскихъ силъ, полковникъ Челищевъ приказалъ Лейбъ-Егерямъ отойти назадъ къ Свинарской балкѣ.

Движеніе это было исполнено съ величайшими затрудненіями. Командиръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, полковникъ Мейендорфъ, приказалъ батареѣ стать на позицію, спѣшилъ всю кавалерію, съ цѣлю прикрыть движеніе пѣхоты съ лѣваго фланга и тыла,—и началась ужасная картина отступленія. Отступленіе это сдѣлано было вразсыпную, чтобы не подвергать людей огню непріятели. Сначала начали показываться одни раненые. Большинство плелось въ одиночку. Проходитъ раненый Егеръ сквозь батарею, дошелъ до передка и ложится.

— Ты куда раненъ, братецъ? спрашиваетъ артиллерійскій офицеръ.

— Во всѣ мѣста, ваше благородіе.

— Какъ во всѣ мѣста?

— Такъ точно-съ, обѣ руки прострѣлены; нога вотъ въ эвтомъ мѣстѣ; за шею задѣло, да въ боку двѣ дырки.

— Какъ же ты, сердечный, добрелъ сюда?

— Еще могу-съ идти-то.

— Какъ могу-съ? Санитары, подать носилки! крикнулъ офицеръ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, до докторовъ я и такъ доберусь, а тамъ еще много такихъ раненыхъ, что не могутъ идти—тѣмъ носилки пригодятся. Однихъ гг. офицеровъ что подбито! продолжалъ герой, приподнимаясь, чтобы идти...

Командиръ 1-го батальона, полковникъ Мебесъ, убитый или раненый во время перебѣжки изъ ложемента къ большому редуту, остался на мѣстѣ необраннымъ. Командиръ роты Его Величества капитанъ Богаевскій рѣшился во чтобы то ни стало вынести его изъ огня мертвымъ или живымъ и, вызвавъ съ этой цѣлю охотниковъ изъ своей роты, немедленно послалъ ихъ впередъ отыскать тѣло полковника. Минутъ двадцать спустя, охотники вернулись на-половину раненые и доложили, что не могли отыскать полковника Мебеса, такъ какъ въ указанномъ имъ направленіи искали вездѣ, но ничего не нашли. Одинъ изъ этихъ охотниковъ, ефрейторъ Минковскій, особенно поразилъ всѣхъ своимъ хладнокровіемъ: раненый въ ногу, онъ, опираясь на ружье, шелъ пѣшкомъ, пѣлъ пѣсни и, проходя мимо роты, шутилъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Наконецъ, роты 1-го батальона получили также приказаніе отойти въ Свинарскую балку. Отъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка присланъ былъ эскадронъ, который и разсыпался въ кукурузѣ для прикрытія отступленія раненыхъ. Капитанъ Богаевскій, прикрываясь цѣпью 2-й и 9-й ротъ, повелъ свою роту назадъ и, дойдя до какой-то проселочной дорожки, остановился, чтобы привести въ порядокъ массу людей другихъ частей, отступавшихъ на него, какъ на сомкнутую часть.

На лѣвомъ же флангѣ нашей позиціи, которая отъ Свинарской балки была дальше, нежели позиція праваго фланга, отступленіе совершилось съ большимъ еще трудомъ, подъ адскимъ огнемъ противника. Тутъ оставались роты 2-го и 4-го батальоновъ. Спасти остатки людей этихъ ротъ было весьма трудно, такъ какъ турки всякаго вѣтававшего здѣсь человѣка убивали на мѣстѣ, цѣля какъ въ близкую мишень. Нѣкоторыя роты дали залпъ, вскочили и побѣжали къ отлоному телишскому оврагу,

находившемуся шагахъ въ 60 позади занятыхъ ими ложементовъ. Трескотня изъ укрѣпленія поднялась опять адская; многіе изъ бѣжавшихъ кувырнулись, кое-кто изъ нихъ опять вскочилъ и побѣжалъ дальше. Добѣжавъ до оврага, остатки славныхъ ротъ засѣли въ немъ. Но здѣсь прикрытіе оказалось еще хуже, чѣмъ въ ложементахъ. Съ лѣваго фланга стрѣляли изъ деревни Телиша фланговымъ огнемъ, а чуть кто высовывалъ голову изъ оврага, поднималась снова трескотня изъ укрѣпленія. Убитыхъ и раненыхъ въ оврагѣ набралось уже много; а сзади приходилось еще добрыхъ 1400 шаговъ отступать по ровному какъ ладонь полю, покрытому рѣдкою кукурузою.

Но тутъ очень много помогъ отступленію, говорятъ, командиръ 1-й роты, капитанъ Цеттерманъ онъ остался въ ложементѣ и открылъ по лонету залпы, чѣмъ, конечно, привлекъ къ себѣ вниманіе турокъ, обратилъ на себя весь ихъ огонь, и, подъ прикрытіемъ дыма, доставилъ людямъ другихъ ротъ полную возможность отступать, освободивъ ихъ отъ свинцоваго дождя. Вскорѣ, человекъ 160, или 170 изъ этихъ ротъ перебѣжками постепенно вышли изъ сферы огня и собрались на ближайшей возвышенности. Здѣсь штабсъ-капитанъ Перепелицынъ 1-й устроилъ изъ нихъ роту и выслалъ цѣпь для уборки раненыхъ, при чемъ было приказано встрѣтить залпомъ турокъ, собравшихся къ югу отъ Телиша, на шоссе у караулки. Но эти турки занялись преимущественно горстью людей, бывшихъ на лѣвомъ флангѣ, подъ командою подпоручика Лунда. Угрожаемый черкесами и выстрѣлами въ тылъ изъ Телиша, Лундъ началъ отступать, причѣмъ два раза былъ окружаемъ черкесами, но молодецки отбросилъ ихъ, и съ небольшими потерями присоединился къ ротѣ, устроенной Перепелицынымъ. Вскорѣ за Лундомъ прибыли Подвальнюкъ и Тигерштедтъ, возбуждшіе общій восторгъ въ людяхъ: они были положительно оборваны непріятельскими пулями: у штабсъ-капитана Подвальнюка пробита шинель на груди, лѣвый рукавъ мундира, сапогъ и слегка контужена ляшка; у подпоручика Тигерштедта — три пули въ свернутой солдатской шинели, рукавъ на вылетъ черезъ рубашку съ легкою контузіей, въ колѣнѣ легкая контузія съ опухолью, легкая рана въ колѣнѣ и на плечѣ оборванъ мундиръ осколкомъ гранаты! По-

слѣднимъ вернулся съ ротою капитанъ Цеттерманъ, совершивъ отступление въ полномъ порядкѣ, разсыпнымъ строемъ, и потерявъ менѣе всѣхъ людей.

Но если теперь и осталось въ живыхъ немного Егерей, то этому они обязаны Лейбъ-Гусарскому полку, прикрывавшему ихъ лѣвый флангъ, а потомъ и самое отступление Егерей. Черкесы не посмѣли ударить въ тылъ отступавшимъ, боясь Гусаръ и не желая идти съ ними грудь на грудь. Къ тому же Лейбъ-Гусары оказали большую услугу раненымъ Лейбъ-Егерямъ. Они посылали людей о двухъ коняхъ въ самый огонь, и, посадивъ раненыхъ на сѣдла, вывозили ихъ оттуда массаами. „Кокоревская“ батарея и Лейбъ-Драгуны также вывезли много раненыхъ. Зарядные ящики, орудія, батареи, лафеты, при отступленіи отряда, всѣ были облѣплены ранеными Лейбъ-Егерями... Но и послѣ этого много еще раненыхъ Егерей осталось передъ непріятельскими укрѣпленіями... Цѣлую послѣдующую ночь раненые эти все еще подвозились или приползали сами...

Черезъ часъ послѣ того, какъ переднія части спустились въ Свинарскую балку, перестрѣлка значительно ослабѣла, и стали проходить кучки Егерей, изображающихъ роты... Разказы были ужасные о потеряхъ; даже не вѣрилось. Вдругъ дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ раздается команда:

— Смирно! сабли вонъ, гг. офицеры!

Трубачи заиграли гвардейскій кавалерійскій походъ: то Лейбъ-Гусары и батарея полковника Безака отдавали честь знаменамъ Лейбъ-Егерскаго полка.

Картина эта никогда во всю жизнь не изгладится изъ памяти участниковъ боя.

Нѣсколько музыкантовъ, съ конвоемъ изъ 20, не болѣе, Егерей, несли всѣ четыре знамени полка. Не забудьте, что это было еще дѣло и отовсюду еще свистали пули. Радость при видѣ всѣхъ знаменъ полка, не смотря на неудачу, не отданныхъ непріятелю, дѣлилась съ горестью за страшныя потери Егерскаго полка, ядро котораго двигалось теперь въ видѣ небольшой группы людей... Нервно сжимая рукоятку сабли, съ сердцемъ, переполненнымъ горечью, со слезами на глазахъ, всякій отдавалъ столь заслуженную воинскую честь этому молодецкому полку.

Полкъ потерялъ въ этотъ день 7 штабъ и оберъ-офицеровъ убитыми, 19 штабъ и оберъ-офицеровъ ранеными и 907 нижн. чин. убитыми и ранеными.

Когда Егеря отступили въ Свинарскую балку, кавалерія тоже отошла туда; турки не преслѣдовали. Подъ Горнымъ же Дубнякомъ все еще стоялъ тотъ же пороховой дымъ, и ревъ орудій и перекаты пѣхотнаго огня все съ тою же силою доходили до Егерей. Не радостно провели они эту ночь на бивуагѣ въ Свинарской балкѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая извѣстій изъ подъ Горнаго Дубняка; но только на другое утро они узнали радостное извѣстіе, что Горный Дубнякъ взятъ. Послѣ этого остатки славнаго полка были переведены въ эту деревню, гдѣ они и присоединились къ гвардейскому корпусу.

Лейбъ-Егерскій полкъ хотя и не могъ овладѣть Телишской позиціею, но вполнѣ исполнилъ свое назначеніе: во время всего дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ, 6,000-й турецкій отрядъ въ Телишѣ не могъ двинуться съ мѣста и не оказалъ никакого содѣйствія защитникамъ Горнаго Дубняка. Однако потери Лейбъ-Егерей были на столько громадны, что превзошли всякія ожиданія. По общему голосу, причиною столь значительнаго урона лейбъ-егерей, помимо ихъ чрезмѣрной храбрости и общихъ съ прочими русскими отрядами недостатковъ въ тактическомъ выполненіи предпріятія, послужила неудовлетворительность сдѣланной передъ тѣмъ рекогносцировки мѣстности подъ Телишемъ, а также и неточность полученныхъ свѣдѣній о численности и силахъ телишскаго гарнизона, въ которомъ почему-то считалось не болѣе 4—5-ти таборовъ; присутствіе же значительнаго турецкаго отряда Шевкета-паши по близости отъ Телиша, въ сторонѣ с. Радомицы, по видимому совсѣмъ было упущено изъ вниманія.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что 10-го октября, согласно распоряженію генерала Гурко, о которомъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ, отъ сельвиловчинскаго отряда былъ направленъ на Радомирцы, подъ командою флигель-адъютанта полковника Орлова, летучій отрядъ изъ дивизіона драгунъ, трехъ сотенъ казаковъ и взвода казачьей № 19-го батареи, съ цѣлію демонстраціи къ Телишу и облегченія дѣйствій Лейбъ-Егерскаго полка. 11-го октября, полковникъ Орловъ, перейдя Видь, пришелъ въ Радомирцы, а 12-го утромъ, какъ желалъ генераль Гурко, появился въ виду Телиша. Но летучій отрядъ нашъ почему-то не принималъ участія въ дѣлѣ, хотя и былъ свидѣтелемъ атаки Лейбъ-Егерей. Изъ

разказа нѣкоторыхъ возвратившихся въ Сельви 14-го числа, можно было заключить, что атака телишскаго редута была предпринята, во-первыхъ, сравнительно малыми силами, во-вторыхъ—поведена была безъ достаточной подготовки артиллеріею, тогда какъ на вѣрный пушечный выстрѣлъ, къ югу отъ редута, находилась для нея позиція, командовавшая укрѣпленіемъ. Что же касается пѣхоты, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ офицеровъ, дѣйствія ея были бы гораздо удобнѣе также съ южной стороны редута, изъ телишской ложины, проходившей въ тылу главнаго редута.

Прочіе наши демонстративные кавалерійскіе отряды, дѣйствовавшіе 12-го октября противъ Плевны и Дольнаго Дубняка, а также и къ западу отъ Горнаго Дубняка, по лѣвому берегу р. Искера, вполнѣ выполнили поставленные имъ цѣли. При этомъ въ отрядѣ генерала Чернозубова, дѣйствовавшего противъ Плевны, все дѣло ограничилось канонадою въ направленіи моста черезъ р. Видь и возведеніемъ фортификаціонныхъ построекъ въ теченіи ночи на 12 октября. Колонна же генерала Арнольди, дѣйствовавшая противъ Дольнаго Дубняка, послѣ пѣлага ряда соотвѣтствующихъ передвиженій и перестрѣлки съ турками, заняла высоту, къ югу отъ этой деревни, командовавшую турецкою позиціею у Дольнаго Дубняка и путями изъ него въ Горный Дубнякъ. Затѣмъ, до поздняго вечера отрядъ этотъ поддерживалъ оживленную артиллерійскую канонаду по турецкой позиціи и по редутамъ у Дольнаго Дубняка, изрѣдка дополнявшуюся огнемъ турецкой пѣхоты, встрѣчавшей всякую попытку частей отряда продвинуться впередъ. Такимъ образомъ день 12 октября закончился для колонны генерала Арнольди удержаніемъ у Дольнаго Дубняка непріятельскаго отряда, силою около шести таборовъ пѣхоты съ четырьмя орудіями. Отрядъ же барона Корфа, по причинѣ крайне невыгодной для дѣйствія кавалеріи мѣстности, на которой пришлось ему оперировать, ограничился наблюденіемъ за мѣстностью между р. Видомъ и софійскимъ шоссе и поддержаніемъ связи съ прочими нашими демонстративными отрядами. Что же касается кавалерійскаго отряда флигель-адъютанта полковника Черевина, оперировавшего къ западу отъ Горнаго Дубняка, то, кромѣ упомянутыхъ нами выше, одновременныхъ съ гвардейскими частями, дѣйствій

его против неприятельскаго редута у Горнаго Дубняка, объ остальныхъ его операціяхъ къ сторонѣ р. Искера ничего не извѣстно. Разказы о томъ, что, будто бы, наша и румынская кавалерія допустила въ этомъ мѣстѣ пробраться нѣкоторой части горнодубнякскаго гарнизона, послѣ его сдачи, въ Телишъ, едва ли имѣють за собою какое нибудь основаніе.

Самъ Османъ-паша, 12-го октября, не могъ и думать о подачѣ помощи Горному Дубняку. Генералъ Тотлебенъ весь этотъ день держалъ плевненскій гарнизонъ въ желѣзныхъ объятіяхъ, цѣлый день поддерживая страшную канонаду и производя неожиданно залпы изъ всѣхъ нашихъ осадныхъ орудій по различнымъ пунктамъ плевненской позиціи. Сверхъ того, въ видѣ угрозы плевненскому гарнизону, согласно первоначальному предположенію, отрядъ генерала Скобелева 2-го, 12-го октября, занялъ Рыжую гору къ югу отъ Плевны, а отрядъ генерала Бремзена, изъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка и 1-го батальона лейбъ-гвардіи Московскаго полка, въ тотъ же день овладѣлъ почти безъ боя Медованскими высотами, расположенными впереди деревни Медована. Послѣ этого оба упомянутые отряда тотчасъ же укрѣпились на означенныхъ позиціяхъ. Все это, вмѣстѣ взятое, не позволяло Осману-пашѣ отдѣлить хотя бы часть отъ своего гарнизона, для содѣйствія Хивзи-пашѣ въ Горномъ Дубнякѣ, вынуждая его самого держать каждую минуту наготовѣ всѣ свои войска для встрѣчи русскихъ войскъ, угрожавшихъ атакою его южнымъ позиціямъ.

Такъ закончился памятный въ исторіи прошлой войны день 12-го октября.

На слѣдующій день, 13-го октября, гвардейскія войска, собравшіяся у Горнаго Дубняка, возводили новыя укрѣпленія, къ сторонѣ Дольнаго Дубняка и Телиша, состоявшія изъ ряда люнетовъ, батарей и ложементовъ. Въ тотъ же день на позицію гвардейскихъ войскъ прибылъ Его Высочество Главнокомандующій. Великій Князь объѣхалъ поле битвы, посѣтилъ госпитали и перевязочные пункты, причѣмъ горячо благодарилъ гвардію. Но радость гвардейцевъ по случаю взятія Горнаго Дубняка, гдѣ они выказали столько доблести, омрачилась сознаніемъ страшныхъ потерь, понесенныхъ ими въ тотъ день. Смерть генерала Лаврова, опасныя раны генераловъ Розенбаха, Зедделера и другихъ офицеровъ,

а также огромная убыль въ людяхъ, понесенная гвардією, тяжело отзывалась на уцѣлѣвшихъ товарищахъ. Долго еще страдальцы и умиравшіе герои молчаливо лежали около караулки у шоссе, на носилкахъ, покрытые своими шинелями. Медики усиленно работали. Во многихъ мѣстахъ поля сраженія, передъ большимъ редутомъ, уже были вырыты общія могилы и кругомъ нихъ снесены и разположены стройными рядами убитые. Невдалекѣ находились и могилы офицеровъ. Послѣ того въ теченіи нѣсколькихъ дней раздавались печальные звуки похороннаго марша на площадкѣ передъ редутомъ. Склонивъ головы, офицеры и солдаты провожали своихъ товарищей.

Но какъ ни тяжела была потеря гвардіи и какими бы причинами она ни объяснялась, потерю эту, можно сказать, вполне искупало важное значеніе взятія Горнаго Дубняка. Послѣ кровопролитнаго боя 12-го октября, гвардія, прочно утвердившись на плевно-софійскомъ шоссе, окончательно сомкнула блокаду Плевны и прервала единственную, но превосходную коммуникационную линію Османа. Какъ бы въ предвидѣніи этого событія, константинопольскій военный совѣтъ, еще наканунѣ Горнодубнякскаго сраженія, далъ наконецъ приказаніе Осману-пашѣ покинуть Плевну и отступить въ Орханіе. Но приказаніе это запоздало, ибо взятіемъ Горнаго Дубняка былъ уже отрѣзанъ путь отступленія плевненскому гарнизону. Въ сущности, теперь Османъ-паша былъ уже запертъ въ Плевнѣ. Фактъ этотъ произвелъ величайшій переполохъ въ турецкой арміи, гдѣ произошла смѣна всѣхъ турецкихъ главнокомандующихъ: такъ, начальникъ шипкинской арміи, Сулейманъ-паша, назначенъ былъ главнокомандующимъ дунайской армію; командовать шипкинской арміей остался Вессель-паша; бывший же начальникъ дунайской арміи, Мегеметъ-Али-паша, заступилъ мѣсто Шевкета-паши, получивъ приказаніе сформировать особый отрядъ въ западномъ районѣ болгарскаго театра войны, съ цѣлю выручки Османа-паши изъ Плевны.

Вообще, послѣ дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ всѣмъ стало ясно, что не только судьба Плевны, но и судьба арміи Османа-паши уже рѣшена. Съ этого времени паденіе Плевны становилось только вопросомъ времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко уже

было предвидѣть и судьбу прочихъ турецкихъ армій на болгарскомъ театрѣ войны. Словомъ, взятіе Горнаго Дубняка въ ходѣ всей прошлой кампаніи обозначило собою тотъ поворотный пунктъ, съ котораго должны были начаться рѣшительные успѣхи нашего оружія.

Таково было значеніе дѣла 12-го октября на софійскомъ шоссе, значеніе, вполне искупившее громадныя потери, понесенныя въ этотъ день нашей гвардіею.

Но хотя гвардейскій корпусъ и сталъ теперь на софійскомъ шоссе и прочно здѣсь утвердился, но, тѣмъ не менѣе, оставаться въ такомъ положеніи, имѣя впереди себя Дольный Дубнякъ (сильный этапъ), а позади—Телишъ, атака котораго 12-го октября не удалась, въ тактическомъ смыслѣ было невозможно. И дѣйствительно, пребываніе корпуса на такомъ тѣсномъ пространствѣ было безпокойно, кавалерія не имѣла достаточнаго простора для дѣйствій, да и районъ фуражировокъ и реквизицій былъ стѣсненъ. Отсюда занятіе Телиша и Дольнаго Дубняка становилось необходимымъ.

Въ виду сказаннаго, отрядъ генерала Гурко, укрѣпившись на горнодубнякской позиціи, тотчасъ же выставилъ на шоссе, по направленію къ Телишу, вызванный изъ д. Ральево отрядъ изъ 1-ой бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи (полки лейбъ-гвардіи Литовскій и Гренадерскій Императора Австрійскаго), оставивъ, въ то же время, на позиціи противъ Дольнаго Дубняка кавалерію генерала Арнольди и румынскія войска. Послѣ этого, генералъ Гурко, пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ на окрестные этапы паденіемъ Горнаго Дубняка, и желая избѣжать новой потери людей, рѣшился покончить съ Телишемъ однимъ бомбардированіемъ.

Съ этою цѣлю, 15-го октября, по приказанію генерала Гурко, была произведена рекогносцировка Телиша, для выбора мѣстъ расположенія батарей, которыя должны были на слѣдующій день начать бомбардировку. При этомъ оказалось, что, кромѣ бывшихъ уже въ Телишѣ укрѣпленій, турки впереди большаго редута на высотѣ, командовавшей телишской лощиною, противъ праваго нашего фланга, возвели и торопливо уже доканчивали новый редутъ, меньшихъ размѣровъ.

На слѣдующій день, 16-го октября, въ 9 часовъ утра, гвардейскія войска, предназначенныя для овладѣнія Телишемъ, двинулись по шоссе отъ Горнаго Дубняка, по направленію къ вышеупомянутому пункту.

Въ это время, сводно-кавалерійскій корпусъ (изъ Семереть-Трстеника) генерала Арнольди и отрядъ генераль-маіора Чернозубова (изъ Нетрополи), а также Кіевскій гусарскій полкъ съ придачею къ нему двухъ эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полка, при одной батарее, — предприняли сильныя демонстративныя дѣйствія противъ Дольнаго Дубняка, съ цѣлю помѣшать сосредоточеннымъ тамъ туркамъ сдѣлать движеніе въ тылъ нашей атакѣ на Телишъ. Противъ же самой Плевны демонстрировалъ отрядъ генерала Скобелева 2-го.

Около 11 часовъ утра, гвардейскія войска заняли свои позиціи вокругъ Телиша.

Три батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, подъ прикрытіемъ лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ, стали по обѣ стороны шоссе, прямо противъ телишскихъ редутовъ.

Три батареи 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады, подъ прикрытіемъ Кексгольмскаго гренадерскаго Императора Австрійскаго и лейбъ-гвардіи Литовскаго полковъ, стали на склонѣ отлогой возвышенности, къ юго-востоку отъ телишскихъ редутовъ, тыломъ къ д. Чириково.

Какъ батареи, такъ и ихъ пѣхотныя прикрытія, во избѣжаніе потерь, быстро окопались на своихъ занятыхъ позиціяхъ ложементами, при помощи приданныхъ къ отряду двухъ ротъ гвардейскихъ саперъ.

На правомъ флангѣ, къ сѣверо-западу отъ Телиша, стала 5-я гвардейская конная батарея, подъ прикрытіемъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, имѣя назначеніе дѣйствовать по расположенному отдѣльно укрѣпленному турецкому лагерю.

Къ юго-западу отъ Телиша, т. е. со стороны Орханіе, по сторонамъ шоссе, расположилась Кавказская казачья бригада генерала Черевина, выдвинувъ впередъ Донскую батарею.

Пространство же между кавказцами и пѣхотными ложементами занято было гвардейскими кавалерійскими полками: Гродненскимъ гусарскимъ, лейбъ-гвардіи Уланскимъ, Драгунскимъ, Гусарскимъ и Конно-Гренадерскимъ съ ихъ батареями, съ

цѣлью преслѣдовать непріятеля, въ случаѣ его отступленія.

Такимъ образомъ, наши орудія (шесть пѣшихъ и 4 конныхъ батареи) охватили кольцомъ все пространство, въ которомъ лежали телишскія укрѣпленія.

Въ 12 часовъ дня началась артиллерійская стрѣльба, сначала одиночными выстрѣлами изъ каждой батареи, а потомъ залпами. Турки отвѣчали довольно слабо. У нихъ было только четыре орудія. Что могли эти четыре орудія сдѣлать противъ нашихъ 72-хъ орудій? Для ружейнаго огня турокъ теперь также не было мѣста, такъ какъ пули ихъ не достигали до линіи нашей артиллеріи.

Когда наши орудія пристрѣлялись, то начали стрѣлять залпами со всѣхъ орудій, по очереди — разъ — разрывными гранатами, другой — шрапнелями. Дѣйствіе этихъ артиллерійскихъ снарядовъ, по рассказамъ очевидцевъ, было ужасно: турецкіе солдаты буквально разрывались ими на мелкія части въ своихъ ретраншементахъ.

Скоро турецкія пушки замолчали. Послѣ оказалось, что нѣкоторыя изъ нихъ были подбиты, а прислуга — уничтожена.

На турецкихъ укрѣпленіяхъ появилась суета, задвигались фигуры; видно они ждали знакомаго имъ штурма нашихъ частей; но это теперь не входило въ наши предположенія.

Въ два часа по-полудни, по предварительному приказанію, всѣ наши батареи вдругъ прекратили огонь. Генераль Гурко хотѣлъ воспользоваться этимъ перерывомъ, чтобы предложить гарнизону капитуляцію. Съ этой цѣлью, съ ординарцемъ генерала, княземъ Церетелевымъ были отправлены къ непріятелю, въ качествѣ парламентаровъ, пять плѣнныхъ турокъ, видѣвшихъ массу нашихъ войскъ и уже испытавшихъ всѣ ужасы Горнодубякского боя. Они двинулись впередъ, помахивая бѣлыми платками, и вскорѣ скрылись въ турецкомъ редутѣ.

Въ 2 $\frac{1}{2}$ часа канонада, по недоразумѣнію, возобновилась по всей линіи, такъ какъ батареи 1-й бригады, замѣтивъ передвиженіе турецкой пѣхоты, продолжали пальбу, и появившіеся-было турецкіе парламентары поторопились снова спрятаться въ укрѣпленіе.

Но не прошло и 20 минутъ послѣ этого, какъ

изъ редута вышелъ какой-то турокъ и замахалъ бѣлымъ платкомъ. Московскій и Гренадерскій полки, лежавшіе впереди нашихъ батарей и терпѣливо ожидавшіе той минуты, когда ихъ двинуть въ атаку на редутъ, завидя турецкаго парламентаря, вскочили на ноги и, бросивъ шапки кверху, закричали ура. На батареяхъ это ура подхватили артиллеристы, и ура начало разноситься изъ конца въ конецъ по всей нашей боевой линіи. Между тѣмъ, турецкій парламентарь, оказавшійся полковникомъ, подѣхалъ къ генералу Гурко и заявилъ о согласіи паши, командовавшаго редутомъ, на капитуляцію. Генераль Гурко поручилъ вести объ этомъ переговоры съ нашей стороны начальнику гвардейской артиллеріи, свиты Его Величества генераль-майору Бреверну, а самъ, въ сопровожденіи своей свиты, поскакалъ къ редуту.

Командиръ телишскаго гарнизона, Измаиль-Хакки-паша, сдался съ 3,700 солдатъ, 105 офицерами, выговоривъ только своимъ офицерамъ право на сохраненіе за ними ихъ вещей и на предоставленіе свободы всѣмъ желающимъ изъ сдававшагося гарнизона. Последнее льготное условіе было допущено съ нашей стороны потому, что для насъ былъ важенъ собственно самый Телишъ, какъ стратегическій пунктъ, а вовсе не тысяча-другая лишнихъ плѣнныхъ.

Пока турецкая пѣхота слагала свое оружіе, сдаваясь въ плѣнъ, конные башибузуки и черкесы попытались-было уйдти изъ Телиша, по направленію къ Орханіе; но сторожившіе ихъ на нашемъ правомъ флангѣ Лейбъ-Уланы, замѣтивъ отступавшихъ башибузуковъ, кинулись на нихъ въ атаку, настигли, набросились и изрубили болѣе полтораста всадниковъ; остальные, убѣгая далѣе, навели Уланъ на турецкую пѣхоту, вышедшую изъ укрѣпленнаго лагеря, расположеннаго за телишскою ложиною, и ставшую также пробраться въ Орханіе. Наши кавалеристы, встрѣченные ружейнымъ огнемъ, потеряли при этомъ четырехъ нижнихъ чиновъ убитыми и четырехъ офицеровъ и десять нижнихъ чиновъ ранеными, большею частью штыками.

Для нашей же пѣхоты день этотъ стоилъ всего одного лишь человѣка убитымъ и пятнадцати раненыхъ осколками.

Итакъ, столь значительный успѣхъ нашъ подъ Телишемъ достигнуть былъ съ помощью одной лишь артиллеріи, почти безъ потерь съ нашей стороны.

— Матушка ты наша, спасительница! — бросился къ орудію одинъ наводчикъ, обнимая и цѣлуя его.

И дѣйствительно, сколько людей въ этотъ разъ спасъ артиллерійскій огонь! Глядя на тѣ груды ящиковъ съ патронами, которые были найдены въ укрѣп-

леніяхъ, можно уже было представить себѣ тотъ адскій огонь, которому неминуемо подверглись бы наши войска, если бы имъ пришлось открытою силою брать эти укрѣпленія.

Но, строго разбирая, не одной артиллеріи принадлежитъ заслуга сдачи телишскаго гарнизона. Здѣсь большое моральное вліяніе имѣла также горно-дубнякская побѣда, наведшая на турокъ рѣшительно паническій страхъ.

Генераль-лейтенантъ Ганецкій.

Поздно вечеромъ генераль Гурко возвратился въ Горный Дубнякъ, куда препровождены были и всѣ плѣнные турки, почему-то не пожелавшіе воспользоваться свободою. Телишская же позиція была занята полками 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Въ тотъ же день, наши солдаты, по приказанію

генерала Гурко, убрали изъ взятаго нами редута турецкихъ раненныхъ.

— Тяжелые какіе! — говорили солдаты про раненныхъ турокъ, неся ихъ на перевозочный пунктъ.

— Благодарите Бога, что своихъ не пришлось таскать, — замѣчали на это проходившіе офицеры.

— Своего-то не въ примѣръ тяжело нести, — отвѣчали солдаты....

— На другой день по взятіи Телиша, туда явились команды Лейбъ-Егерей для преданія землѣ своихъ товарищей, павшихъ здѣсь и покинутыхъ въ штурмѣ 12-го октября. Тщательно обыскавъ все селеніе, Егеря нигдѣ не нашли ни одного живаго раненаго; группы же русскихъ, въ числѣ 300—400 тѣлъ*), оказались сложенными въ небольшіе ряды около самаго редута и слегка засыпаны землею. Когда ихъ отрыли для погребенія, ужасное, потрясающее зрѣлище предстало предъ глазами присутствовавшихъ. Большая часть тѣлъ были звѣрски изуродованы. Фактъ этотъ былъ засвидѣтельствованъ протоколами русскихъ офицеровъ и четырехъ англичанъ, взятыхъ въ плѣнъ, въ качествѣ санитаровъ, въ числѣ телишскаго гарнизона. Такъ какъ башибузуки бѣжали изъ Телиша, то на нихъ и была свалена турками вся отвѣтственность въ убійствѣ тѣхъ изъ раненыхъ Егерей, которые не могли быть забраны съ поля сраженія при атакѣ 12-го октября. Между тѣмъ, на многихъ изъ взятыхъ въ плѣнъ туркахъ оказались сапоги съ погибшихъ и замученныхъ Егерей и другія части нашего обмундирования, и солдаты наши, ведя этихъ плѣнныхъ въ Горный Дубнякъ, конечно, не скупились посылать имъ проклятія. Похороны найденныхъ Лейбъ-Егерей произвели тяжелое впечатлѣніе на гвардейцевъ и снова омрачили ихъ радость по поводу безкровной побѣды подъ Телишемъ.

Между тѣмъ, результаты нашихъ двухъ побѣдъ на софійскомъ шоссе немедленно начали обнаруживаться. На другой же день по взятіи нами Телиша, Шевкетъ-паша, который стоялъ съ двѣнадцатью таборами и десятью орудіями на пути къ Телишу, у д. Радомиръцъ, бѣжалъ оттуда при появленіи нашего развѣзда отъ лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка. Отступленіе Шевкета-паши было настолько поспѣшно, что онъ не успѣлъ даже разрушить моста у Радомиръцъ, и наши Конно-Гренадеры заняли его въ совершенной исправности.

*) Въ томъ числѣ тѣла четырехъ офицеровъ: полковника Мебеса и ротныхъ командировъ Шплъбаха, Перепелицына и Базилевскаго 2-го; тѣла же поручика Кашериннинова и подпоручика Романова совсѣмъ не были найдены.

Телишскій погромъ отразился и на Орханіе. Городъ былъ переполненъ бѣглецами; бѣжавшіе турецкіе солдаты громко проклинали Хакки-пашу и клялись, что ему стоило только часъ продержаться въ редутѣ, чтобы Шевкетъ-паша, находившійся съ Кіазимомъ-пашою по близости, поспѣшилъ къ нему на помощь. На дорогѣ между Луковицею и Орханіе масса телѣгъ, запряженныхъ волами, вязла въ грязи. Шума и крика невозможно было описать. Семь турецкихъ врачей три дня сряду должны были идти пѣшкомъ по грязи, прежде чѣмъ добрались до Орханіе. Смятеніе было такъ велико, что турецкіе лазареты въ Орханіе оказались совершенно бесполезными, и врачи очень обрадовались, получивъ приказаніе отправиться по ту сторону Балкановъ въ Ташкесенъ.

Послѣ взятія Телиша генераль Гурко началъ дѣятельно приготовляться къ овладѣнію Дольнымъ Дубнякомъ, въ которомъ, по свѣдѣніямъ, находилось около семи таборовъ пѣхоты, съ 5—6-ю орудіями. Такъ какъ войска эти легко могли быть усилены изъ близлежащей Плевны, то, для вѣрности успѣха, генераль Гурко рѣшился выждать присоединенія къ своему отряду еще 3-й гренадерской дивизіи, прибывшей въ то время подъ Плевну въ составѣ гренадерскаго корпуса генерала Ганецкаго. Въ виду этого, генераль Гурко полагалъ произвести атаку Дольнаго Дубняка 22-го октября.

Съ указанной цѣлю, гвардейскій корпусъ занялъ, 19-го октября, слѣдующее расположеніе на Софійскомъ шоссе:

Штабъ отряда, по-прежнему, остался въ Горномъ Дубнякѣ. Отсюда было немедленно установлено телеграфное сообщеніе съ главной квартирою, расположенной въ Боготѣ.

Телишъ былъ занятъ однимъ полкомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ одною батареею и кавказскою казачьею бригадою.

Въ Горномъ Дубнякѣ были расположены остальные полки 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и 1-я гвардейская пѣхотная дивизія, съ ихъ артиллеріею, а также 4-й Мариупольскій гусарскій полкъ. Сюда же былъ вытребованъ съ медованской позиціи 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, съ одною батареею, который находился съ 12-го октября въ отрядѣ генерала Бремзена.

Гвардейская стрѣлковая бригада, съ одною батареею лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, была поставлена на позицію противъ Дольнаго Дубняка, на мѣсто кавалеріи генерала Арнольди и румынскихъ войскъ.

3-я гренадерская дивизія и вся кавалерія генерала Арнольди и румынская пѣхота заняли Горный Нетрополь.

Вся 2-я гвардейская кавалерійская дивизія, въ полномъ ея составѣ, перешла въ Махалету и Абаской, съ назначеніемъ наблюдать чрезъ деревню Княжу за лѣвнымъ берегомъ р. Вида вплоть до Рахова.

1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ тремя батареями, и Кіевскій гусарскій полкъ заняли позицію впереди дер. Крушевица, а также д. Тверненъ и медованскую позицію.

Весь Медованскій отрядъ (2-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и 2-я гренадерская дивизія) со всею артиллерією перешли на Воынскую гору, впереди д. Тршино.

Всѣмъ пѣхотнымъ частямъ, занимавшимъ передовыя линіи, приказано было укрѣпиться рядомъ ложементовъ и траншей, съ мѣстами въ нихъ для батарей, и, сверхъ того, имѣть впереди себя, въ разстояніи около 1½ версты, пѣхотныя сторожевыя цѣпи и кавалерійскіе сторожевые посты.

Такъ какъ Шлевна теперь была окончательно обложена и потому можно было ожидать со стороны турокъ попытокъ къ сношенію съ Османомъ-пашою чрезъ тайныхъ эмиссаровъ, то всѣмъ нашимъ сторожевымъ постамъ было предписано довести бдительность до возможной степени и рѣшительно никого не пропускать черезъ посты, всѣхъ же подозрительныхъ лицъ задерживать.

И дѣйствительно, вскорѣ было перехвачено нѣсколько такихъ лицъ, пробиравшихся съ письменными донесеніями къ Осману-пашѣ. Кромѣ того, послѣдствія полнаго обложенія начали сказываться и въ томъ, что уже 18-го октября изъ Шлевны вышли по направленію къ Дольному Дубняку пестрыя толпы жителей—турокъ, высланныхъ Османомъ-пашею, въ качествѣ лишнихъ ртовъ, изъ города. Наши аванпосты, стоявшіе въ виду Дольнаго Дубняка, замѣтивъ приближеніе къ нимъ этихъ непрошенныхъ гостей, принудили ихъ вернуться обратно въ Шлевну.

Какъ уже было замѣчено выше, генераль Гурко полагалъ атаковать Дольный Дубнякъ 22-го октября. Но турки сами поспѣшили уступить намъ эту позицію гораздо ранѣе упомянутого срока. 20-го октября, на разсвѣтѣ, командиръ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго батальона, флигель-адъютантъ полковникъ Гриппенбергъ, обходя свои передовые посты, замѣтилъ полную тишину, спокойствіе и отсутствіе людей на непріятельской позиціи у Дольнаго Дубняка. Для окончательной повѣрки своего неожиданнаго открытія, онъ немедленно выслалъ впередъ патруль изъ охотниковъ, который беспрепятственно вошелъ въ непріятельскій редутъ. Тогда, вслѣдъ за патрулемъ, была двинута впередъ стрѣлковая цѣпь, а генераль Эллисъ отправилъ на поддержку 2-го батальона стрѣлковъ Императорской Фамиліи и два орудія. Къ этому времени сосѣднія части замѣтили тоже отступленіе и хлынули впередъ со всѣхъ сторонъ. Оказалось, что позиція была очищена непріателемъ въ теченіи ночи. Чтобы скрыть свое отступленіе, турки разложили костры, пѣли пѣсни, шумѣли и т. п.; подъ покровомъ этихъ хитростей, они сначала убрали всю артиллерію и повозки, а затѣмъ ушла и ихъ пѣхота.

Такимъ образомъ, мы безъ потерь заняли укрѣпленную дольно-дубнякскую позицію, къ атакѣ которой такъ усердно готовились. Безъ сомнѣнія, это было послѣдствіемъ двухъ первыхъ побѣдъ гвардіи на софійскомъ шоссе и наведеннаго ими паническаго страха на турокъ, но, въ то же время, нельзя не признать такого рѣшенія Османа-Паши вполне благоразумнымъ, въ виду значительнаго нашего численнаго превосходства, а также и неудобства дольно-дубнякской позиціи, по ея открытости, для обороны турокъ. Относительно же насъ самихъ можно замѣтить, что, разумѣется, было бы лучше, если бы наша кавалерія своевременно открыла отступленіе непріятеля и „пощипала бы его“, но, дѣлать нечего, пришлось ограничиться фактомъ прибытія къ Осману новыхъ „лишнихъ ртовъ.“

Въ тотъ же день, 20-го октября, штабъ гвардейскаго корпуса былъ переведенъ въ Дольный Дубнякъ, а войска получили въ главныхъ чертахъ слѣдующее расположеніе:

1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ ея артиллерією и Кіевскимъ гусарскимъ полкомъ

продвинулась отъ д. Крушевицы впередъ и заняла позицію на высотѣ Медованской горы.

1-я гвардейская пѣхотная дивизія съ ея артилеріею заняла позицію версты на 1½ впереди Дольнаго Дубняка, фронтомъ къ выходу изъ плевенской долины, имѣя позади, у Дольнаго Дубняка, 4-й Мариупольскій гусарскій полкъ и Донской козачій № 4-го полкъ.

3-я гренадерская дивизія расположилась на правомъ флангѣ румынской позиціи, фронтомъ къ Плевнѣ, имѣя резервъ свой позади праваго своего фланга, въ Горномъ Петрополѣ.

2-я гвардейская пѣхотная дивизія и гвардейская Стрѣлковая бригада стали въ общій резервъ, на южной окраинѣ деревни Дольный Дубнякъ.

Остальныя части остались на мѣстахъ, занятыхъ ими наканунѣ, 19-го октября.

Всѣмъ войскамъ, занявшимъ боевую линію по р. Виду, противъ Плевны, приказано было тотчасъ же укрѣпиться. При этомъ, передовые стрѣлковые ложементы были вынесены шаговъ на 200 впередъ батарей; за ними располагались закрытія для поддержекъ, и, наконецъ, приблизительно на линіи батарей возведены были резервные ложементы. Разумѣется, характеръ главныхъ укрѣпленій на нашей позиціи былъ весьма разнообразенъ; тутъ встрѣчались и люнеты, и редуты, и прочіе верки, начертаніе которыхъ обуславливалось мѣстностью и требованіями обороны; такъ, на флангахъ каждаго изъ вышеупомянутыхъ отрядовъ возводились большія сомкнутыя укрѣпленія.

При этомъ, всѣ наши батареи въ укрѣпленіяхъ должны были заранѣе пристрѣляться до различныхъ, лежащихъ впереди ихъ пунктовъ, съ которыхъ могло ожидать наступленіе войскъ Османа.

Наконецъ, впереди укрѣпленныхъ позицій, въ разстояніи около 1½ версты отъ нихъ, были выставлены шшія сторожевыя цѣпи отъ всѣхъ отрядовъ, находившіяся въ общей связи между собою и тоже окопавшіяся ложементами. Впереди сторожевой пѣхотной цѣпи, въ разстояніи около одной версты отъ нея, были выставлены кавалерійскіе пикеты при офицерахъ. Каждый изъ этихъ пикетовъ долженъ былъ выставить впередъ на разстояніе около 500—600 шаговъ еще по три поста.

При этомъ, всѣмъ сторожевымъ постамъ прика-

зано было никого не пропускать ни изъ Плевны, ни въ Плевну.

Такимъ образомъ, наши кавалерійскіе аванпосты подошли почти къ самой рѣкѣ Видѣ; за ними стояла пѣхотная сторожевая цѣпь, а далѣе весь отрядъ, который укрѣпился на столько сильно, что всѣ старанія Османа должны были бы разбиться о земляныя сооруженія, за которыми засѣли теперь доблестныя русскіе полки.

Словомъ, блокада Плевны теперь была вполне закончена. Съ этихъ поръ кольцо нашихъ позицій вокругъ Плевны не только сомкнулось, т. е. сдѣлалось непрерывнымъ, и сжуживалось, но и стало рѣшительно непробиваемымъ. Теперь съ западной стороны Плевны, стояла уже не какая нибудь жидкая кавалерійская цѣпь, а значительныя пѣхотныя отряды въ сильно укрѣпленныхъ позиціяхъ. Послѣ этого Осману-пашѣ предстояло только или задохнуться въ объятіяхъ этого желѣзнаго кольца, все болѣе и болѣе сжуживавшагося, или же рискнуть пробиться чрезъ него въ какомъ-либо пунктѣ. Всѣ данныя говорили за это послѣднее рѣшеніе храбраго защитника Плевны.

Таковы были результаты блестящихъ побѣдъ гвардіи на софійскомъ шоссе.

На третій день по занятіи гвардіей дольнаго Дубняка, 22-го октября, позицію гвардейскихъ войскъ посѣтилъ Государь Императоръ, восторженно встрѣченный войсками. Государь милостиво, въ сердечныхъ выраженіяхъ, благодарилъ гвардейскіе полки за ихъ молодецкую службу и выказанную ими въ бою геройскую доблесть. Передъ тѣмъ, Государь Императоръ посѣтилъ также раненыхъ гвардейцевъ, ко многимъ изъ которыхъ обращался съ искреннимъ участіемъ, спрашивалъ про раны; о многихъ офицерахъ приказалъ телеграфировать, для успокоенія семействамъ ихъ въ Петербургъ; со слезами вспоминалъ о павшихъ офицерахъ и командирахъ, и заботился, чтобы уходъ за уцѣлѣвшими былъ возможно лучшимъ и тщательнымъ. Вечеромъ 22-го октября Государь Императоръ, при восторженныхъ крикахъ „ура“, выѣхалъ съ позиціи гвардейскихъ войскъ по дорогѣ въ Медованъ, въ сопровожденіи Великаго Князя и Своей свиты.

Такъ какъ съ замкнутіемъ блокадной линіи у Плевны роль нашей гвардейской кавалеріи значи-

тельно сократилась, то съ этого времени все ея вниманіе было обращено на западъ, къ рѣкѣ Искеру.

Занятіе мѣстности къ западу отъ Плевны имѣло чрезвычайно важное значеніе для насъ, во-первыхъ, въ отношеніи окончательнаго уединенія Плевны отъ западнаго болгарскаго края, гдѣ турки имѣли еще довольно сильные этапные пункты на линіи Рахово-Врацкой дороги и по верхнему теченію рр. Вида и Панегі, и гдѣ хранились у нихъ значительные склады провіантскихъ запасовъ и боевыхъ снарядовъ, предназначавшихся для плевненскаго и виддинскаго гарнизоновъ. Во-вторыхъ, овладѣніе западно-болгарскою территоріей имѣло важное значеніе для насъ въ продовольственномъ отношеніи, такъ какъ этотъ край былъ наименѣе разоренъ войною и реквизиціями, между тѣмъ какъ наша многочисленная армія подъ Плевною въ этомъ отношеніи была крайне стѣснена въ узкомъ районѣ занимаемой ею мѣстности.

Въ виду сказаннаго, большая часть нашей кавалеріи, находившейся за р. Видомъ, приказомъ отъ 21-го октября, получила слѣдующее назначеніе: 2-я гвардейская кавалерійская дивизія, занимавшая д. Махалету, должна была освѣщать сильными разѣздами всю мѣстность между Раховымъ и д. Острово на сѣверѣ, до Рахово-Врацкой дороги на западъ и до Каменополя и Кудино на югѣ. 4-я же кавалерійская дивизія должна была освѣщать теченіе р. Искера отъ д. Луковицы до ея впаденія въ Дунай. Вообще, кавалеріи нашей предписывалось своевременно открывать всѣ движенія, какъ непріятельскихъ войскъ, такъ и ихъ транспортовъ, въ мѣстности между рр. Искеромъ и Огостъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ 2-я гвардейская, такъ и 4-я кавалерійскія дивизіи должны были озаботиться сборомъ въ упомянутой мѣстности рогатаго скота, муки и подводъ для всѣхъ войскъ, расположенныхъ за р. Видомъ, и собирать все это въ Махалету.

Въ то же время, и отъ нашего Сельви-Ловчинскаго отряда были предприняты поиски вверхъ по теченію р. Вида, по направленію къ Балканамъ, но уже не одною кавалеріею, а отрядами изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Такъ, направленный изъ Ловчи, 17-го октября, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Орлова, отрядъ изъ трехъ ротъ 9-го пѣхотнаго

Староингерманландскаго полка, четырехъ ротъ 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка, двухъ эскадроновъ Казанскихъ драгунъ, пяти сотенъ Донскихъ №№ 24-го и 30-го полковъ и двухъ орудій Донской № 19-го батареи, подойдя къ Тетевеню, 19-го октября, двумя колоннами, неожиданно атаковалъ пѣхотными ротами, бывшими подъ командой маіора Беатера, передовыя тетевенскія укрѣпленія и штыками выбилъ изъ нихъ непріятели, опрокинувъ его въ самый городъ. Первымъ вскочилъ въ непріятельскій редутъ Староингерманландскаго полка штабсъ-капитанъ Яковлевъ. На слѣдующій день, 20-го октября, турки, бывшіе въ Тетевенѣ въ числѣ 600 человекъ регулярной пѣхоты и 150 человекъ регулярной конницы, оставили городъ, такъ какъ занятая нами укрѣпленія командовали надъ нимъ, и, оставивъ въ наши руки множество боевыхъ запасовъ и весь свой скотъ, бѣжали по дорогѣ въ Орханіе. Штурмъ стоилъ намъ ничтожныхъ потерь: убитъ 1, ранено 4 и контужено 17 человекъ.

23-го октября, Тетевень былъ занятъ присланнымъ изъ Сельви 2-мъ батальономъ 10-го пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка, съ одною сотнею казаковъ, подъ командою маіора Кюбордо 2-го. Отрядъ же полковника Орлова перешелъ въ Турскій Изворъ, а потомъ въ Яблоницу, куда, по приказанію Его Высочества, Главнокомандующаго, прибыла изъ Ловчи, 24-го октября, вся 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи (полки 11-й Псковскій и 12-й Великолуцкій) при 2-й, 5-й и 6-й батареяхъ. При этомъ кавалерійскія части бывшаго отряда полковника Орлова образовали передовой летучій отрядъ 2-й бригады и заняли позицію къ югу отъ Яблоницы, въ направленіи къ Этрополю. Въ направленіи же къ Орханіе, верстахъ въ трехъ къ западу отъ Яблоницы, заняли оборонительную позицію два батальона 11-го Псковскаго полка. Наконецъ, Турскій Изворъ былъ занятъ 5-ю и 6-ю ротами 9-го Староингерманландскаго полка, подъ командою маіора Духновскаго. 7-я же рота того же полка расположилась въ Торосѣ. Всѣ эти отряды поступили подъ начальство командира 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіора Давыдова, поступившаго, въ свою очередь, подъ начальство генерала Гурко. Остальныя части Сельви-Ловчинскаго отряда оставались по прежнему въ Сельви, Ловчѣ и Троянѣ.

Такимъ образомъ, наблюденіе за всею мѣстностью по верхнему теченію рѣки Панеги было пока обезпечено.

Одновременно съ этимъ быстро подвигалась впередъ и кавалерія западнаго отряда. 22-го октября, кавказская казачья бригада генерала Черевина дошла до Петревеня и выслала сильные разъѣзды чрезъ Яблоницу въ направленіи къ Орханіе. 24-го числа Кавказская бригада заняла уже Осиково и выслала разъѣзды къ самому Орханіе. При этомъ въ поддержку кавалеріи, дѣйствовавшей на софійскомъ шоссе, былъ выдвинутъ изъ Телиша сначала въ Радомирцы, а потомъ въ Луковицы и Осиково (28-го октября) лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, позиціи котораго послѣдовательно занималъ педшій позади него лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ.

Между тѣмъ, расположившаяся въ Махалетѣ 2-я гвардейская кавалерійская дивизія освѣщала разъѣздами мѣстность къ западу отъ р. Вида. Дивизионъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка полковника Лихтанскаго прежде всѣхъ частей выдвинулся за р. Искеръ и занялъ деревню Княжу, выставивъ отдѣльные пикеты въ Бѣлослатину и Крушевицу. Другой дивизионъ того же полка, подъ командою полковника Ковалевскаго, 20-го октября выступилъ изъ Махалеты чрезъ Княжу и Бѣлослатину въ направленіи къ с. Джурилово. Пройдя въ теченіи сутокъ болѣе 70-ти верстъ, драгуны, 21-го октября, утромъ, накрыли въ д. Комарево партію черкесовъ и, послѣ непродолжительной перестрѣлки, взяли изъ нихъ человекъ 20 въ плѣнъ.

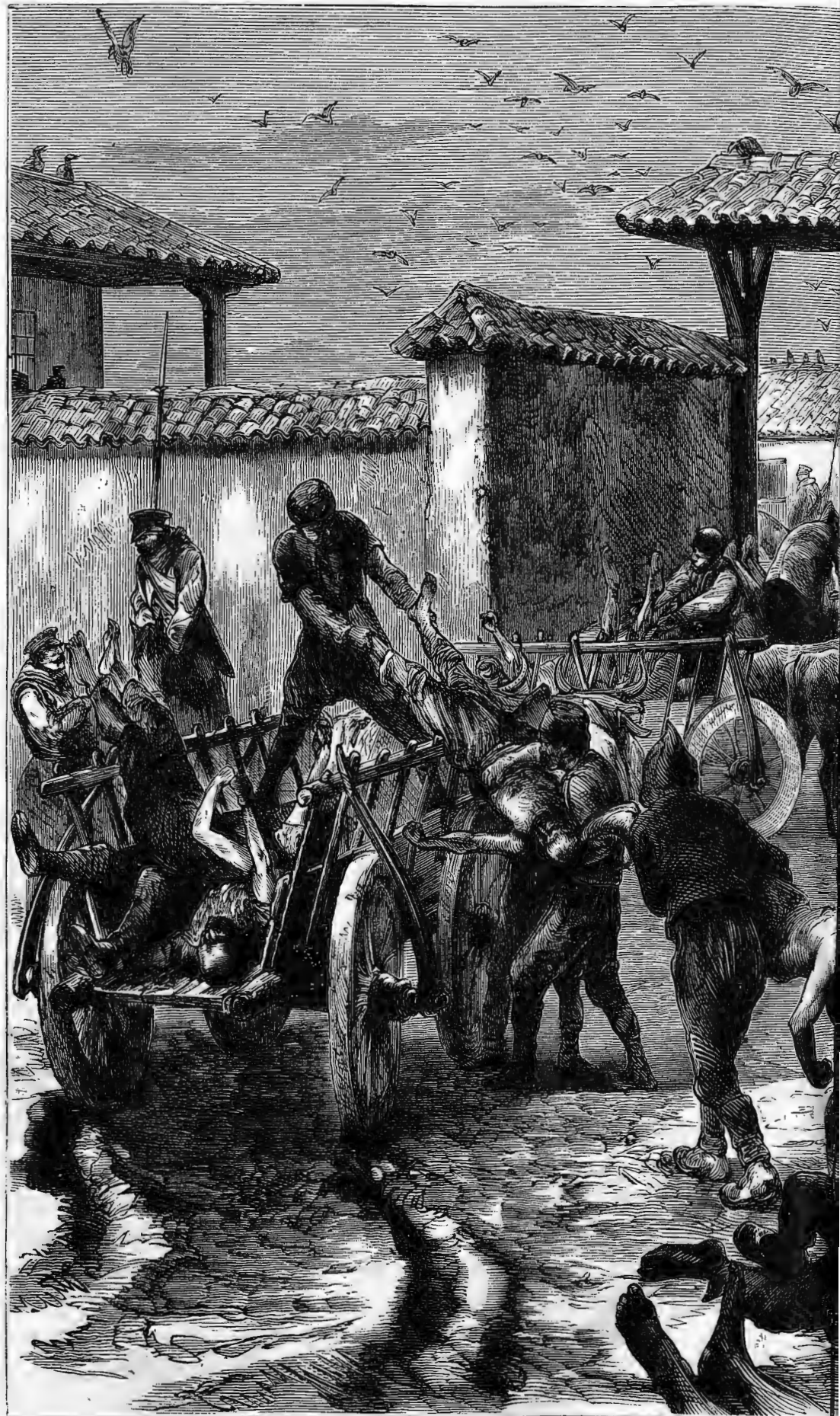
Затѣмъ, налетѣвъ на Джурилово, часть драгунъ принялась выбивать штыками стрѣлявшихъ изъ домовъ турокъ, а другая часть Драгунъ преслѣдовала уходившія въ горы партіи черкесовъ и жителей со стадами и повозками. При этомъ Лейбъ-Драгунамъ удалось собрать по турецкимъ дворамъ до 100 запряженныхъ воловьихъ подводъ, до 200 головъ рогатаго скота и до 400 барановъ, съ которыми Лейбъ-Драгуны и отошли къ Бѣлослатинѣ, а къ утру въ Махалету.

Тѣмъ временемъ, Конно-Гренадерскій полкъ выставилъ пикеты у Кайнаре и Луковицы и вошелъ въ связь съ румынами, занимавшими д. Водинъ (на Дунаѣ по дорогѣ къ Рахову). Затѣмъ, 24-го октября, Конно-Гренадеры заняли Каменополь и вы-

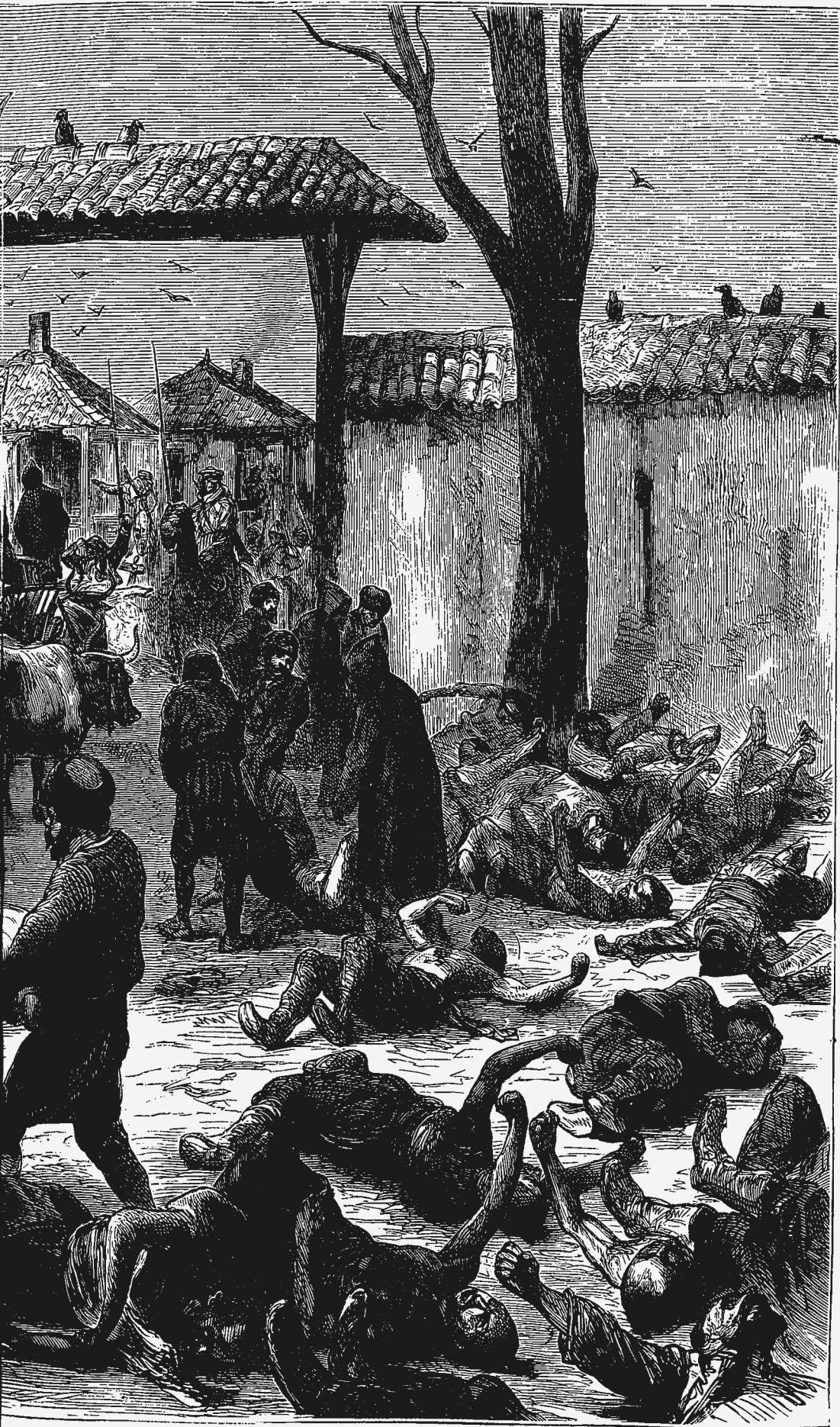
слали сильные разъѣзды къ Врацѣ. Въ то же время лейбъ-гусары произвели поискъ къ странѣ Врацы чрезъ Враноякъ, причемъ заняли деревню Габоре и захватили отъ бѣжавшихъ изъ нея турокъ 90 повозокъ и нѣсколько штукъ рогатаго скота, выславъ послѣ этого изъ Габоре сильные разъѣзды на Врбицу и Вероску. Одновременно съ этимъ, 23-го октября лейбъ-уланъ заняли дорогу изъ Рахова въ Виддинъ, испортивъ на ней телеграфъ и 24-го числа произвели рекогносцировку Рахова, причемъ нашли, что городъ сильно укрѣпленъ и занятъ 1,500 человекъ пѣхоты при трехъ орудіяхъ. Часть турецкихъ войскъ не задолго передъ тѣмъ отступила изъ Рахова къ Ломъ-Паланкѣ, турецкое же населеніе города, при видѣ лейбъ-уланъ, бѣжало въ разныя стороны.

Подобныя налеты нашей гвардейской кавалеріи, кромѣ снабженія западнаго отряда продовольственными и перевозочными средствами, навели еще на турокъ паническій страхъ возможностью неожиданнаго появленія русскихъ въ такихъ деревняхъ, гдѣ, за дальностью разстоянія отъ пунктовъ расположенія нашихъ отрядовъ, турки считали себя обезпеченными отъ всякаго нападенія; теперь они стали быстро очищать всю мѣстность до Брацо-Раховскаго шоссе и бѣжали въ городъ, къ Софіи, что дало возможность вскорѣ почти всей 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи подойти неожиданно къ самой Врацѣ.

26-го октября рекогносцировка частью конно-гренадерскаго полка обнаружила, что городъ Враца занятъ одною пѣхотою и что въ немъ собраны огромные продовольственные запасы. Вслѣдствіе этого, командующій 2-ю гвардейскою кавалерійскою дивизіею, генералъ-маіоръ Леоновъ, рѣшился овладѣть этимъ городомъ и 27-го октября, вечеромъ, подошелъ на три часа разстоянія къ Врацѣ двумя колоннами: Лейбъ-Уланъ съ сѣвера, по раховской дорогѣ къ Мраморени, а Конно-Гренадерскій и Лейбъ-Драгунскій полки, при двухъ взводахъ отъ 2-й и 3-й гвардейскихъ конныхъ батарей, съ востока, къ д. Вржебниці. Здѣсь обнаружилось, что гарнизонъ Врацы состоитъ изъ 800 человекъ пѣхоты и 300 черкесовъ и что съ сѣверной стороны городъ укрѣпленъ незначительными окопами. Проведя ночь скрытно на двухъ

Очистка Плевны

послѣ ея взятія.

Празднованіе взятія Плевны и Карса.

вышеупомянутыхъ пунктахъ, обѣ колонны отряда генерала Леонова, 28-го октября, въ 11-мъ часу утра, подошли совершенно неожиданно для турокъ къ самой Врацѣ, причемъ конно-гренадеры, послѣ непродолжительной артиллерійской перестрѣлки, быстро спѣшились и сразу ворвались въ городъ съ тылу, съ южной стороны. Въ то же время, 3-й эскадронъ лейбъ-драгунъ и 4-й эскадронъ лейбъ-уланъ, также спѣшившись, бросились на перерѣзъ непріятелю, съ южной и сѣверной сторонъ города. Неожиданность нашего появленія и присутствіе у насъ артиллеріи сразу привели турокъ въ смятеніе, и они сначала оставили укрѣпленія, а потомъ и самый городъ, бѣжавъ въ горы. Въ 3½ часа пополудни городъ былъ въ нашихъ рукахъ, причемъ нами захвачены были огромные продовольственные запасы изъ муки, галетъ и ячменя и до 1,000 запряженныхъ подводъ, въ которыхъ перевозилось продовольствіе изъ Виддина въ Орханіе. Потери наши заключались въ семи раненыхъ конно-гренадерахъ.

Того же числа, 1-й дивизионъ лейбъ-драгунъ былъ направленъ съ утра на Дерманцы на Искерѣ, чтобы перехватить туркамъ Орханійскую дорогу. Дивизионъ встрѣтилъ здѣсь партію черкесовъ челоувѣкъ въ 300 и отѣснилъ ихъ къ д. Лютый-Долъ.

Въ тотъ же день захваченный транспортъ былъ отправленъ изъ Врацы въ Дубнякъ, подъ конвоемъ конно-гренадерскаго полка, который вскорѣ вернулся въ Врацу.

вып. IV.

По занятіи конно-гренадерами, драгунами и уланами Врацы и съ прибытіемъ сюда же Гродненскихъ гусаръ, изъ этихъ четырехъ полковъ составленъ былъ летучій отрядъ, ввѣренный генераль-маіору Леонову. Отряду этому поручено было высылать подвижныя колонны и вводить въ заблужденіе турецкія войска, занимающія крѣпости и укрѣпленія въ Виддинѣ, Ломпаланкѣ, Раховѣ и Орханіе, относительно размѣра нашихъ силъ въ этой мѣстности.

Генераль-маіоръ Леоновъ 1-й.

Такимъ образомъ, къ концу октября вся мѣстность къ западу отъ Шлевны, между рѣкою Видомъ и Рахово-врацкимъ шоссе, перешла окончательно въ наши руки и была изолирована отъ западныхъ турецкихъ отрядовъ занятіемъ нашею кавалеріею, а отчасти и пѣхотою, такихъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ, какъ Троянь, Тетевень, Яблоница и Осиково—къ юго-западу отъ Шлевны, и Враца—къ западу отъ нея. И на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ мало разореннаго края войска за-

паднаго отряда могли теперь собирать для себя достаточное количество провіанта, фуража, а равно и подводъ для перевозки его.

Чтобы не отрываться вполнѣ отъ описанія хода событій подъ самою Шлевною, а также въ виду того, что дѣятельность нашей кавалеріи въ вышеупомянутомъ районѣ продолжалась долгое время и послѣ паденія Шлевны и имѣла нѣкоторое самостоятельное значеніе, въ виду державшихся во все время кампаніи турецкихъ войскъ въ Виддинѣ,

мы изложимъ здѣсь вкратцѣ дальнѣйшій ходъ операцій нашей кавалеріи въ западномъ краю Болгаріи.—30-го октября изъ Врацы была предпринята усиленная рекогносцировка Орханійскаго ущелья лейбъ-драгунскимъ полкомъ съ двумя орудіями лейбъ-гвардіи 6-ой донской батареи, подъ командою полковника Ковалевскаго. Затѣмъ вниманіе нашей кавалеріи естественно было обращено на Берковацъ, отстоящій отъ Врацы въ 30 верстахъ. 3-го ноября летучая колонна полковника барона Оффенберга, состоявшая изъ одного эскадрона конно-гренадеръ, одного эскадрона драгунъ, двухъ эскадроновъ уланъ и двухъ орудій, произвела рекогносцировку Берковаца чрезъ Бѣлу. Послѣ стычки съ турками у Берковаца полковникъ Оффенбергъ донесъ, что Берковацъ сильно занятъ артиллеріею и пѣхотою. Въ виду этого, 4-го ноября изъ Враца была отправлена другая колонна, составленная изъ дивизиона драгунъ, при двухъ орудіяхъ донской батареи, подъ командою полковника Ковалевскаго, съ назначеніемъ осмотрѣть Берковацъ съ сѣвера, въ направленіи чрезъ дд. Криводоль, Сумерь, Гаушанци и по шоссе, ведущему изъ Ломъ-Паланки въ Берковацъ. 6-го октября, полковникъ Ковалевскій подошелъ къ Берковцу съ упомянутой стороны и, открывъ по городу артиллерійскій огонь, обнаружилъ присутствіе въ городѣ и его окрестностяхъ турецкой пѣхоты и артиллеріи въ укрѣпленіяхъ, а также лагерь турецкихъ войскъ, только-что прибывшихъ, по словамъ болгаръ, изъ Софіи. Драгуны отступили, провожаемые въ догонку турецкими гранатами и партіею черкесовъ, и 7-го октября вернулись во Врацу.

Между тѣмъ, на сѣверъ отъ Врацы оперировали кавалерія генерала Арнольди и румынскій отрядъ. 7-го ноября румыны, поддержанные нашею кавалеріею и артиллеріею, послѣ упорнаго боя взяли Рахова, потерявъ 18 офицеровъ и 216 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными и захвативъ въ городѣ огромные запасы провіанта и боевыхъ снарядовъ. Румыны приписываютъ, по обыкновенію, честь вслѣдствіе Рахова исключительно себѣ; но въ этомъ дѣлѣ принимали важное участіе и русская кавалерія и артиллерія, подъ командою генерала барона Мейендорфа. Послѣдній, вмѣстѣ съ 1-мъ румынскимъ батальономъ, преслѣдовалъ также отступавшихъ изъ

Рахова турокъ.—16-го ноября отрядъ генерала Арнольди занялъ Бѣлобродъ и Левчево (на р. Огостъ) и выслалъ отсюда разъѣзды къ Берковцу и Бѣлградчику. 18-го ноября румыны заняли уже Ломъ-Паланку (на Дунаѣ), а отрядъ генерала Арнольди въ тотъ же день занялъ Черкесскую Кривину и Кутловицу (на р. Огостъ). 30-го ноября, а затѣмъ 1-го и 2-го декабря, турки изъ Берковца пробовали наступать на Кутловицу, но были отражены стоявшими тутъ Харьковскими уланами. Послѣ этого турки, видя, что ихъ окружаютъ русскіе и со стороны Кутловицы и Врацы, и со стороны Орханіе, очистили Берковацъ и ушли въ Софію, оставивъ въ городѣ одно орудіе, и слѣдомъ за турками въ Берковацъ вошелъ разъѣздъ отъ лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества полка, подъ командою флигель-адъютанта ротмистра графа Берга, и занялъ этотъ городъ. 10-го декабря румыны овладѣли безъ боя Орце-Паланкой. Отъ кавалеріи же генерала Арнольди 9-го декабря былъ выдвинутъ изъ Берковца эскадронъ Мариупольскихъ гусаръ къ Бѣлградчику, гдѣ онъ и вошелъ въ связь съ румынами и сербами, выдвинувшими въ это время небольшой отрядъ отъ св. Николая къ Чупрену. 10-го декабря генералъ Арнольди направилъ изъ Берковца эскадронъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка и эскадронъ Харьковскихъ уланъ, чрезъ Чипрованъ и Чупрень, къ Пироту, чрезъ который также вошелъ въ связь съ сербскою арміею.

Такимъ образомъ, Виддинъ былъ окончательно отрѣзанъ и изолированъ отъ остальной турецкой территоріи, и этой крѣпости угрожала участь Плевны, если бы не было заключено вскорѣ перемиріе съ турками.

Вернемся теперь къ положенію дѣлъ подъ Плевною.

Съ занятіемъ гвардейскими войсками укрѣпленной линіи къ западу отъ Плевны, начиная отъ Волынской горы впереди д. Тррино и далѣе по лѣвому берегу р. Вида, до с. Биволаръ, кольцо обложенія вокругъ Плевны, какъ мы уже упоминали выше, было окончательно сомкнуто, причемъ гвардейскій корпусъ вошелъ въ связь на правомъ своемъ флангѣ, чрезъ д. Учень-Доль, съ позиціей генерала Скобелева 2-го на Рыжей горѣ (позади д. Брестовацъ, восточнѣе ея) и на лѣвомъ своемъ флангѣ—съ правымъ флангомъ румынской арміи.

Въ силу рѣшенія генерала Тотлебена — ограничиться по окончательномъ обложеніи Плевны, строго оборонительными дѣйствіями, принуждая Османа-пашу къ сдачѣ исключительно тѣснымъ обложеніемъ его позицій, а также абсолютнымъ прекращеніемъ подвоза къ нему продовольствія и боевыхъ снарядовъ и, наконецъ, систематически веденымъ бомбардированіемъ плевенскихъ укрѣпленій, — можно было ожидать, что теперь подъ Плевною уже не будетъ болѣе предпринято наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны. Но этому предположенію не было суждено исполнѣе осуществиться, въ виду оказавшейся вскорѣ необходимости подвинуть нѣсколько впередъ отрядъ генерала Скобелева 2-го съ позиціи на Рыжей горѣ, въ чемъ, въ сущности, нельзя было видѣть нарушенія плана генерала Тотлебена.

Какъ мы уже знаемъ, на 12-е октября первоначально предположено было, въ видѣ демонстраціи противъ Плевны, занять отрядомъ Скобелева 2-го *) первый гребень Зеленыхъ горъ (восточнѣе д. Брестовацъ, уступомъ впередъ) и Брестовацкія высоты (западнѣе д. Брестовацъ, также уступомъ впередъ). Но такъ какъ первый гребень Зеленыхъ горъ оказался уже занятымъ и укрѣпленнымъ турками, то атака этого гребня была отмѣнена, а генералу Скобелеву приказано было 12-го октября ограничиться, въ видѣ демонстраціи, лишь занятіемъ Рыжей горы и прочно укрѣпиться на ней. Однако 13-го октября демонстрація эта, по приказанію Тотлебена, была продолжена, причемъ приданная въ тотъ день къ отряду Скобелева 1-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи, заняла укрѣпленія на Рыжей горѣ, а 9-й, 10-й и 11-й батальоны 3-й стрѣлковой бригады, тоже поступившія подъ начальство генерала Скобелева, заняли д. Учень-Доль. 16-я же пѣхотная дивизія поставлена была въ резервъ и приступила къ постройкѣ зем-

*) До 11-го октября состоявшая подъ командою генерала Скобелева 2-го, 16-я пѣхотная дивизія частью находилась на позиціи между деревнями Тученицею и Радичевымъ, большею же своею частію занимала деревни Тученицу и Боготъ. 11-го же октября генералъ Скобелевъ 2-й назначался начальникомъ авангарда въ составѣ: 16-ой пѣхотной дивизіи съ 16-ю артиллерійскою бригадою, трехъ батальоновъ 3-й стрѣлковой бригады (9-й, 10-й и 11-й) и 1-й, 2-й и 3-й батарей 2-й артиллерійской бригады и 1-й сотни 38-го казачьяго полка.

лянокъ. 15-го октября авангардъ генерала Скобелева 2-го былъ переименованъ въ плевно-ловчинскій отрядъ. 15-го и 16-го октября отрядъ этотъ производилъ демонстрацію для отвлеченія непріятельскихъ силъ отъ софійскаго шоссе, гдѣ въ это время происходила атака Телиша войсками гвардіи. Затѣмъ, по окончательномъ упроченіи гвардейскаго корпуса на позиціи къ западу отъ Плевны, 21-го октября, когда турки неожиданно начали наступленіе отъ Кришинскаго редута къ сторонѣ Волинскихъ высотъ, гдѣ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ приступилъ въ этотъ день къ постройкѣ редута („Мирковичъ“), генералъ Скобелевъ 2-й, съ цѣлью выручки отряда генералъ-маіора Бремзена, произвелъ демонстрацію чрезъ Учень-Доль къ д. Каргужевану, противъ Кришинскаго редута. Быстро войдя въ связь съ отрядомъ генералъ-маіора Бремзена и ограничившись артиллерійскимъ огнемъ, генералъ Скобелевъ помогъ удержать турокъ у Кришина и ночью вернулся на свою позицію.

Этотъ послѣдній эпизодъ, кажется, и послужилъ поводомъ къ занятію генераломъ Скобелевымъ Зеленыхъ горъ и вообще къ переходу плевно-ловчинскаго отряда въ наступленіе. Дѣло въ томъ, что послѣ упомянутаго случая положительно выяснилось, что позиція Волицевъ у Тринино можетъ быть постоянно угрожаема со стороны кришинскихъ укрѣпленій, такъ какъ мы не могли удержать въ нихъ турокъ ружейнымъ или артиллерійскимъ огнемъ съ другихъ нашихъ позицій — ни съ Рыжей горы, занятой плевно-ловчинскимъ отрядомъ, ни съ позицій 4-го корпуса, по удаленности этихъ пунктовъ отъ Кришина и по свойству самой мѣстности. Между тѣмъ, въ виду возможной рѣшимости со стороны Османа-паши прорвать нашу блокадную линію, позиція Волицевъ у Тринина, подлѣ р. Вида, получила настолько важное значеніе, что оставлять ее безъ поддержки сосѣднихъ нашихъ отрядовъ было рискованно. На основаніи этого необходимо было, во-первыхъ, приблизить плевно-ловчинскій отрядъ къ позиціи Волицевъ и, во-вторыхъ, сблизить позиціи плевно-ловчинскаго отряда съ непріятельскими укрѣпленіями на Зеленыхъ горахъ и у д. Кришино, съ цѣлью парализовать дѣйствія турокъ изъ этихъ укрѣпленій противъ Волинскихъ высотъ.

Предположеніе это вполне подтверждается предписаніемъ штаба западнаго отряда, полученнымъ, 22-го октября, генераломъ Скобелевымъ 2-мъ. Въ предписаніи этомъ, во-первыхъ, запрещалось двигаться куда-либо 16-ю пѣхотную дивизию, безъ особаго на то приказанія генераль-адъютанта Тотлебена *); во-вторыхъ, „для противодѣйствія артиллерійскому огню съ Кришинскаго редута, а также ружейному огню съ редута на Зеленой горѣ“, генералу Скобелеву предписывалось занять, въ ночь съ 23-го на 24-е октября, высоту, расположенную западнѣе д. Брестовацъ уступомъ впередъ, и, укрѣпившись на ней, открыть, утромъ 24-го октября, огонь залпами изъ 24-хъ орудійной 9-ти-фунтовой батареи по Кришинскому редуту и по редуту на Зеленой горѣ. Въ ночь же съ 24-го на 25-е октября устроить впереди позиціи на Рыжей горѣ стрѣлковыя ложементы, съ которыхъ можно было бы парализовать непріятельскій ружейный огонь съ ближайшаго къ позиціи генерала Скобелева гребня Зеленыхъ горъ, а изъ укрѣпленій на Рыжей горѣ дѣйствовать противъ непріятельскихъ стрѣлковъ изъ картечицъ и крѣпостныхъ ружей, для чего къ отряду генерала Скобелева были приданы батареи картечицъ изъ 6 орудій и 17 крѣпостныхъ ружей.

Высота къ сѣверо-западу отъ д. Брестовацъ не была занята непріятелемъ, а потому вышеизложенное предписаніе было въ точности исполнено, почти безъ всякихъ помѣхъ. Съ разсвѣтомъ 24-го октября наши 24 орудія открыли страшный огонь съ Брестовацкой горы, а два батальона стрѣлковъ, укрытые въ вырытыхъ за ночь траншеяхъ, ждали уже непріятеля въ полной готовности встрѣтить его убійственнымъ огнемъ. Кромѣ того, на сѣверной опушкѣ д. Брестоваца поставлена была батарея изъ шести картечицъ. Дѣйствительно, въ теченіе дня 24-го октября, непріятель перешелъ въ наступленіе съ Зеленыхъ горъ противъ вновь занятой нами позиціи впереди Брестоваца. Тогда съ цѣлью парализовать наступленіе турокъ, командиръ 3-й стрѣлковой бригады, генераль-маіоръ Блофельдъ приказалъ командѣ стрѣлковъ до 100 человекъ про-

двинуться отъ Брестоваца впередъ, къ шоссе изъ Ловчи и далѣе къ первому гребню Зеленыхъ горъ, стараясь выбить непріятеля огнемъ. Быстро двинувшаяся впередъ команда изъ 40 человекъ, подъ начальствомъ подпоручика Тарасенкова, прогнала непріятельскихъ стрѣлковъ и, преслѣдуя ихъ, добѣжала до перваго ложемента на Зеленой горѣ, переклола находившихся тамъ турокъ, но, остановленная подоспѣвшимъ къ мѣсту схватки самимъ Скобелевымъ, стала медленно отходить назадъ. У многихъ изъ этихъ охотниковъ оказалось по одному и по два турецкихъ ружья, а у нѣкоторыхъ собственные штыки были погнуты и въ крови.

Во время этого набѣга удостовѣрились, что ближайшій къ нашей позиціи первый гребень Зеленыхъ горъ сильно занятъ непріятельскою пѣхотою, расположенною въ ложементахъ и траншеяхъ, а потому позиція эта легко могла изолировать дѣйствіе нашего огня по остальнымъ турецкимъ укрѣпленіямъ на Зеленыхъ горахъ и у д. Кришино.

Вѣроятно, въ виду этого послѣдняго обстоятельства, 27-го октября и послѣдовало словесное приказаніе генераль-адъютанта Тотлебена генералу Скобелеву 2-му — занять, 28 октября, первый гребень Зеленыхъ горъ.

Такова, въ сущности, была исторія происхожденія знаменитыхъ „боевъ на Зеленыхъ горахъ“, которымъ въ свое время, съ одной стороны, многіе придавали преувеличенное значеніе, какъ по ихъ размѣрамъ, такъ и по самой ихъ цѣли, а съ другой стороны, многіе видѣли въ нихъ просто лишь нарушеніе плана генерала Тотлебена. И то, и другое, предположеніе, какъ это видно изъ самаго хода дѣлъ, нельзя назвать справедливымъ.

И такъ, 28-го октября должна была произойти атака перваго гребня Зеленыхъ горъ съ цѣлью занять его и укрѣпиться на немъ.

Въ 5¹/₂ часовъ пополудни, назначенныя для атаки войска, подъ командою полковника гвардейскаго сапернаго баталіона Мельницкаго, уже были выстроены въ лоцинѣ передъ Зеленою горою. Густой туманъ; окутывавшій все время мѣстность, позволилъ совершить передвиженіе частей отряда въ упомянутую лоцину въ полной скрытности.

Отрядъ полковника Мельницкаго былъ въ составѣ 9-го стрѣлковаго баталіона, 50 охотниковъ,

*) Движеніе генерала Скобелева 2-го, 21-го октября на помощь отряду генераль-маіора Бремзена было исполнено по его собственной инициативѣ.

Владимірскаго пѣхотнаго полка, двухъ ротъ Ярославскаго, и 2 сотенъ 9-го донскаго полка.

Одновременно съ началомъ наступленія, всѣ наши 24 орудія на Брестовацкой горѣ дали залпъ по непріятелю.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, турки также открыли стрѣльбу, которая, все усиливаясь, сдѣлалась непрерывною противъ всей нашей линіи наступленія.

Наши стрѣлки, не отвѣчая на выстрѣлы непріятеля, подвигались впередъ. Дойдя до гребня Зеленой горы, линія стрѣлковъ была остановлена, подъ весьма сильнымъ огнемъ съ близкаго разстоянія, лично самимъ Скобелевымъ и полковникомъ Мельницкимъ. Затѣмъ, охотники и четвертый взводъ стрѣлковъ продвинулись съ полковникомъ Мельницкимъ впередъ цѣпи и, подъ градомъ пуль, бѣгомъ атаковали непріятельскіе ложементы въ штыки, овладѣли ими и, засѣвъ въ нихъ, открыли по непріятелю стрѣльбу залпами.

Въ это время оставленная на гребнѣ цѣпь быстро окапывалась ложементами и залегла въ нихъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, начали подходить сюда и Владимірцы, и тоже принялись окапываться.

Все усиливавшійся огонь непріятеля сильно мѣшало работамъ; тѣмъ не менѣе, благодаря энергіи частныхъ начальниковъ, работы подвигались впередъ весьма быстро.

Такимъ образомъ, войска наши, оставаясь вполне готовы къ бою, работали здѣсь до 11 часовъ ночи, когда непріятель, собравшись въ значительныхъ силахъ, вдругъ перешелъ въ наступленіе, съ цѣлью сбросить насъ съ занятаго гребня.

Охотники и стрѣлки, занявшіе впереди перваго гребня Зеленыхъ горъ непріятельскій ложементъ, держались здѣсь упорно до 11½ часовъ ночи, когда наконецъ вынуждены были отступить. Они вполне исполнили свое назначеніе, продержавшись въ ложементѣ все то время, которое необходимо было для устройства достаточно глубокихъ траншей на первомъ гребнѣ.

Между тѣмъ непріятель не останавливался и наступалъ все энергичнѣе, напирая въ особенности на нашъ лѣвый флангъ.

Разсыпанная въ цѣпь впереди работавшихъ войскъ 3-я рота 9-го стрѣлковаго баталіона, подъ

командою капитана Домбровскаго, векорѣ здѣсь убитого, также отступила, чтобы очистить фронтъ уже достаточно вырытыхъ траншей для встрѣчи непріятеля залпами изъ нихъ.

Въ это время, 1-й и 3-й батальоны Владимірцевъ, работавшіе въ траншеяхъ подъ надзоромъ своихъ командировъ — полковника Маіевскаго и маіора Нечаева, положили лопаты и, взявъ ружья, ждали безъ выстрѣла приближенія турокъ, въ полной готовности встрѣтить ихъ въ упоръ залпомъ, а затѣмъ штыками.

Тѣмъ временемъ, работавшія на нашемъ лѣвомъ флангѣ три роты (7-я, 8-я и 12-я) Владимірцевъ, поражаемыя продольнымъ огнемъ непріятеля, все ближе и ближе подходившаго къ нимъ, наконецъ дрогнули и, оставивъ заданную имъ работу, отступили въ лощину. Въ это время командиръ Владимірскаго полка, полковникъ Аргамаровъ, замѣтивъ, что непріятель обхватываетъ нашъ лѣвый флангъ и видя отступающія части, приказалъ 2-й стрѣлковой ротѣ капитана Сполатбога, выдвинуться влѣво къ ловчинскому шоссе и открыть по приближавшемуся непріятелю стрѣльбу залпами.

Огонь этой молодецкой роты, блистательно исполненной данное ей порученіе, и залпы 3-го батальона Владимірцевъ изъ траншей на первомъ гребнѣ Зеленыхъ горъ — заставили турокъ остановиться, а затѣмъ отступить и продолжать стрѣльбу только изъ своихъ ложементовъ.

Отбивъ атаку, войска приступили снова къ возведенію траншей, и къ разсвѣту траншеи эти представляли уже полное закрытіе для двухъ шеренгъ.

Такимъ образомъ позиція была обезпечена за нами. Теперь плевно-ловчинскій отрядъ овладѣлъ Брестовацкою горою по лѣвую сторону ловчинскаго шоссе, и первымъ гребнемъ Зеленыхъ горъ — по правую сторону шоссе. Начальникомъ всѣхъ войскъ на Зеленой горѣ назначенъ былъ сперва полковникъ Мельницкій, а потомъ — командиръ 2-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ Гренквистъ; начальникомъ же войскъ на Брестовацкой горѣ — Панютинъ. Генераль Скобелевъ со штабомъ также оставался въ первое время въ передовой траншеѣ.

Имѣя въ резервѣ достаточно число еще нетропуемыхъ полковъ, генераль Скобелевъ могъ теперь съ

увѣренностью отвѣчать за удержаніе каждаго клочка земли отбитыхъ нами позицій и спокойно ждать новыхъ атакъ.

Тѣмъ временемъ войска, занявшія Зеленую гору, дѣятельно продолжали работы на ней по уширенію траншей, по возведенію новыхъ укрѣпленій, по устройству землянокъ и ходовъ сообщенія съ тыльною стороною и по возведенію новаго редута. Кромѣ того, 31-го октября, въ передовой траншеѣ на Зеленой горѣ была поставлена батарея изъ 4 орудій, а къ ночи 30-го октября еще четыре скорострѣльныхъ орудій.

Но и турки въ эти дни не оставались праздными; они также дѣятельно продолжали свои работы, не смотря на нашъ ружейный и артиллерійскій огонь, и, приближаясь къ намъ понемногу, довели къ 2-му ноября свои траншеи на разстояніе 180 или 200 шаговъ отъ нашей позиціи. Кромѣ того, они вновь пытались нѣсколько разъ сбить насъ съ перваго гребня Зеленыхъ горъ. Такъ, въ 5 часовъ утра 29-го октября, они вновь произвели наступленіе, но были отбиты дружными залпами Владимірцевъ изъ траншей. Въ 1 часъ и 45 минутъ пополудни 30-го октября они опять атаковали насъ 5-ю таборами, подойдя къ нашимъ траншеямъ на 150 или 200 шаговъ, но на этомъ разстояніи были отбиты выдержанными залпами Владимірцевъ и 7-й роты Углицкаго полка и огнемъ нашихъ картечицъ.

Въ виду такого настойчиваго желанія непріятеля сбить насъ съ перваго гребня Зеленыхъ горъ, а также въ виду слишкомъ тѣснаго сближенія непріятельскихъ укрѣпленій съ нашими позиціями, генералу Скобелеву 31-го октября разрѣшено было овладѣть передовыми непріятельскими ложементами, не передвигая, впрочемъ, всего отряда впередъ съ перваго гребня, такъ какъ это могло быть сопряжено съ значительными потерями при настоящей силѣ отряда, и съ большимъ рискомъ для него.

Однако генераль Скобелевъ не рѣшился овладѣть и передовыми ложементами непріятеля, такъ какъ въ 70 или 80 шагахъ позади ихъ усматривалась съ нашей позиціи вторая линія турецкихъ траншей, а за нею редутъ, связанный траншеями съ турецкимъ редутомъ на второмъ гребнѣ Зеленыхъ горъ. Все это не давало надежды удержать за

нами передовыя турецкія траншеи въ случаѣ взятія ихъ нами у турокъ. Поэтому генераль Скобелевъ ограничился только вылазкою противъ передовыхъ турецкихъ траншей, съ цѣлью затруднить доступъ къ намъ непріятеля и вообще показать нашимъ войскамъ превосходство надъ непріятелемъ.

Вылазка была произведена 3-го ноября 1-ю линейною и 2-ю стрѣлковою ротами Суздальскаго полка, подъ командою самого командира полка, полковника Камнева.

Въ 12¹/₂ часовъ ночи роты перелѣзли черезъ брустверъ нашей траншеи и двинулись впередъ. Движеніе ихъ было обнаружено непріятелемъ въ самомъ началѣ. Въ турецкихъ траншеяхъ послышались два сигнальныхъ свистка, и вслѣдъ затѣмъ по всей линіи непріятельскихъ траншей открылась частая ружейная пальба.

Суздальцы двигались, не отвѣчая ни однимъ выстрѣломъ. Черезъ двѣ, три тяжелыя минуты послѣ начала движенія, подойдя подъ сильнѣйшимъ огнемъ шаговъ на 50 къ непріятельской траншеѣ, они бросились впередъ бѣгомъ съ криками „ура“. Добѣжавшіе до ложементовъ люди залегли за непріятельскимъ брустверомъ, и только нѣсколько человекъ перелѣзли въ траншейный ровъ. Выстрѣлы непріятеля на мгновеніе смолкли. Въ моментъ атаки турки очистили часть траншеи, раздавшись по обѣ стороны, но не отбѣгая назадъ, и затѣмъ открыли яростную пальбу. Оба ротныхъ командира, поручикъ Цитовичъ и подпоручикъ Власевъ, были ранены и ихъ понесли назадъ. Увидя командировъ ранеными и отступающими, отступили и всѣ нижніе чины.

Вылазка эта принесла пользу главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что обнаружила линію непріятельскаго огня, которая оказалась до нѣкоторой степени охватывающею, что заставило насъ усилить фланги.

Тотчасъ же по отступленіи нашихъ, турки вышли изъ своихъ ложементовъ и, не смотря на темноту, произвели, въ свою очередь, атаку на нашу позицію. Сплошная линія огня, постепенно приближавшаяся къ намъ, указывала направленіе атаки и силу ея. Суздальцы встрѣтили турокъ изъ траншей залпами по ротно. Непріятель, однако, продолжалъ движеніе и въ особенности быстро приближался къ нашему лѣвому флангу.

Нужно замѣтить, что здѣсь, на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи на Зеленой горѣ, еще утромъ, 1-го ноября, по инициативѣ унтеръ-офицера 3-й стрѣлковой роты Попова, нѣсколько стрѣлковъ, съ нимъ во главѣ, проползли шаговъ на 40 впередъ и заняли четыре небольшихъ непріятельскихъ ложементовъ. Теперь эти ложементы оказались какъ нельзя болѣе полезными. Поручикъ Реутъ, засѣвшій здѣсь съ двумя взводами 3-й стрѣлковой роты, началъ поражать залпами непріятеля, придвинувагося къ нему на 40—50 шаговъ. Не смотря на то, что турки охватили ложементъ съ фланговъ и потеря въ защитникахъ его дошла до трехъ убитыми и шести ранеными, наши стрѣлки стояли молодцами. Непріятель не выдержалъ огня и, не дойдя до атаки штыками, къ чему Суздальцы были уже готовы, отступилъ.

Затѣмъ въ теченіи ночи турки еще два раза переходили въ наступленіе, но оба раза были отбиты ружейнымъ огнемъ, не дойдя до нашей линіи траншей шаговъ 70 или 100.

Атака, отбитая въ семь часовъ утра 3-го ноября, была послѣднею. Турки наконецъ отказались отъ мысли выбить насъ изъ занятой позиціи и съ тѣхъ поръ на Зеленыхъ горахъ наступило затишье.

Пользуясь этимъ затишьемъ, полковникъ Панютинъ заложилъ на Брестовацкой горѣ двѣ новыя траншеи: одну на 1200 шаговъ впереди своей батареи, а другую на столько же впереди д. Брестоваца, и кромѣ того, отъ первой траншеи выдвинулъ ровики для стрѣлковъ еще на 50 шаговъ.

Такимъ образомъ, къ 3-му ноября въ отрядѣ генерала Скобелева сближеніе съ турецкими позиціями совершилось полное; передовыя наши траншеи, считавшіяся уже неприступными, отстояли отъ турецкихъ ложементовъ лишь на сто съ небольшимъ шаговъ. Все это значительно стѣснило свободу дѣйствій непріятеля, который могъ быть подвергнутъ теперь во всякую минуту дѣйствию нашего артиллерійскаго и оружейнаго огня, съ Брестовацкихъ высотъ и съ перваго гребня Зеленыхъ горъ, причемъ всякое движеніе его изъ Крипина къ Волынскимъ высотамъ могло быть съ позиціи плевно-ливчинскаго отряда своевременно открыто и задержано. Сверхъ того, плевно-ливчинскій отрядъ значительно сблизился и съ позиціями отряда генералъ-маіора Бремзена, который 29-го октября построилъ подъ непріятель-

скимъ огнемъ новый редутъ („Старынкевича“), правѣе редута „Мирковичъ“, еще ближе къ Крипинскому редуту и къ позиціи генерала Скобелева. Вообще съ занятіемъ Зеленой горы и Брестовацкихъ высотъ, кольцо обложенія вокругъ Плевны значительно сдузилось.

Важные результаты, добытые занятіемъ гребня Зеленыхъ горъ, стоили намъ сравнительно ничтожныхъ потерь: потери наши, въ періодъ съ 28-го октября по 5-е ноября, состояли всего изъ 306 человекъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими, не смотря на то, что за это время нами было отбито шесть ожесточенныхъ атакъ непріятеля, причемъ и мы сами нѣсколько разъ переходили въ наступленіе, не говоря уже о постоянномъ непріятельскомъ огнѣ, дѣйствовавшемъ въ теченіи 8-ми дней по нашимъ работамъ и готовымъ укрѣпленіямъ *).

Такая незначительность нашихъ потерь объяснялась принятымъ способомъ наступленія и обороны. Дѣйствительно, по тактическому выполненію, занятіе гребня Зеленыхъ горъ представляется замѣчательнымъ. При этомъ обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія мѣры:

Во-1-хъ, въ дѣло вводились постоянно лишь незначительныя части войскъ, а въ атаку посылались каждый разъ однѣ лишь небольшія команды охотниковъ.

Во-2-хъ, всему отряду, назначенному въ дѣло, начиная отъ его командировъ и до послѣдняго рядоваго, подробно внушались какъ цѣль, такъ и средства атаки.

Въ 3-хъ, каждая изъ послѣдовательно занимаемыхъ нами позицій укрѣплялась въ теченіи ночи на столько, что къ утру наши войска были уже хорошо прикрыты и смѣло могли отбить атаку въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго непріятеля *).

Было много и другихъ интересныхъ сторонъ въ дѣлѣ на Зеленыхъ горахъ, но мы упоминаемъ только о самыхъ важныхъ. Нужно также замѣтить, что успѣху нашему здѣсь много помогли личныя каче-

*) При этомъ самъ генералъ Скобелевъ 2-й все время безотлучно находившійся въ передовой траншеѣ, былъ слегка контуженъ, а въ другой разъ легко раненъ.

*) Инженерныя средства отряда генерала Скобелева были относительно весьма значительны: 16-я дивизія располагала теперь 5,000 лопатъ, при соответствующемъ количествѣ топоровъ, кирокъ и мотыгъ.

ства такихъ командировъ, какъ начальникъ штаба плевно-ловчинскаго отряда капитанъ Куропаткинъ и завѣдывавшіе земляными работами—полковники Мельницкій и Ласковскій, а также начальникъ 2-й бригады 16-й дивизіи генералъ-маіоръ Гренквистъ и самъ Скобелевъ 2-й. Успѣху нашему не мало также содѣйствовало и превосходное знаніе мѣстности, на которой отряду генерала Скобелева уже не разъ приходилось дѣйствовать.

Съ того времени, какъ наша гвардія замкнула за р. Видомъ кольцо обложенія Плевны и сообщенія арміи Османа-паши съ Софіей были окончательно отрѣзаны, въ турецкихъ отрядахъ на всемъ болгарскомъ театрѣ войны появилась лихорадочная дѣятельность. Прибывшій въ Софію новый турецкій главнокомандующій, на мѣсто Шевкета-паши, Мегеметъ-Али-паши, дѣятельно формировалъ 50-тысячный отрядъ, предназначавшійся, повидимому, для дѣйствія противъ Ловчи, съ цѣлью выручки Османа-паши. 27-го и 30-го октября повторились также атаки турокъ на Шипку. Въ то же время турки начали производить сильныя рекогносцировки на нашей Маренской позиціи у Елены, а также беспокоить наши передовые посты на османъ-базарской и шумлинской дорогахъ. Очевидно, турки, съ цѣлью заставить насъ снять блокаду Плевны, замыслили ударить на Тырновъ одновременно съ трехъ сторонъ: со стороны Орханіе, Казанлыка и Елены.

Все это, конечно, не могло не поселить въ нашихъ начальникахъ тревоги за успѣшное веденіе блокады Плевны. Особенно внушало опасеніе появленіе въ тылу Плевны, на софійскомъ шоссе, новой 50-тысячной турецкой арміи Мегемета-Али-паши. Выставленные въ эту сторону заслоны отъ отряда генерала Гурко представлялись теперь уже недостаточными и, во всякомъ случаѣ, не могли бы обезпечить тыла нашей плевненской арміи отъ нападенія него 50-ти-тысячной арміи Мегемета-Али-паши.

Сверхъ того, положеніе нашихъ шипкинскихъ героевъ съ каждымъ днемъ ухудшалось, и давно уже пора было подумать о выручкѣ этихъ доблестныхъ войскъ генерала Радецкаго.

Въ виду всего вышеизложеннаго, въ главной нашей квартирѣ, въ концѣ октября, возникла мысль о необходимости сформировать особый отрядъ, съ цѣлью направить его въ проходы западныхъ Бал-

кановъ и, отрѣснивъ оттуда армію Мегемета-Али-паши, двинуть нашъ отрядъ тотчасъ же на востокъ, къ Казанлыку, для выручки шипкинской арміи генерала Радецкаго, который, геройски защищая Шипку, главнымъ образомъ способствовалъ успѣхамъ нынѣшней кампаніи. Представленный генераломъ Гурко планъ подобной операціи былъ утвержденъ 26-го октября главнокомандующимъ, причемъ изъ гвардейскихъ войскъ, стоявшихъ за р. Видомъ, формировался особый „Западный отрядъ“, долженствовавшій двинуться къ Балканамъ, подъ начальствомъ самаго генерала Гурко.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ заслоны, выставленные раньше отъ генерала Гурко въ направленіи къ западнымъ Балканамъ, а равно и весь сельви-ловчинскій отрядъ, получили спеціальное назначеніе — развѣдывать проходы въ упомянутымъ горахъ.

3-го ноября, генералъ Гурко, съ 1-ю и 2-ю гвардейскими пѣхотными дивизіями, снялся съ позиціи передъ Плевною и двинулся по софійскому шоссе въ направленіи къ Орханіе. Всѣ дѣйствія этого отряда составляютъ предметъ нашего дальнѣйшаго изложенія; здѣсь же покончимъ съ Плевною.

Одновременно съ выступленіемъ изъ-подъ Плевны гвардейскаго корпуса его позицію впереди Дольняго Дубняка занялъ, постепенно и незамѣтно для непріятеля, гренадерскій корпусъ генерала Ганецкаго.

Въ тотъ же день (3-го ноября) всѣ войска, облежавшія и Плевну именованія до сихъ поръ „западнымъ отрядомъ арміи“, были переименованы въ отрядъ обложенія Плевны.

При этомъ всѣ наши позиціи вокругъ Плевны были раздѣлены на шесть участковъ.

Такимъ образомъ, наша 100,000-я блокадная армія, при 300 орудіяхъ, занимала линію обложенія вокругъ Плевны длиною, по внѣшней линіи укрѣпленій, до 70 верстъ; при этомъ всѣ участки были заняты пѣхотою и укрѣплены соразмѣрно важности каждаго изъ нихъ.

Внутри этого „желѣзнаго кольца“ находилась 50,000-я турецкая армія при 100 орудіяхъ, бывшая въ укрѣпленіяхъ, внѣшняя линія которыхъ была около 35-ти верстъ.

Вопросъ о томъ, какъ долго могла продержаться турецкая армія въ Плевнѣ, могъ быть

рѣшенъ только въ связи съ продовольственнымъ вопросомъ турокъ. Но опредѣлить въ точности количество запасовъ, находившихся въ распоряженіи Османа-паши, было довольно трудно. Такъ, съ нашихъ позицій усматривались большія стада, пасшіяся въ окрестностяхъ Плевны; лазутчики же наши и турецкіе перебѣжчики постоянно сообщали о выдачѣ гарнизону Плевны постоянно уменьшаемыхъ раціоновъ. Все это, повидимому, противорѣчило одно другому. Однако, по всѣмъ соображеніямъ и собраннымъ свѣдѣніямъ, можно было заключить, что до 12-го октября, т. е. до дня взятія Горняго Дубняка, турки успѣли доставить въ Плевну продовольственныхъ запасовъ не болѣе, какъ на два мѣсяца.

Избравъ для взятія Плевны и плѣненія защищавшей ее турецкой арміи систему обложенія, мы должны уже были теперь строго воздерживаться отъ всякихъ частныхъ попытокъ штурма, въ случаѣ неудачи которыхъ Османъ-паша могъ бы, пожалуй, прорваться изъ Плевны; въ виду этого намъ оставалось только стѣснять, по возможности, линію обложенія, принимая, въ то же время, всѣ необходимыя мѣры для воспрепятствованія непріятелю прорвать гдѣ-либо расположеніе нашихъ войскъ.

Съ этою цѣлію помощникомъ начальника отряда обложенія, генераль-адъютантомъ Тотлебенемъ, были заранѣе намѣчены всѣмъ начальникамъ участковъ возможные случаи прорыва и соответственное стягиваніе войскъ къ угрожаемому пункту; при этомъ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы встрѣтить непріятеля, въ случаѣ его попытки къ прорыву, возможно большимъ числомъ войскъ, своевременно сосредоточенныхъ на мѣстѣ, избранномъ имъ для атаки. Съ этою цѣлію между всѣми участками были разработаны удобныя дороги и поставлены на нихъ указатели и знаки, для облегченія, въ случаѣ необходимости, движенія войскъ съ одного участка на другой; черезъ всѣ ручьи на линіяхъ сообщенія участковъ были устроены мосты. Затѣмъ вокругъ всей линіи обложенія были устроены телеграфныя сообщенія, что давало возможность знать одновременно на всѣхъ участкахъ о началѣ наступленія непріятеля на какой-либо пунктъ.

Наконецъ, всѣ позиціи наши вокругъ Плевны

были усилены рядами новыхъ траншей и ложементовъ, а на болѣе важныхъ пунктахъ—новыми люнетами и редутами. Сверхъ того, передовыя наши траншеи и ложементы были постепенно приближаемы на такое разстояніе отъ противника, чтобы его ружейный огонь, по возможности, былъ удаленъ отъ нашихъ батарей. Такимъ образомъ, къ концу ноября вокругъ Плевны тянулись уже почти непрерывныя ряды земляныхъ укрѣпленій, на протяженіи около 70 верстъ.

Чтобы судить о количествѣ земляныхъ работъ, произведенныхъ нами въ теченіи пяти мѣсяцевъ подъ Плевною, нужно еще прибавить къ массѣ упомянутыхъ укрѣпленій устройство огромнаго количества землянокъ для защиты войскъ отъ дождя и холода. Землянки устраивались какъ внутри самыхъ траншей, для очередныхъ войскъ, такъ и позади линіи укрѣпленій, для резервовъ. Эти подземныя городки, съ довольно густымъ населеніемъ, устроенныя на нѣкоторыхъ позиціяхъ, какъ, напримеръ, позади скобелевскаго участка—на цѣлую пѣхотную дивизію и почти на двѣ артиллерійскія бригады, и снабженныя банями и хлѣбопекарнями, — не имѣли, конечно, прямого отношенія къ оборонѣ позицій, но, въ то же время, составляли необходимую принадлежность долгой стоянки 100,000-ой массы войскъ у непріятельскаго города, подъ открытымъ небомъ.

Эти городки землянокъ, въ связи съ линіями укрѣпленій, тянувшимися на 70 верстъ, могутъ дать нѣкоторое понятіе о количествѣ работы, потраченной на устройство ихъ нашими войсками, часто подъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ непріятеля и по большей части при самой неблагоприятной погодѣ.

Такъ, на одной позиціи 9-го корпуса (2-й участокъ), отъ Гривицкаго редута до Радищева, земляныхъ работъ, послѣ 30-го августа, было произведено 6,147 кубическихъ сажень, причемъ срытіе прежнихъ батарей и траншей, срытіе спусковъ на дорогахъ и къ мостамъ, а также постоянныя передѣлки и поправки вслѣдствіе дождей не приняты въ расчетъ. Если же считать и это все, то безошибочно можно опредѣлить всю массу земляныхъ работъ, произведенныхъ, послѣ 30-го августа, на

одномъ 2-мъ участкѣ войсками Криденера, въ 8,000 кубическихъ сажень *), что равнялось бы земляной насыпи шириною и вышиною въ сажень и длиною въ 16 верстѣ. Теперь можно представить себѣ, сколько еще было произведено земляныхъ работъ на остальныхъ нашихъ пяти участкахъ, изъ которыхъ на многихъ было воздвигнуто гораздо больше укрѣпленій, нежели на 2-мъ участкѣ, не говоря уже еще о массѣ турецкихъ укрѣпленій...

Не даромъ кто-то сказалъ, что вокругъ Плевны было сдѣлано столько земляныхъ работъ, что онѣ могли бы хватить на много миль насыпей для желѣзныхъ дорогъ, а чугуна съ батареей обѣихъ сторонъ было брошено достаточно, чтобы снабдить эти дороги рельсами.

Фашинная и туровая работы также достигли у насъ огромныхъ размѣровъ. На одномъ только 2-мъ участкѣ, т. е. на позиціи 9-го корпуса, не считая отдѣлки землянокъ, сдѣланныхъ преимущественно изъ плетней и только частію изъ туровъ и фашинъ, на всѣ остальные работы, т. е. на отдѣлку крутостей на батареяхъ, ложементахъ и редутахъ, употреблено было 7,920 туровъ, 7,390 фашинъ и до 2,200 плетней. Предположивъ, что и на пяти остальныхъ нашихъ участкахъ было употреблено приблизительно такое же количество этихъ предметовъ, получимъ въ общемъ итогъ около 105,000 штукъ различнаго рода издѣлій изъ хвороста, употребленныхъ на обшивку однихъ только укрѣпленій. Такого количества плетенокъ достаточно было бы для снабженія загородами нѣсколькихъ десятковъ русскихъ деревень.

Изъ всего предъидущаго можно уже составить себѣ нѣкоторое понятіе о прочности „желѣзнаго кольца“, стянувшаго армію Османа-паши.

Наконецъ, съ цѣлію удержанія на мѣстѣ плевненскаго гарнизона и отклоненія его отъ попытокъ къ прорыву, наши батареи продолжали ежедневно дѣйствовать противъ турецкихъ укрѣпленій сосредоточеннымъ огнемъ. Каждое крѣпостное орудіе, которыхъ находилось 40 на нашихъ позиціяхъ, по распоряженію начальства, обязано было ежедневно выпустить отъ 12 до 15 зарядовъ; каждое полевое орудіе—отъ 3 до 4 зарядовъ; послѣднихъ же ору-

дій находилось на позиціяхъ противъ Плевны около 280. По одному этому можно уже судить, какое почтенное количество гранатъ и шрапнелей послалось ежедневно въ непріятельскія укрѣпленія. Кромѣ числа вышеупомянутыхъ выстрѣловъ, черезъ извѣстные промежутки времени, приблизительно черезъ каждые 24 часа, происходили въ различное время дня или ночи, по специальному приказанію, „общіе залпы“ изъ 60 или 80 орудій по заранее выбранному пункту. Моментально, по сигналу съ центральной батареи, воздухъ оглашался ужасными ударами, вслѣдъ за которыми раздавалось шипѣніе и свистъ летящихъ снарядовъ. Не проходило и минуты—и все пространство покрывалось густымъ дымомъ. Какъ это часто бываетъ при подобномъ сотрясеніи воздуха выстрѣлами изъ самыхъ тяжелыхъ орудій, по временамъ съ неба падали потоки дождя, ограничивавшіеся однѣми только окрестностями Плевны. Повидимому, этотъ сильный артиллерійскій огонь имѣлъ вліяніе на возвышеніе температуры и на то, что горизонтъ нерѣдко затягивался густою сѣрою мглою. Такое явленіе подъ конецъ стало до того правильнымъ, что послѣ каждой сильной бомбардировки всѣ ожидали сумрачнаго, сыраго и туманнаго дня.

Не смотря, однако, на это страшное внѣшнее дѣйствіе орудійнаго огня, артиллерія наша все-таки исполняла подъ Плевною, по сознанію самого генерала Тотлебена, только второстепенную роль. Столь распространенное въ свое время выраженіе: „Плевна бомбардируется“, въ сущности, не отвѣчало дѣйствительности. Плевну собственно не бомбардировали никогда, а бомбардировали ея окрестности, вѣрнѣе даже сказать, землю, принадлежащую плевненскимъ обывателямъ. Въ городъ, въ видѣ пробы, пустили раза два или три нѣсколько гранатъ, съ цѣлію попробовать, не загорится ли, и когда результатъ получился отрицательный, по случаю каменныхъ построекъ, то рѣшили, что рѣшеніе домовъ, и, притомъ, очевидно, пустыхъ—дѣло неподходящее, и съ тѣхъ поръ въ городъ рѣдко пускались гранаты.

Что же касается до турецкихъ траншей и рововъ, то, само собою разумѣется, нашъ орудійный огонь былъ безсиленъ противъ этихъ земляныхъ насыпей, къ тому же ежедневно возобновляемыхъ. Наша артиллерія изъ 300 орудій, изъ коихъ 40 было осад-

*) Цифры эти взяты изъ реляціи самого ген. Криденера.

ныхъ, дѣйствуя противъ 100 турецкихъ, сбита изъ нихъ лишь нѣсколько. Уронъ, причиняемый нашею артиллеріею плевненскому горнизону, равнымъ образомъ простирался только отъ 50 до 60 человекъ въ день. Залпы же нашихъ концентрированныхъ батарей, повидимому, въ первое время произвели большое нравственное впечатлѣніе на непріятеля; но въ скоромъ времени онъ сталъ ограничиваться только тѣмъ, что останавливалъ работы во время дня. Къ тому же турки не замедлили принять свои мѣры. Они стали пользоваться своею артиллеріею съ крайнею осторожностью, то скрывая ее, то передвигая на новыя позиціи. Гарнизоны же ихъ были выведены изъ редутовъ и расположены въ траншеяхъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ верковъ; занимались только глубокіе и узкіе рвы. Что касается до турецкихъ резервовъ, то они или скрывались за изгибами мѣстности, или же отводились на разстояніе, находившееся внѣ дѣйствія нашего артиллерійскаго огня.

Уронъ, причиняемый, въ свою очередь, турецкимъ орудійнымъ огнемъ нашимъ войскамъ, также былъ ничтоженъ. Такъ, на позиціи 2-го участка обложія Плевны, вся убыль въ полкахъ 31-й пѣхотной дивизіи, въ промежутокъ времени съ 4-го сентября по 28-е ноября, заключалась въ 29 убитыхъ, 191 — раненыхъ и 52 — контуженныхъ осколками, всего же въ 269 выбывшихъ изъ строя въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. На другихъ участкахъ потери наши также не могли быть больше только что приведенныхъ.

Уменьшенію числа потерь съ нашей стороны, кромѣ устройства огромнаго числа подземныхъ закрытій, способствовалъ также самый порядокъ службы на позиціяхъ, установленный со времени прибытія подъ Плевну генерала Тотлебена.

Порядокъ отправленія этой службы въ траншеяхъ былъ весьма несложный. Обыкновенно въ каждомъ участкѣ на очередь назначалось не болѣе половины всего отряда, остальные же части оставались въ резервахъ. Изъ этой половины — около половины солдатъ занимали передовую линію траншей, а прочія части оставались въ частныхъ поддержкахъ, во второй линіи траншей.

Въ передовыхъ траншеяхъ отъ каждой роты составлялось по нѣсколько человекъ часовыхъ, стояв-

шихъ на банкетѣ и наблюдавшихъ за непріятелемъ. Часовые имѣли право стрѣлять по одиночнымъ туркамъ, ими замѣченными.

Кромѣ часовыхъ, въ передовыхъ траншеяхъ, по нѣскольку человекъ изъ лучшихъ стрѣлковъ отъ каждой роты, съ ружьями наготовѣ, слѣдили за непріятелемъ и вели съ нимъ перестрѣлку.

Остальные люди очередныхъ частей, имѣя ружья въ бойницахъ, сидѣли или лежали въ траншеяхъ, упирали траншеи, устраивали въ нихъ землянки, кипятили чай, чистили оружіе, спали, а иной разъ забавлялись „въ носки“, или даже „въ орла и рѣшетку“

Съ наступленіемъ темноты, отъ каждой изъ ротъ, стоявшихъ въ передовыхъ траншеяхъ, высылались впередъ небольшіе секреты. Число часовыхъ на банкеткахъ увеличивалось отъ каждой роты. Остальные люди ротъ могли попрежнему, не снимая амуниціи, дремать. По тревогѣ всѣ люди должны были становиться на банкетъ и браться за ружье. Стрѣльба безъ команды ночью строго воспрещалась.

По удостовѣреніи въ наступленіи непріятеля, секреты должны были отходить назадъ, а роты — открывать стрѣльбу залпами.

Смѣна частямъ, занимавшимъ боевыя позиціи, производилась не позже, какъ черезъ двое — трое сутокъ. Части приходили на смѣну обыкновенно утромъ, позавтракавши.

7-го ноября однообразіе траншейной жизни подъ Плевною было нарушено радостнымъ извѣстіемъ о взятіи Кавказскою арміею крѣпости Карса. Въ 1 часъ дня на тученицкомъ редутѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, былъ отслуженъ по этому случаю торжественный молебенъ, по окончаніи котораго, при громкихъ крикахъ „ура“ нашихъ войскъ, произведены были залпы со всѣхъ батарей по непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Турки не отвѣчали. Вечеромъ на нашихъ позиціяхъ былъ фейерверкъ, иллюминація и музыка. На позиціи генерала Скобелева былъ выставленъ изъ траншеи огромный транспарантъ съ надписью, извѣщавшею турокъ на ихъ языкѣ о взятіи Карса. Это, наконецъ, обозлило турокъ, и они открыли въ 11 часовъ вечера сильный ружейный огонь по позиціи Скобелева, въ отвѣтъ на который всѣ наши батареи осыпали ихъ гранатами. Черезъ 20 минутъ все утихло.

При этомъ у насъ были ранены 1 офицеръ и 2 рядовыхъ.

Послѣ этого подѣ Плевною опять потянулись томительно-однообразные дни. Долгая стоянка въ траншеяхъ и редутахъ, въ постоянной готовности къ бою, порождаетъ, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ адскую скуку. Еще въ положеніи осажденнаго, менѣе значительный въ сравненіи съ непріятельскими силами отрядъ, покоряясь суровой необходимости, какъ-то способнѣе къ терпѣливому и продолжительному выжиданію; но когда сосредоточиваются въ открытомъ полѣ огромныя массы войскъ, сознающихъ свое превосходство и не видящихъ ясно настоятельной необходимости въ бездѣйствіи, то за ихъ терпѣливое выжиданіе, даже при самой строгій дисциплинѣ, трудно было бы поручиться, въ особенности при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ жизни, какія выпали на долю нашихъ войскъ подѣ Плевною съ наступленіемъ суровой болгарской осени. Со 2-го ноября въ Болгаріи осень вполне уже вступила въ свои права и заявила о себѣ страшными туманами, не сходящими по нѣсколько дней сряду и дотогѣ густыми, что днемъ на двадцать шаговъ нельзя было ничего различить. Ночи сдѣлались холодными, и сырой туманъ дѣлалъ пребываніе въ траншеяхъ еще болѣе тягостнымъ. Представьте себѣ гору, открытую со всѣхъ сторонъ вѣтру, дождь съ мокрымъ снѣгомъ, грязь на днѣ траншеи, грязь въ траншеи и, вслѣдствіе глинистой почвы, дотогѣ липкую и скользкую, что трудно сдѣлать по ней нѣсколько шаговъ. Прибавьте къ этому сырой вѣтеръ, непріятно пронизывающій васъ до костей,—и вы получите только слабое представленіе о житьѣ на нашихъ позиціяхъ подѣ Плевною. Какова же должна была быть, въ это время года, жизнь въ траншеяхъ, безъ лишняго теплаго платья, для бѣднаго солдата, сидящаго со скорченными пальцами у курка и слѣдящаго за движеніемъ непріятеля!

Пребываніе въ резервѣ, въ землянкахъ, также не отличалось большими удобствами. Сырость и холодъ проникали и въ землянки, и часто, вмѣсто пола, стояли въ нихъ лужи грязи. Въ этихъ подземныхъ жилищахъ развелись вскорѣ всевозможные гады, массы мышей и лягушекъ, а въ одеждѣ лю-

дей—мириады извѣстныхъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ не были гарантированы и самые чистоплотные изъ офицеровъ. Прибавьте ко всему этому томительную неизвѣстность и страшное однообразие жизни, — и вы получите нѣкоторое понятіе объ отдыхѣ солдата послѣ проведеннаго дежурства въ грязныхъ траншеяхъ.

„Приближалась зима,—пишетъ въ извѣстномъ своемъ письмѣ къ Бріальмону генералъ Тотлебенъ;—умами овладѣвало нетерпѣніе, разжигаемое, сверхъ того, извѣстіемъ о взятіи штурмомъ Карса. Штурмъ предлагался многими, какъ единственное средство покончить и съ Плевною“ Но генералъ Тотлебенъ воспротивился этому. Дѣло въ томъ, что впоследствии, изъ разговора генерала Тотлебена съ самимъ Османомъ-пашею, обнаружилось, что Османъ-паша „положительно ожидалъ съ нашей стороны новой рѣшительной атаки; онъ жаждалъ ее отъ всего сердца, будучи вполне увѣренъ, что, благодаря данному его укрѣпленіямъ развитію, онъ отразитъ ее, нанесъ намъ еще болѣе значительныя потери, чѣмъ 30-го и 31-го августа. При помощи этого успѣха онъ не сомнѣвался въ возможности пробиться до истощенія у него продовольствія. Эта увѣренность Османа-паши въ отраженіи имъ всякой новой атаки на его позицію имѣла за собою большое основаніе и свидѣтельствуетъ, насколько рискованно было бы для насъ прибѣгать къ новому штурму Плевны, когда полное обложеніе ея, достигнутое съ такимъ трудомъ, уже состоялось и минуемо вело, само собою, безъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ съ нашей стороны, къ паденію этого города и его гарнизона.

Такимъ образомъ, пришлось нашимъ войскамъ терпѣливо покориться необходимости долгаго, томительнаго выжиданія, когда, наконецъ, настанетъ самъ собою роковой часъ отплаты врагу за июльскіе и августовскіе кровавые дни.

Въ половинѣ ноября наступила въ Болгаріи зима. Мокрый снѣгъ покрылъ бѣлою пеленою окрестности Плевны. Подулъ холодный вѣтеръ. Еще тяжелѣе стала жизнь въ траншеяхъ. Но русскій солдатъ, приученный съ дѣтства къ суровому климату своей родины, на погоду собственно не обращаетъ большаго вниманія, и бодрость духа при этомъ ему

не измѣняетъ; а потому, если дадутъ ему чарку водки и онъ немного согрѣется, то и въ холодъ, и сырость можетъ быть очень веселъ.

Совсѣмъ иначе вліяніе непривычной температуры отразилось на туркахъ, тѣмъ болѣе, что турецкое правительство почти ничѣмъ не предохранило солдатъ своихъ отъ дѣйствія холода. Дурная погода, одно время служившая подъ Плевною большою помѣхою для насъ, косвеннымъ образомъ явилась теперь для русскихъ очень кстати: она распатала узы дисциплины въ турецкихъ полкахъ и повлекла за собою частыя побѣги, являвшіеся прежде въ видѣ одиночныхъ случаевъ, а теперь—цѣлыми массами. Турецкіе дезиртиры, являвшіеся на наши позиціи изъ Плевны, представляли необыкновенно грустное зрѣлище совсѣмъ заброшенныхъ, оборванныхъ и голодныхъ людей. Всѣ они давали однородныя показанія, свидѣтельствовавшія о постепенномъ уменьшеніи продовольственныхъ запасовъ въ Плевнѣ, о возрастаніи въ ней дороговизны на жизненные припасы, о развитіи среди плевненскаго гарнизона болѣзненности и смертности, о выдачѣ солдатамъ все болѣе и болѣе уменьшенныхъ раціоновъ и т. п.; но пока еще никто не могъ сообщить ничего достовѣрнаго ни о планахъ самого Османа-паша, ни относительно того, на сколько времени хватитъ ему оставшихся запасовъ.

Съ нашей стороны была только усилена бдительность. Но при этомъ томительное выжиданіе становилось еще невыносимѣе. Для войскъ стали наконецъ необходимы развлеченія, и развлеченія эти не замедлили появиться въ довольно своеобразной формѣ. Не смотря на непрерывавшуюся все время канонаду съ обѣихъ сторонъ, тѣмъ не менѣе, на нашихъ позиціяхъ, какъ на мѣстѣ расположенія резервовъ, такъ и во многихъ редутахъ и даже въ нѣкоторыхъ траншеяхъ, военная музыка не умолкала: то заря съ церемоніей, то задача крестовъ нижнимъ чинамъ, то, наконецъ, просто ради потѣхи свободно неслись въ высь подъ болгарскимъ осеннимъ небомъ звуки маршей и полекъ. Въ одномъ мѣстѣ слышится поурри изъ „Жизни за Царя“, въ другомъ—оркестръ форси-сто играетъ „Славься, славься“, но при этомъ, вмѣсто колоколовъ, постоянно гудятъ пушки. Изъ иной траншеи доносится прекрасный мотивъ изъ

„Руслана“, или, съ другой стороны, воскресаетъ даже образъ „Madame Angot“, и вдругъ надъ головою гранаты начинаютъ свертиль воздухъ. На свѣжаго человѣка все это производило какое-то странное впечатлѣніе: не пьянъ ли, думалось, или не во снѣ ли это видишь? Одно другое какъ-то исключало: или пушки, или „Madame Angot“, вмѣстѣ же какъ-то не вязалось; но привычнымъ людямъ это не казалось уже страннымъ. Наша музыка, нужно думать, не мало развлекала и непріятеля, находившагося отъ нашихъ позицій въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ. Говорятъ, что самъ Османъ-паша, услышавъ однажды вечеромъ раздававшуюся изъ вновь воздвигнутаго Волынцами редута музыку, замѣтилъ: „До сихъ поръ я не слыхалъ этой музыки; вѣроятно, прибыла гвардія; надо бы передать, что мнѣ очень приятно такое сосѣдство, и я надѣюсь, что мы пробудемъ вмѣстѣ очень долго“...

Сами солдаты придумывали для себя и другія развлеченія. Вотъ падаетъ турецкая граната за брустверь; находится молодець, подбѣгаетъ къ ней, разставляетъ ноги и тушитъ, якобы, посмѣиваясь, что „отъ самой Аршавы такой посуды не видывалъ“ Окружающіе хохочутъ. Въ другомъ мѣстѣ ротный писарь ухищряется и чертитъ что-то углемъ на кускѣ изорванной палатки. По окончаніи его работы, можно было разобрать слѣдующее изрѣченіе: „Господинъ турка! сдавайся покуда тепло и намъ тебя жалко; будетъ холоднѣй намъ, а тебѣ отъ насъ жарко—небо съ овчинку покажется“ Это изрѣченіе спускается на поплавокъ по рѣкѣ Виду съ надписью: „Господину туркѣ“ Особенный интересъ возбуждали плѣнные турки и перекрѣпки. И обшарятъ, и оглядятъ, и поговорятъ съ такимъ субъектомъ почти поголовно всѣ, кто ни случится. Были и такіе случаи. Машетъ, напримѣръ, изъ своего ложементу турокъ бѣлымъ платкомъ; наши ему отвѣчаютъ тѣмъ же. Турокъ выходитъ изъ-за бруствера, бѣжитъ нѣсколько шаговъ впередъ, садится на корточки, потомъ встаетъ, машетъ платкомъ и бѣжитъ. А то нашъ солдатъ встанетъ на брустверь и показываетъ турку языкъ. Турокъ высовываетъ голову, стрѣляетъ и даетъ промахъ. Нашъ опять вскакиваетъ на брустверь, а двое товарищей уже держатъ ружья наготовѣ.

Какъ только турокъ снова высунулъ голову, наши „пальнули“, и турокъ завертѣлся въ воздухѣ. Или еще случай: движется медленно турецкій патруль. Наши машутъ его къ себѣ. Двое патрульныхъ идутъ, одинъ остается. Пришедшихъ накормятъ щами и кашей, дадутъ „тютюну“ и потомъ отпускаютъ съ миромъ: „гайда, на Плевну!“ На одной изъ нашихъ батарей какой-то юный артиллеристъ соорудилъ даже бумажнаго змѣя и ежедневно пускалъ его съ батареи въ направленію къ неприятелю. Солдатъ это очень забавляло: „Турецкій богъ летаетъ“, смѣялись они.

Многихъ смѣльчаковъ тянуло, однако, вонъ изъ траншеи. Выходили изъ траншей съ разнообразными цѣлями: за водою въ колодцы, для сбора дровъ, для рытья земляныхъ грушъ, для сбора винограда, который кое-гдѣ висѣлъ еще кисточками и походилъ на изюмъ. Цѣпи, наша и турецкая, сходились такъ близко, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и изъ нашей и изъ турецкой цѣпи приходилось ходить за водою или для сбора дровъ въ одно и то же мѣсто. И турки, и наши, въ этихъ случаяхъ, ходили сюда, по какому-то безмолвному соглашенію, безъ оружія и обиды другъ другу не дѣлали. Вотъ живой рассказъ о встрѣчѣ двухъ враговъ непримиримыхъ.

Одинъ изъ солдатъ Галицкаго полка забрался въ виноградникъ между нашею и турецкою цѣпью.

— Залѣзъ это въ кусты, налопался вволю, набралъ мѣшечекъ для нашихъ господъ и только уходитъ хочу—слышу, кто-то въ соседнемъ кустѣ копошится. Глянулъ и обмеръ. Здоровенный турка сидитъ на корточкахъ и жретъ виноградъ. И онъ, значить, меня запримѣтилъ—тоже испугался, глаза вытаращилъ, пальцы растопырилъ и ротъ разинулъ. Турокъ безъ ружья и при саблѣ, у меня тоже тесакъ. Я малость пришелъ въ себя: „что, братъ, говорю, виноградъ кушаешь?“ Онъ это видитъ, что я по божески, мирно, тоже засмѣялся—руку протягиваетъ. Потомъ табакомъ онъ меня угостилъ. Показали мы одинъ другому деньги—я расейскія, а онъ свои, ну, а послѣ того и разошлись, только все бокомъ—поглядывая другъ на дружку.

Съ тѣхъ поръ и наши, и турки нѣкоторое время подкрадывались къ кустамъ ночью тайкомъ, а

потомъ, мало-по-малу, перезнакомились между собою и начали бродить въ этотъ виноградникъ даже днемъ, безъ церемоніи. Нерѣдко случалось даже такъ, что рветъ, бывало, виноградъ казакъ, а при немъ приходитъ турокъ, поздоровадается съ казаккомъ, подастъ ему руку и тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него продѣлываетъ ту же работу, т. е. уничтожаетъ виноградъ. Окончивъ работу и насытившись вдоволь, враги расходятся въ разные стороны, на свои позиціи, какъ ни въ чемъ не бывало, и, уходя, вѣжливо раскланиваются.

Страшная скука и убійственное однообразіе жизни въ траншеяхъ заставляли нашихъ солдатиковъ прибѣгать иногда къ весьма рискованнымъ шуткамъ. Такъ, одинъ солдатикъ, соскучившись сидѣть въ траншеѣ, перелѣзъ черезъ брустверъ, проползъ нѣсколько сажень впередъ на гору, пробрался между турецкими часовыми, и неожиданно вскочивъ на ноги, что есть мочи закричалъ: „дураки!“,—и кубаремъ слетѣлъ съ горы прежде, чѣмъ турки успѣли пустить ему въ догонку залпомъ...

Часто наши солдаты забирались на турецкія позиціи и съ болѣе опредѣленною цѣлью. Напримѣръ, на нѣкоторыхъ нашихъ позиціяхъ формировались отряды охотниковъ, которые по ночамъ залѣзали въ турецкіе секреты передъ редутами и иногда возвращались оттуда съ трофеями: ружьями Пибоди, шашками, галетами. Одинъ молодой охотникъ пріобрѣлъ маленькую турецкую книжку (какъ оказалось послѣ — „Коранъ“), которую онъ отнял у убитаго старика-турка.

— Каждую ночь,—разсказывалъ этотъ солдатикъ,—онъ сидѣлъ въ секретѣ у колодца передъ первымъ номеромъ. Сидитъ, что-то бормочетъ да хрипло кашляетъ; какъ ужъ онъ намъ надоѣлъ своимъ кашлемъ—потому близко. Вотъ я, это, и поспорилъ съ товарищемъ на фунтъ табаку, что вылеку его—перестанетъ онъ кашлять; прошедшую ночь подползъ я къ нему сзади, да штыкъ въ спину и всадилъ—только захрипѣлъ раза два и духъ выпустилъ.

Стада скота, пасшіяся по отлогостямъ плевенскихъ горъ, составляли также сильную приманку не только для нашей артиллеріи, но и для казаковъ. Послѣ того, какъ артиллерія наша за р. Видомъ нѣсколько разъ стрѣляла по турецкимъ стадамъ,

турки стали выгонять скотъ на водопой къ рѣкѣ Виду ночью. Казаки все это разнюхали и рѣшились поживиться турецкою скотинкою. Ночью залегли они въ канавку и стали выжидать. Когда стемнѣло, черкесскіе аванпосты спокойно перешли черезъ Видъ и приблизились къ нашимъ, вслѣдствіе чего казаки очутились позади ихъ цѣпей. Спустя нѣкоторое время, потянулся скотъ; казаки бросились на него; поднялась суматоха, черкесы открыли стрѣльбу и кинулись спасать стадо, которое, однако, распуганное, разбѣжалось во все стороны; между прочимъ, часть кинулась сквозь наши аванпосты и была захвачена казаками.

Въ походе за турецкимъ скотомъ особенно отличился унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Андрей Мицура. Подобралъ себѣ десять человѣкъ охотниковъ, онъ, въ ночь на 20-е октября, отправился съ ними на поиски. Пройдя осторожно значительное разстояніе отъ нашихъ траншей и пробравшись незамѣтно мимо турецкаго патруля, охотники наши приблизились, наконецъ, къ турецкой деревнѣ Блазевацъ; но тутъ противъ нихъ поднялся страшный лай собакъ. Не желая поднимать суматохи въ деревнѣ, Мицура велѣлъ товарищамъ отойти нѣсколько назадъ и оставаться на мѣстѣ, а самъ съ рядовымъ Даниломъ Моцаномъ отправился въ обходъ деревни, чтобы забраться въ нее съ другой стороны. Еще разъ наткнувшись на турецкаго часоваго, сидѣвшаго на пути ихъ въ кустарникѣ, Мицура и его товарищъ притаились ненадолго, отползли немного въ сторону и, взявъ затѣмъ другое направленіе, попали, наконецъ, въ самую деревню. При этомъ нужно замѣтить, что во многихъ болгарскихъ избахъ одинъ скатъ крыши упирается въ землю, а противоположный скатъ оканчивается отъ земли на высотѣ около сажени. Данило Моцанъ, полагая въ темнотѣ, что онъ лѣзетъ на бугоръ, взобрался по одному такому скату крыши на избу, но съ другой ея стороны неожиданно оборвался, упалъ и надѣлалъ шуму. На этотъ шумъ тотчасъ же выбѣжалъ изъ хаты болгаринъ, къ счастью, оказавшійся очень гостепріимнымъ. Онъ позвалъ нашихъ охотниковъ къ себѣ въ избу и угостилъ ихъ ужиномъ. Здѣсь Мицура узналъ отъ хозяина, что скотъ у нихъ въ деревнѣ не турецкій, а ихъ собствен-

ный, деревенскій, и что болгары согласны были бы перегнать его на русскую сторону, если бы теперь не было уже такъ поздно. „Гайда, братушки, до дому,—заклучилъ болгаринъ:—турецкій аскеръ на караулъ“

Мицура съ Моцаномъ вышли на разсвѣтъ на улицу, незамѣтно пробрались деревнею и, соединившись съ ожидавшими ихъ товарищами, благополучно вернулись въ роту.

Послѣ этого Мицура еще нѣсколько разъ пробирался по ночамъ въ Блазевацъ, передружился тамъ со всеми болгарами и, наконецъ, перевелъ таки ихъ, одною темною ночью, на нашу позицію со стадомъ скота головъ въ восемьдесятъ.

Иногда, впрочемъ, нашимъ приходилось забираться на турецкія позиціи совершенно невольно, такъ сказать „мирнымъ путемъ“, благодаря тѣмъ страшнымъ туманамъ, которые очень часто завлакивали окрестности Плевны. Такъ, 9-го ноября, поручикъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка Куткинъ, возвращаясь съ важными бумагами съ позиціи у Дольняго Дубняка въ Тученицу, гдѣ онъ состоялъ ординарцемъ при генералѣ Тотлебенѣ, заѣхалъ по пути въ Тринию на позицію лейбъ-гвардіи Волынскаго полка и, встрѣтившись здѣсь съ своимъ товарищемъ, поручикомъ Рябнѣинымъ, состоявшимъ также при генералѣ Тотлебенѣ, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Тученицу. Дороги они хорошенько не знали.

Надъ мѣстностью стоялъ густой туманъ. Въ пятнадцати шагахъ ничего нельзя было разглядѣть. Проѣхали они съ часъ времени. Вдругъ видятъ предъ собою темныя очертанія грознаго редута, а на встрѣчу имъ съ горки спускается уже какой-то всадникъ. Полагая, что они подѣхали къ русскому редуту, Куткинъ уже крикнулъ-было верховому: „Эй! куда, братецъ, ведетъ эта дорога?“—но, къ изумленію нашихъ путниковъ, вмѣсто отвѣта, они увидѣли цѣлый десятокъ направленныхъ въ нихъ съ разныхъ сторонъ ружей. Оказалось, что они попали въ Кришинскій редутъ. Турки оцѣпили ихъ. Съ офицерами былъ конвойный казакъ. Всемъ имъ троимъ грозилъ или плѣнь, или смерть. Къ счастью, офицеры были не изъ робкаго десятка. Перекинувшись между собою нѣсколькими словами, они условились сказаться парламентарями, и тотчасъ же обвязали бѣлыми плат-

ками рукава. Турки, не понимавшіе русскаго языка, опустили ружья и повели ихъ къ своему начальству. Дорогой офицеры обдумали уже, что сказать. Однако имъ пришлось пережить нѣсколько тяжелыхъ часовъ, такъ какъ при нихъ не было ни флага, ни трубача, и ихъ выдумка о парламентарской миссіи могла быть каждую минуту обнаружена. Самозванныхъ парламентаровъ привели, наконецъ, въ палатку, куда вскорѣ явился самъ начальникъ штаба, Тевфикъ-паша. Офицеры успѣли объяснить ему, на французскомъ языкѣ, что генераль Каталей, начальникъ отряда, расположеннаго между р. Видомъ и д. Брестовацомъ, послалъ, дескать, ихъ къ начальнику соответствующаго участка турецкой позиціи съ предложениемъ обоюдно прекратить огонь до утра, такъ какъ въ войскахъ генерала Каталея большой праздникъ. Тевфикъ-паша выслушалъ это, послалъ телеграмму за приказаніями къ Осману-пашѣ, а самъ предложилъ офицерамъ кофе. Послѣднимъ, разумеется, было не до кофе; однако они принялись за него и, стараясь сохранить спокойный видъ людей, пріѣхавшихъ по долгу службы, кое-какъ поддерживали съ пашею разговоръ. Между тѣмъ, прибывшій съ офицерами конвойный казакъ оставался внѣ палатки и также принималъ отъ турокъ угощеніе, состоявшее изъ галетъ и кофе. Отъ роду не пробовавши этого напитка, казакъ нашъ, блѣдный какъ полотно, однако выпилъ со страху чашекъ шесть кофе и съѣлъ нѣсколько штукъ галетъ. Наконецъ Тевфикъ-паша получилъ отъ Османа-паши согласіе на предложеніе офицеровъ и объявилъ имъ, что они могутъ теперь ѣхать. Не желая преждевременно обнаруживать радости по случаю такого счастливаго исхода дѣла, офицеры учтиво раскланялись съ пашею и отправились въ путь. Имъ дали въ провозатые цѣлый турецкій патруль. Но изъ этого патруля вскорѣ остался только одинъ турокъ, да и тотъ произнесъ „бурда“ (здѣсь) и вслѣдъ затѣмъ тоже исчезъ.

Тутъ только наши офицеры вздохнули свободно и вскорѣ затѣмъ очутились на нашихъ позиціяхъ.

Радости и смѣху не было конца. Особенно офицеры радовались сохраненію въ цѣлости бывшихъ съ ними весьма важныхъ бумагъ.

Но какова должна была быть досада и удивленіе турокъ, когда на слѣдующій день они услышали съ

нашей позиціи, вмѣсто веселыхъ звуковъ праздника, обычный громъ канонады!

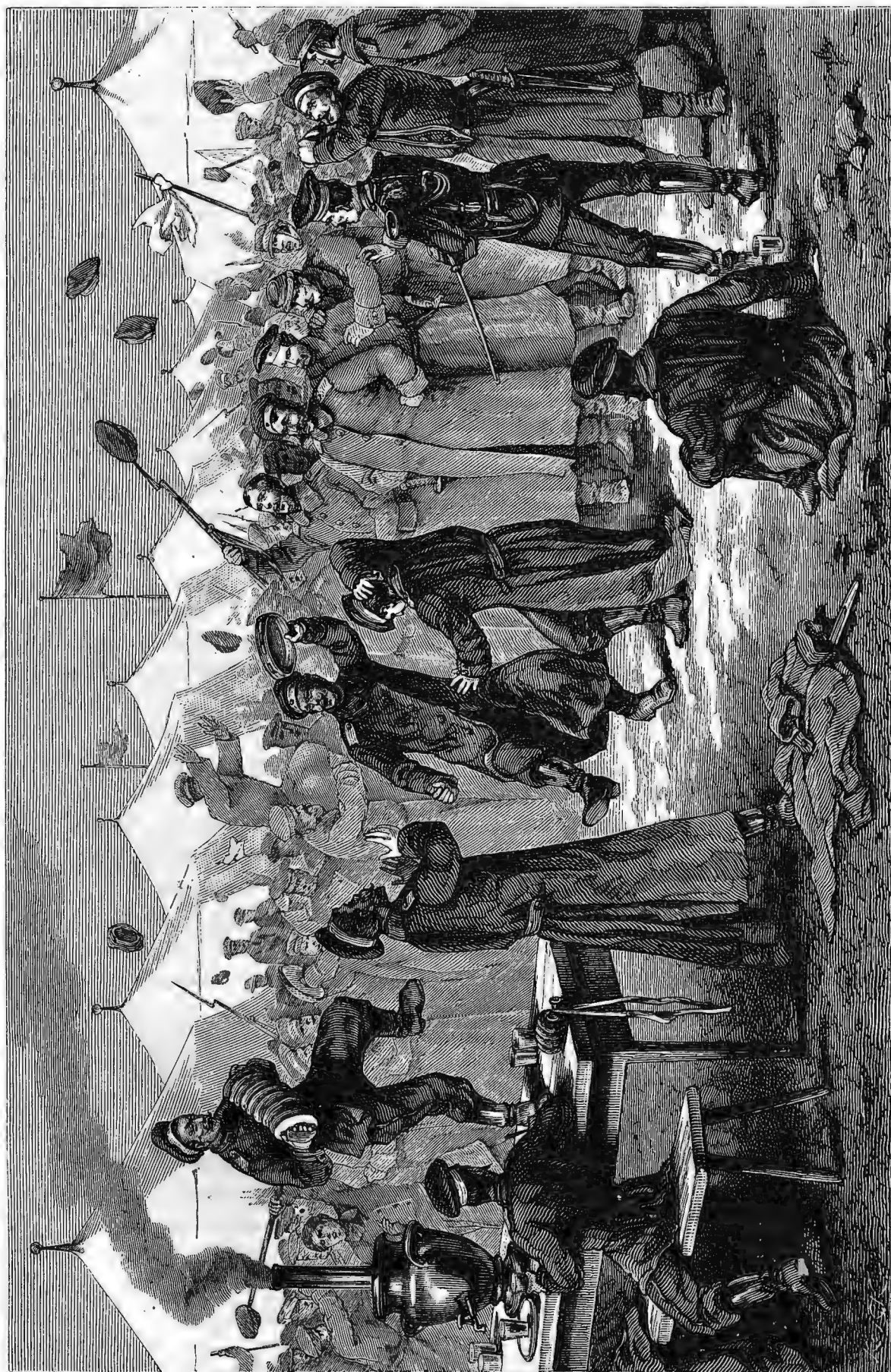
Въ свою очередь, и туркамъ, благодаря роковымъ плевненскимъ туманамъ, разъ пришлось попасть ошибкою на наши позиціи. Дѣло происходило въ началѣ ноября, въ только-что возведенныхъ траншеяхъ на Зеленыхъ горахъ. Была отбита одна изъ яростныхъ атакъ турокъ. Перестрѣлка уже прекратилась. Только слышатъ наши солдаты, что къ траншеѣ подѣхали двѣ каруцы на буйволахъ. Одинъ солдатикъ подбѣжалъ къ нимъ и кричитъ радостно-сдержаннымъ голосомъ: „Братцы, а вѣдь ужинъ-то намъ привезли! Вотъ такъ молодецъ артельщикъ!“ Голодные солдаты мигомъ бросились къ повозкамъ, вытащили изъ-за голенищъ ложки и принялись изъ стоявшихъ на каруцахъ котловъ хлебать пищу. „Чудной, братцы, супъ какой! Да гдѣ же порціи, слышь ты?“ — замѣтилъ кто-то, подходя къ одному изъ привезшихъ пищу, но тутъ же остолбенѣлъ: передъ нимъ стоялъ здоровенный турокъ въ фескѣ, не менѣе его удивленный и къ тому же страшно испуганный. Оказалось, что въ руки нашихъ солдатъ попала турецкая кухня, которую везли съ запасомъ вареной фасоли на турецкую позицію, но, за туманомъ и темнотою, привезли въ русскій отрядъ. Замѣтивъ ошибку, турокъ-возница задергалъ-было возжами, чтобы повернуть лошадей, но его уже обступили со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ смѣхомъ приступили къ изслѣдованію турецкихъ котловъ.

Разказы о подобныхъ случаяхъ и подвигахъ переходили съ одной нашей позиціи на другую и служили не малымъ развлеченіемъ для нашихъ скучавшихъ солдатъ.

Между тѣмъ, роковой день возмездія за три Плевны приближался.

Въ районѣ Западныхъ Балкановъ, гдѣ собиралась для выручки Османа-паши турецкая армія Мегемета-Али-паши, генераль Гурко взялъ съ боя, 13-го ноября, укрѣпленную позицію Правецъ. Въ тотъ же день занять былъ Этрополь. 17-го ноября взять былъ Златицкій переваль, а появленіе войскъ генерала Гурко близъ Шандорника заставило турокъ очистить всю линію Орханіе-Арабъ-Конакъ.

Положеніе Османа-паши въ Плевнѣ становилось безнадежнымъ. Продовольственные запасы, по сооб-

Празднованіє взятія Плевны и Карса.

щеніямъ дезертировъ, у него были уже на исходѣ. Со взятіемъ же генераломъ Гурко Орханіе, Осману-пашѣ нечего было и думать, чтобы оттуда могла теперь прійти ему помощь. Теперь ему оставалось самому вырваться изъ желѣзныхъ объятій русскаго осаднаго отряда.

Однако русскіе на столько уже свыклись, въ теченіи пяти-мѣсячнаго сидѣнья подъ Плевною, съ неподвижностью арміи Османа-паши и его вѣрностью къ насиженному мѣсту, что никому какъ-то и не вѣрилось, чтобы наступилъ когда-нибудь конецъ этому сидѣнью. Всѣхъ, попрежнему, продолжали угнетать эта неизвѣстность развязки и эта томительно-долгая стоянка насторожѣ.

А тутъ еще, совершенно неожиданно, грянулъ громъ оттуда, откуда его и не ожидали. На нашемъ восточномъ фронтѣ, турки, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ нападеній на русскіе отряды на р. Янтрѣ, вдругъ измѣнили маневръ и неожиданно набросились съ огромными силами на нашъ слабый отрядъ на позиціи у Елены. 22-го ноября турки смяли его и взяли первыхъ русскихъ плѣнныхъ (200 человекъ) изъ дунайской арміи. Въ этотъ разъ мы понесли крупную неудачу. Черезъ Елену турки грозили Тырнову, пылу шипкинскихъ позицій и даже спокойному продолженію блокады Плевны. Но помощь нашему разбитому отряду подоспѣла скоро. Турки отступили отъ Елены, и 22-е ноября было послѣднимъ, такъ сказать, результатомъ нашей неосторожности и нерасчетливости, но зато и послѣднимъ успѣхомъ турецкаго оружія, тѣмъ болѣе, что задуманное турками одновременное наступленіе на Тырновъ съ трехъ различныхъ сторонъ теперь не могло уже состояться: армія Мегемета-Али-паши была окончательно парализована отрядомъ генерала Гурко, наши шипкинскіе герои держались попрежнему стойко, а одинъ Сулейманъ-паша многого сдѣлать не могъ.

На всемъ болгарскомъ театрѣ войны вновь наступила тишина. Тревожныя ожиданія и обманутыя надежды опять волновали всѣхъ сильнѣе прежняго. Теперь не только не вѣрилось, но какъ-то уже не хотѣлось и думать о томъ, чтобы когда-нибудь пришелъ, въ самомъ дѣлѣ, конецъ этому томительному застою въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Но вотъ подъ Плевною начали быстро обнаружи-

ваться, одинъ за другимъ, признаки близкой развязки этого томленія.

На наши позиціи стали чаще и чаще приходитъ свѣдѣнія о рѣшительномъ намѣреніи Османа-паши пробиться изъ Плевны. Правда, свѣдѣнія эти, доставляемыя перебѣжчиками, были довольно сбивчивы и разнорѣчивы, но они настойчиво указывали на необходимость съ нашей стороны быть насторожѣ. Это заставило генерала Тотлебена произвести маневръ войскамъ въ часткахъ, прилегающихъ къ Софійскому шоссе и ввѣренныхъ генераламъ Ганецкому и Каталею, съ цѣлью точнаго расчета времени, необходимаго на сосредоточеніе войскъ въ этихъ пунктахъ, такъ какъ Османъ-паша, по всѣмъ соображеніямъ, долженъ былъ пробиваться изъ Плевны въ направленіи по Софійскому шоссе.

23-го ноября на Гривицкій редутъ вышли два турецкихъ офицера, которые заявили начальнику румынскихъ войскъ, что Османъ-паша намѣренъ сдѣлать попытку къ прорыву на Гривицу и Софійское шоссе въ ночь на 24-е число. Войска наши были немедленно предувѣдомлены объ этомъ и всѣ находились въ полной готовности къ встрѣчѣ противника. Но заявленіе это не подтвердилось.

Утромъ 26-го ноября на позицію генерала Скобелева также явился перебѣжчикъ, турецкій барабанщикъ, болгаринъ Божисъ Гешовъ. Онъ показалъ, что три дня тому назадъ Османомъ-пашею былъ отданъ приказъ о выступленіи его арміи въ Виддинъ; что третій день уже какъ роздана его солдатамъ обувь, масло для смазки оружія и запасы сухарей; что всѣ ружья были исправлены мастерами изъ Плевны; что къ сторонѣ моста черезъ рѣку Видъ собираются, съ цѣлью прорыва, башибузуки, семейства турокъ, а также войска съ артиллеріей и снарядами; что больные и раненые турки остаются въ Плевнѣ, а укрѣпленія рѣшено занять только нѣсколькими таборами; что туркамъ, занимающимъ траншеи, запрещено стрѣлять, и что, наконецъ, плевненскіе болгаре готовятъ уже русскимъ встрѣчу.

Хотя вышеприведенное показаніе и не давало опредѣленныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ турокъ*),

*) По словамъ болгарина Божисъ Гешова, турецкіе офицеры будто бы объяснили солдатамъ, что русскіе откроютъ имъ дорогу на Виддинъ, а они отдадутъ намъ Плевну.

однако генераль Скобелевъ придалъ ему большое значеніе и лично сообщилъ генералу Тотлебену.

Въ тотъ же день, 26-го ноября, съ позицій генерала Ганецкаго были замѣчены толпы турокъ, конныхъ и пѣшихъ, собравшихся въ лагерѣ за предмостнымъ укрѣпленіемъ. Наша артиллерія, подъ прикрытіемъ двугъ гренадерскихъ полковъ, выѣхала впередъ и весьма удачнымъ огнемъ разогнала турокъ.

Съ 26-го же ноября артиллерійскій огонь непріятели сталъ замѣтно слабѣть, а 27-го числа онъ совершенно замолкъ.

Наступило по всей линіи полное спокойствіе. Тишина нарушалась только обычными выстрѣлами съ нашихъ батарей. Турки почти не отвѣчали. Однако развѣдки нашихъ охотниковъ обнаружили присутствіе турокъ въ траншеяхъ.

Такимъ образомъ, показанія перебѣжчиковъ какъ бы не оправдывались. Перебѣжчикамъ, впрочемъ, никто особенно и не вѣрилъ, такъ какъ доставляемые ими свѣдѣнія зачастую оказывались ложными. Что же касается молчанія турокъ, то русскимъ подъ Плевною, не въ первый разъ уже приходилось видѣть предъ собою молчаливыя насыпи редутовъ, которые, однако, при малѣйшемъ обнаруженномъ съ нашей стороны движеніи впередъ, начинали извергать пламя и смерть.

Поэтому и въ этотъ разъ всѣ чего-то ожидали, но чего именно—никто не зналъ. Можно сказать, каждый ждалъ только тревоги. О томъ же, что развязка плевенской исторіи дѣйствительно близка, никому и на умъ не могло прійти, ибо даже въ случаѣ дѣйствительной попытки со стороны Османа-паши прорваться чрезъ нашу линію дѣло могло еще ничѣмъ окончиться: не въ первый уже разъ турки подъ Плевною переходили въ наступленіе, не одинъ разъ мы отбивали ихъ атаки, и каждый разъ послѣ этого турки снова возвращались въ свои укрѣпленія и снова принимались „отсиживаться“, отчего дѣло, конечно, нисколько не подвигалось къ концу.

Нужно еще припомнить, что наша линія обложенія тянулась вокругъ Плевны на 70 верстъ, а потому, въ случаѣ рѣшимости Османа-паши прорваться чрезъ эту линію, возможно было ожидать съ его стороны демонстративныхъ атакъ на тѣ или другіе пункты нашихъ позицій, съ цѣлью отвлече-

нія нашего вниманія отъ истиннаго пункта предположеннаго имъ прорыва. Въ виду возможности этихъ фальшивыхъ атакъ, русскіе вообще были какъ-то склонны недовѣрчиво относиться къ ожидаемымъ попыткамъ Османа-паши къ прорыву. Въ случаѣ дѣйствительнаго перехода турокъ въ какомъ-либо пунктѣ въ наступленіе, всякій невольно могъ подумать, что это, можетъ быть, только фальшивая атака, а на самомъ дѣлѣ Османъ-паша, можетъ быть, намѣренъ пробиться или даже пробивается гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, съ другой стороны Плевны, за десятки верстъ отъ упомянутаго пункта. Это сознаніе невозможности сразу опредѣлить, при растянутости нашей линіи, истиннаго намѣренія непріятели, весьма естественно ослабляло въ русскихъ готовность сразу встрѣтить врага рѣшительнымъ ударомъ, опасаясь, какъ бы не потребовалось въ тотъ же моментъ направить этотъ ударъ куда-нибудь въ другое мѣсто, находящееся въ болѣе критическомъ положеніи. Понятно также, что это неопредѣленное положеніе еще болѣе тяготило русскихъ, только увеличивая съ каждымъ днемъ ихъ тревожное состояніе и заставляя ихъ все болѣе и болѣе усиливать свою бдительность.

При такихъ обстоятельствахъ наступилъ канунъ 28-го ноября.

Всѣ ночи до 28-го ноября были особенно облачны, а по утрамъ густой туманъ совершенно скрывалъ противника отъ нашихъ глазъ. Въ виду этого, за послѣдніе дни бдительность на передовыхъ нашихъ постахъ была удвоена.

Къ вечеру 27-го ноября небо разразилось неожиданно свѣзнымъ буруномъ, и все кругомъ опять сдѣлалось бѣло.

Въ это время, на позиціи генерала Ганецкаго, стоявшая на аванпостахъ кавалерія (отъ полковъ 9-й кавалерійской дивизіи) стала замѣчать у непріятели какое-то движеніе.

Отрядъ генерала Ганецкаго занималъ оборонительную линію по лѣвому берегу р. Вида, отъ ручья, протекающаго черезъ Дольній Дубнякъ и впадающаго въ р. Видъ, до редута впереди д. Биволаръ, пересекая, такимъ образомъ, Софійское шоссе и проселочную дорогу изъ Плевны въ Махалету (ведущую на Горній Петрополь).

Эта линія, простиравшаяся почти на 8 верстъ,

оборонялась 46 батальонами, 16 эскадронами и 18 батареями, принадлежавшими къ отряду генерала Ганецкаго. Всего въ отрядѣ числилось около 30,000 человѣкъ пѣхоты, 2,000 кавалеріи и 136 орудій. Такимъ образомъ, на каждые десять шаговъ вышеупомянутой линіи приходилось около 25 человѣкъ пѣхотинцевъ.

Непріятель, въ случаѣ своего намѣренія прорваться черезъ этотъ участокъ, могъ избрать для себя три пути наступленія:

1) онъ могъ двинуться отъ д. Опанца на Биволарь и Семереть-Трестяникъ, по направленію къ сѣверозападу.

2) могъ также двинуться отъ каменнаго моста черезъ р. Видъ, по проселочной дорогѣ, на Горній Нетрополь и Махалету, въ направленіи къ Виддину,

и 3) наконецъ, могъ двинуться по Софійскому шоссе, на Дольній и Горній Дубнякъ, по направленію къ Орханіе.

Въ виду этого, вышеобозначенныя силы отряда генерала Ганецкаго должны были быть распредѣлены, на протяженіи 6-го участка такъ, чтобы быть вездѣ готовыми къ сильной встрѣчѣ противника на первыхъ порахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть позади себя настолько свободныхъ резервовъ, чтобы, по окончательномъ выясненіи направленія главной атаки непріятеля, можно было направить ихъ на угрожаемый пунктъ.

Все это было соображено и намѣчено заранѣе, по указаніямъ самого генерала Тотлебена.

Въ ночь съ 27-го на 28-е ноября на позиціи 6-го участка дежурными частями были:

На правомъ флангѣ, по обѣимъ сторонамъ Софійскаго шоссе, передовую линію траншей (отъ ручья до „Московскаго“ лонета) занималъ 5-й гренадерскій Кіевскій полкъ. Ближайшею поддержкою ему служилъ 6-й гренадерскій Тавричскій полкъ. Такимъ образомъ, на очереди здѣсь находилась вся 1-я бригада 2-й гренадерской дивизіи.

Другая (2-я) бригада 2-й гренадерской дивизіи (полки 7-й гренадерскій Самогитскій и 8-й гренадерскій Московскій) оставалась въ Дольнемъ Дубнякѣ, составляя на правомъ флангѣ подвижной резервъ, назначеніе котораго заключалось въ томъ, чтобы подкрѣпить своихъ, если бы главная атака

была направлена на позицію 2-й гренадерской дивизіи, или же помочь сосѣднимъ войскамъ.

Въ центрѣ, по обѣ стороны Плевно-Махалетской проселочной дороги, передовую линію траншей занималъ 9-й гренадерскій Сибирскій полкъ.

Ближайшею поддержкою ему служилъ 10-й гренадерскій Малороссійскій полкъ.

Такимъ образомъ, и здѣсь на очереди была вся 1-я бригада 3-й гренадерской дивизіи.

Другая (2-я) бригада 3-й гренадерской дивизіи (полки 11-й гренадерскій Фанагорійскій и 12-й гренадерскій Астраханскій) оставались у Горняго Нетрополя, составляя подвижной резервъ центра.

Такимъ образомъ, собственно два гренадерскихъ полка — 5-й — Кіевскій и 9-й — Сибирскій — занимали всѣ ложементы передовой оборонительной линіи, отъ дубнякскаго ручья до Дольняго Нетрополя. На правомъ флангѣ, у Софійскаго шоссе, какъ наиболѣе удобнаго для турокъ, ложементы были заняты гуще; въ центрѣ же, впереди Горняго Нетрополя, слабѣе, въ видѣ цѣпи. Протяженіе послѣдней линіи было не менѣе трехъ верстъ, такъ что Сибирскій полкъ сильно растянулся.

Всѣ 9-ти-фунтовыя орудія обѣихъ артиллерійскихъ бригадъ гренадерскаго корпуса были размѣщены по позиціоннымъ батареямъ оборонительной линіи. 4-хъ-фунтовыя же батареи находились при вторыхъ бригадахъ своихъ дивизій, составлявшихъ подвижные резервы.

На лѣвомъ флангѣ 6-го участка, отъ Дольняго Нетрополя до с. Биволарь, всю линію ложементовъ и лонетъ занимали 17-й Архангелогородскій полкъ и два батальона румынской бригады Каптели, съ двумя румынскими батареями за закрытіями.

Въ резервъ, за 17-мъ Архангелогородскимъ полкомъ, стоялъ 18-й Вологодскій полкъ, съ двумя батареями 5-й артиллерійской бригады. За румынскими войсками должны были стоять въ резервъ румынскія же войска.

Кавалерія генерала Лошкарева: 9-й драгунскій Казанскій и 9-й гусарскій Кіевскій полки, со 2-ю донскою батареею и 7-ю конно-артиллерійскою батареею, должны были, въ случаѣ тревоги, расположиться въ промежуткѣ между Дольнимъ Дубнякомъ и Горнимъ Нетрополемъ, а 9-й уланскій Буг-

скій и Донской № 4-го полки, съ 7-ю конно-артиллерійскою батареею, должны были стать впереди Горняго Петрополя.

Самъ генералъ Ганецкій со штабомъ находился въ Дольнемъ Дубнякъ.

Что касается мѣстности впереди оборонительной линіи 6-го участка, то она представляетъ обширную площадь, которая пологими уступами спускается къ рѣкѣ Виду; уступы эти пересѣкаются по мѣстамъ неглубокими, извилистыми лощинами.

Центръ оборонительной линіи, т. е. позиція Сибирскаго полка, отстояла отъ моста черезъ рѣку Видъ на разстояніи отъ 3 до 4 верствъ. При этомъ шагахъ въ 500 впереди расположенія Сибирскаго полка имѣлась узкая, но длинная лощина, тянувшаяся вдоль лѣваго берега рѣки Вида, гдѣ могла скрыться цѣлая непріятельская дивизія, оставаясь незамѣченною съ позиціи гренадеровъ.

Правый берегъ рѣки Вида, занятый непріателемъ, напротивъ, гористъ и значительно командуетъ надъ лѣвымъ берегомъ, вслѣдствіе чего всѣ движенія и размѣщеніе нашихъ войскъ на лѣвомъ берегу рѣки должны были совершаться на глазахъ непріятеля. Такимъ образомъ, расположеніе нашихъ войскъ на позиціи 6-го участка не было секретомъ для противника, тогда какъ всѣ свѣдѣнія о непріателѣ мы могли знать только черезъ перебѣжчиковъ, далеко не всегда доставлявшихъ вѣрныя свѣдѣнія о противникѣ.

Немного сѣвернѣе моста черезъ рѣку Видъ, правый гористый берегъ рѣки значительно раздвигается, образуя длинную лощину, ведущую въ городъ Плевну и спускающуюся къ рѣкѣ Виду широкимъ, изменнымъ берегомъ, приходившимся также какъ разъ противъ позиціи Сибирскаго полка. По южной сторонѣ этой лощины проходитъ Софійское шоссе и высятся Зеленныя горы, а къ сѣверу лежатъ Опанецкія высоты.

Въ виду трудности наблюденія съ нашей стороны за непріателемъ, впереди оборонительной линіи 6-го участка, по лѣвому берегу р. Вида, выставлялись каждую ночь усиленные кавалерійскіе аванпосты и разъѣзды, и, кромѣ того, отъ пѣхоты высылались роты для содержанія секретовъ и постовъ, поставленныхъ за небольшими ложементами.

Въ ночь съ 27-го на 28-е ноября посты про-

тивъ центра оборонительной линіи 6-го участка содержалъ 2-й эскадронъ 9-го гусарскаго Кіевскаго полка.

Еще съ вечера гусарами было замѣчено, что къ каменному мосту на рѣкѣ Видъ подошли около двухъ ротъ непріятеля и что такая же непріятельская часть двигалась по шоссе отъ Плевны къ мосту. Доносилъ объ этомъ начальнику передовой оборонительной линіи, командиру 2-й гренадерской дивизіи, генералъ-маіору Цеге-фонъ-Мантейфелю, командиръ гусарскаго эскадрона, маіоръ Карѣевъ, усилилъ свои посты.

Съ наступленіемъ ночи, свѣжшая мятель, свирѣпствовавшая въ теченіи дня, утихла. Небо покрылось густыми свинцовыми облаками. Кругомъ не видно было ни зги...

Около полуночи разъѣзды маіора Карѣева подошли къ самой рѣкѣ и слышали шумъ какъ-бы отъ движенія колесъ и стукъ, походившій на то, какъ будто строили мостъ на рѣкѣ. Обо всемъ этомъ маіоръ Карѣевъ, въ 12 часовъ ночи, донесъ начальнику оборонительной линіи и самому генералу Ганецкому, находившемуся въ Дольнемъ Дубнякъ.

Въ тотъ же часъ ночи генералъ Ганецкій получилъ телеграмму отъ начальника штаба отряда обложенія, князя Имеретинскаго, слѣдующаго содержанія: „Генералъ Вѣлокопытовъ телеграфируетъ, что, по показанію дезертира, Османъ-паша намѣренъ прорваться на Софійское шоссе въ эту ночь. Свѣдѣніе это подтверждается и другими донесеніями и показаніями“

И дѣйствительно, около 3-хъ часовъ пополудни, разъѣзды маіора Карѣева вновь услышали шумъ за рѣкою, значительно усилившійся; хотя за темнотою и трудно было разглядѣть, въ чемъ дѣло, но было ясно, что противникъ собираетъ войска. тѣмъ болѣе, что видно было даже движеніе фонарей. Вслѣдъ за тѣмъ маіоръ Карѣевъ послалъ донесеніе генералу Ганецкому о томъ, что у р. Вида замѣтно большое скопленіе народа.

Въ то же время, т. е. около четырехъ часовъ утра, генералъ Ганецкій получилъ отъ начальника штаба плевноловчинскаго отряда, подполковника Куропаткина, телеграмму слѣдующаго содержанія: „Перебѣжчикъ показалъ, что Кришинскій редутъ оставленъ турками, которые собираются къ мосту на

рѣкъ Видь для наступленія; если это окажется справедливымъ, то Скобелевъ двинетъ бригаду 16-ой дивизіи въ Дольній Дубнякъ“

Генералъ Ганецкій, извѣстивъ обо всемъ этомъ начальниковъ гренадерскихъ дивизій, а также генералъ-лейтенанта Каталя, послалъ, въ то же время, къ послѣднему ординарца, съ просьбою перевести на лѣвый берегъ р. Вида бригаду 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, и вскорѣ получилъ отъ него депешу съ увѣдомленіемъ, что гвардейская бригада переправится черезъ рѣку въ 7 часовъ утра.

Въ виду того, что подобныя тревоги, въ особенности на позиціи 6-го участка, происходили уже не разъ, генералъ Ганецкій ограничился только вышеупомянутыми мѣрами, тѣмъ болѣе, что ни направленіе движенія непріятеля, ни цѣли этого движенія еще не было извѣстны.

Однако генералъ Ганецкій и штабъ его не спали всю ночь; лошади были осѣдланы; съ минуты на минуту ожидали тревоги. Въ такомъ же тревожномъ ожиданіи находились и войска его отряда. Командующій 3-ю гренадерскою дивизіею, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Даниловъ, отправился лично на позицію.

Все это, однако же, было настолько обыкновенно, что многіе продолжали полагать, что все кончится ничѣмъ, что это фальшивая тревога; но на всякій случай, разумѣется, всѣ готовились.

Ночь приближалась къ разсвѣту. Всю окрестность затаило густымъ, непроницаемымъ туманомъ, что повторялось почти каждое утро.

По заведенному обыкновенію, съ наступленіемъ разсвѣта, ночные секреты были сняты и отведены назадъ. Изъявшіе солдаты были рады поскорѣе возвратиться на бивуакъ.

Генералъ-маіоръ Даниловъ, находившійся уже на позиціи, съ разсвѣтомъ, около 7¹/₂ часовъ утра, самъ замѣтилъ за рѣкою какъ-будто небольшие кучки людей; но сильный туманъ мѣшалъ хорошенько видѣть предметы.

Командиръ Сибирскаго полка объѣхалъ свою линію. На батареяхъ все было спокойно, и не видно было особыхъ приготовленій. Въ траншеяхъ и ложементяхъ также все было тихо. Еще полчаса—и Сибирскій полкъ долженъ былъ смѣниться, по очереди, Астраханцами, которые въ это время уже объ-

дали на своемъ бивуакѣ у Горнаго Нетрополя, приготавлиаясь къ выпавшей имъ на очередь службѣ.

Казалось, все пойдетъ обыкновеннымъ чередомъ...

Вдругъ изъ аванпостной цѣпи пріѣзжаетъ кавалерійскій офицеръ съ донесеніемъ отъ начальника аванпостовъ, что турки переходятъ рѣку Видь...

Командиръ Сибирскаго полка приказываетъ передать это донесеніе начальнику дивизіи и пустить сигнальную ракету.

Проходитъ еще нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія. Впереди, за сильнымъ туманомъ, ничего не видно; сигнальная ракета еще не взвилась.

Желая узнать, что за причина этого замедленія, полковой командиръ идетъ на батарею. По дорогѣ ему встрѣчается начальникъ дивизіи, генералъ Даниловъ. Онъ приказалъ повременить сигналомъ: можетъ быть, турки еще не рѣшались на нападеніе, а если рѣшались, то нужно выяснитъ направленіе атаки, что, при сильномъ туманѣ и большомъ протяженіи оборонительной линіи 6-го участка, сдѣлать было на первыхъ порахъ довольно затруднительно.

Вдругъ впереди раздаются выстрѣлы; аванпосты быстро очищаютъ мѣсто, турки наступаютъ; они въ 500 шагахъ отъ позиціи Сибирскаго полка.

Появленіе ихъ сразу въ значительныхъ силахъ на близкомъ разстояніи объяснялось тѣмъ, что турки, пользуясь темнотою, построили за почъ два поптонныхъ моста черезъ р. Видь, сѣвернѣе каменнаго моста, и еще до разсвѣта перевели на лѣвый берегъ рѣки всѣ передовыя войска свои, спрятавъ ихъ, подъ покровомъ густаго тумана, въ находившуюся передъ нашею позиціею длинную лощину, а съ разсвѣтомъ, въ ³/₄ восьмого, внезапно двинули ихъ оттуда на нашу оборонительную линію *).

Съ одной изъ русскихъ батарей взвилась сигнальная ракета, ударили въ барабаны, затрубили въ рожки, во всѣ стороны полетѣли адъютанты.

Генералъ Даниловъ приказалъ 2-ой батарее, занимавшей земляное укрѣпленіе № 3-го, открыть пе-

*) Поптопные мосты были наведены турками противъ д. Олавца и противъ лощины, ведущей отъ праваго берега Вида въ Плевну. Мосты были устроены изъ тѣлѣги, принезенныхъ на буйволахъ и поставленныхъ въ рядъ поперегъ рѣки. Затѣмъ тѣлѣги были покрыты настилкою изъ досокъ. Наши аванпосты, кажется, наблюдали главнымъ образомъ за каменнымъ мостомъ, что на Софійскомъ шоссе, и потому не замѣтилъ въ темнотѣ переправы турокъ значительно сѣвернѣе этого моста.

медленно огонь, а 10-му, Малороссійскому полку, служившему ближайшею поддержкою центру оборонительной линіи, велѣлъ двигаться къ кургану „Кочана Могила“, находящемуся позади позиціи Сибирскаго полка. Туда же велѣлъ направить изъ Горнаго Нетрополя подвижной резервъ свой—Астраханскій и Фанагорійскій гренадерскіе полки, съ 4-хъ-фунтовыми орудіями.

Пока распоряженія эти были сдѣланы,—что заняло лишь нѣсколько минутъ времени,—разсвѣло уже настолько, что можно уже было отчетливо видѣть всю обстановку дѣла.

По ту сторону рѣки ясно обрисовывалась огромная колонна турецкой пѣхоты, двигавшаяся къ мосту на шоссе; за колонною тянулась по плевенской лопчинѣ вереница обозовъ.

Изъ Опанецкихъ укрѣпленій, а также изъ батарей, поставленныхъ на холмахъ передъ мостомъ черезъ р. Видъ, и изъ орудій, помѣщенныхъ на скалахъ Зеленыхъ горъ, открытъ былъ турками яростный огонь по всей оборонительной линіи 6-го участка.

Подъ прикрытіемъ этого огня, колонны турокъ, находившіяся уже на нашей сторонѣ, быстро двигались впередъ, стрѣляя на ходу и держа главное направленіе по Махалетской дорогѣ, на земляное укрѣпленіе № 3-го, т. е. на центръ позиціи Сибирскаго полка.

По мѣрѣ движенія впередъ, фронтъ турокъ быстро удлинялся въ обѣ стороны, причемъ они осыпали страшнымъ огнемъ и оба фланга нашей оборонительной линіи.

Наступательное движеніе турокъ происходило съ замѣчательною стремительностью. Впереди двигалась сплошная цѣпь стрѣлковъ, непосредственно за которою слѣдовали поддержки въ разомкнутомъ строю, который представлялъ изъ себя тоже какъ бы сплошную цѣпь; за этими частями шли резервы.

На флангахъ стрѣлковыхъ цѣпей наступали небольшие части кавалеріи.

Артиллерія подвигалась также съ цѣпью стрѣлковъ и тоже быстро подавалась впередъ, останавливаясь не болѣе, какъ для одного выстрѣла, и затѣмъ снова догоняла цѣпь.

Говорятъ, что съ нашей стороны не было обращено вниманія на слишкомъ огромныя массы непріятеля, и потому отдано было приказаніе Сибирцамъ

подпустить эту лавину живыхъ людей на 200 шаговъ и затѣмъ обдать ее залпами. Сибирскій полкъ въ своихъ ретрашементяхъ въ точности исполнилъ это приказаніе.

Между тѣмъ наши 9-ти-фунтовыя батареи свирѣпствовали не смолкая; гранаты начали разрываться въ густой массѣ непріятеля и наваливали цѣлыя груды человѣческихъ тѣлъ. Турокъ, однако, это не останавливало. Они обходили груды тѣлъ и безъ удержа неслись впередъ. Одиночные раненые и убитые также не останавливали массы. Кто падалъ, тотъ умиралъ подъ ногами своихъ товарищей.

Мало-по-малу наступавшіе таборы перемѣшались дотого, что албанцы въ своихъ бѣлыхъ шапочкахъ перепутались съ сирійцами, редицѣ шелъ рядомъ съ баши-бузками, всадники не могли перегнать пѣшихъ, мулы мужественно двигались впереди, распалая криками „алла“ и безъ того возбужденную толпу.

На нѣсколько верстъ все было запружено дикою и нестройною массою громко оравшихъ людей и еще издали посылавшихъ на наши позиціи несмолкаемый дождь пуль.

Только когда передніе ряды таборовъ подвинулись на разстояніе 200 шаговъ отъ нашихъ позицій, грянулъ первый залпъ Сибирцевъ и выхватилъ изъ массы непріятеля почти навѣрняка намѣченныя жертвы. Слѣдующій залпъ—то же самое. Но убили у турокъ точно и не бывало: такъ она была ничтожна сравнительно съ массою напавшихъ людей. Залпъ за залпомъ поражалъ непріятельскія толпы, а онѣ все шли впередъ; передніе ряды смыкались, перемѣшивались, сзади напирала новые таборы, убитыхъ и раненыхъ не замѣчали—черезъ нихъ проходили тысячи людей и затаптывали ихъ...

Въ движеніи турецкой атаки было что-то неистовое...

Пока турки пробѣгали тѣ двѣсти шаговъ, которые отдѣляли ихъ отъ насъ, Сибирцы сдѣлали болѣе десяти прицѣльныхъ залповъ. Иди противъ нихъ полкъ, дивизія—несомнѣнно дѣло бы кончилось безпорядочнымъ бѣгствомъ. Но тутъ напирала десятки таборовъ*): переднимъ таборамъ бѣжать было некуда,

*) По рассказамъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ корреспондентовъ, въ первой атакѣ участвовало около 20,000 турокъ; по показанію же самихъ турокъ, наступали только

для заднихъ они служили щитами, и потому послѣдніе толкали ихъ впередъ безостановочно.

Очевидцы рассказываютъ, что на лицахъ солдатъ передоваго табора замѣчалось какое-то остервененіе.

Впереди лѣваго фланга позиціи Сибирцевъ лежали въ цѣпи за небольшими ложементами около двухъ нашихъ ротъ; онѣ сдѣлались первыми жертвами озлобленнаго врага. Маіоръ Лихачевъ и ротные командиры заплатили жизнью за честную защиту своей позиціи. „Эхъ, братцы, умирать надо!“ крикнулъ Лихачевъ—и бросился на штыки турецкихъ солдатъ.

Другая наша цѣпь была выдвинута еще дальше. Она очутилась среди непріятельской массы. Образовавъ изъ себя кругъ, солдаты принялись отбиваться огнемъ и штыками, но кругъ ихъ все узился и узился. Остались трое послѣднихъ защитниковъ. Первый изъ нихъ, уже падая, успѣлъ проколоть штыкомъ турка. Другой въ тотъ моментъ, когда получилъ пулю въ грудь, разможилъ черепъ своему противнику прикладомъ. Третій упалъ замертво, но потомъ очнулся. Проходя мимо, турки доканали его штыками. Даже трупамъ они наносили удары. Такъ, убитый наповаль пулею въ голову, солдатъ былъ найденъ послѣ весь иссѣченный сабельными ударами.

Теперь никто не ожидалъ и не искалъ спасенія, а только старался какъ можно дороже продать свою жизнь.

Солдатъ изъ передоваго ложемента, хотѣвшій спасти своего раненаго товарища, кинулся—было къ нему; но раненаго кончили штыкомъ, а перваго уложили пулею. Потомъ, когда черезъ нихъ прошла эта масса, труповъ нельзя было узнать: такъ они были растоптаны.

Такимъ образомъ, не смотря на учащенный огонь всѣхъ нашихъ 9-ти-фунтовыхъ батарей и на залпы пѣхоты, занимавшей ложементы, турки не болѣе какъ въ $\frac{3}{4}$ часа времени прошли все разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ нашей позиціи, и, производя страшный ружейный огонь, достигли, наконецъ, позиціи Сибирскаго полка, у землянаго укрѣпленія № 3-го.

Нечего было и думать бороться съ такими силами одному полку.

три бригады. Всѣхъ турокъ было, какъ извѣстно, около 45 тысячъ.

Проникнувъ въ промежутки между окопами, турки огнемъ перебили почти всѣхъ защитниковъ, такъ что только слабые остатки послѣднихъ, будучи уже не въ силахъ держаться долѣе, стали отходить назадъ.

Передаютъ за достовѣрное, что у Сибирцевъ, сидѣвшихъ въ траншеяхъ, подъ конецъ не хватило патроновъ.

У землянаго укрѣпленія № 3-го, гдѣ 2-я батарея до послѣдней минуты мужественно исполняла свой долгъ, нѣкоторое время кипѣлъ неравный ожесточенный бой: одинъ артиллеристъ банникомъ отбивался отъ турокъ; артиллерійскій офицеръ защищался съ револьверомъ въ рукахъ. Но когда укрѣпленіе по флангамъ было занято турками и большая часть прислуги была перебита, то артиллеристы увезли два орудія, а отъ остальныхъ шести успѣли унести только затворы.

3-я батарея 3-й гренадерской артиллерійской бригады, занимавшая земляное укрѣпленіе № 4-го, угрожаемая обходомъ съ праваго фланга, еще держалась съ помощью картечи нѣкоторое время, но затѣмъ снялась и увезла только шесть орудій, такъ какъ подъ остальными были перебиты лошади; батарейный командиръ, подполковникъ Квантень, былъ при этомъ тяжело раненъ.

Всего, въ этотъ первый моментъ боя, въ нашихъ траншеяхъ и батареяхъ погибло около 300 человекъ. Раненыхъ въ это время у насъ не было. Кто падалъ, надъ тѣмъ останавливались турки, прикалывали и шли дальше. Въ числѣ этихъ 300 человекъ, между прочимъ, было убито около 10 офицеровъ, отбивавшихся подъ конецъ прикладами.

Такимъ образомъ, около 8 $\frac{1}{2}$ часовъ, передовая наша линія траншей и 8 нашихъ орудій перешли въ руки турокъ. Занимавшіе центръ позиціи: 2-й батальонъ, 2-я и 3-я стрѣлковыя роты Сибирскаго полка, разстроенные огромною убылью людей и потерявъ много офицеровъ, стали отходить ко второй линіи траншей, въ направленіи къ кургану „Копана Могила“ и лежащему влѣво отъ него люнету. Здѣсь смутившіеся—было Сибирцы скоро сомкнулись и вновь открыли пальбу.

Но не надолго турецкая атака остановилась послѣ перваго ея успѣха. Захвативъ первую линію траншей, турки еще неистовѣ ринулись на вторую. Теперь они

уже перестали стрѣлять, намѣревались замѣнить ружейный огонь быстротою натиска. На залпы Сибирцевъ турки не обращали вниманія. Масса ихъ обрушилась вскорѣ на вторую линію траншей, и былъ моментъ, когда и эта линія была прорвана.

Опьяненные успѣхомъ, турки еще неистовѣ бросились впередъ.

Но тутъ былъ положенъ предѣлъ ихъ успѣхамъ. Къ мѣсту боя, около 9 часовъ утра, подоспѣлъ изъ ближайшаго резерва 10-й гренадерскій Малороссійскій полкъ.

Малороссійцамъ пришлось развертываться въ боевой порядокъ подъ убійственнымъ гранатнымъ огнемъ; но, не смотря на понесенныя при этомъ потери, полкъ, построенный поротно, въ двѣ линіи, стройно двинулся впередъ. Сбитые съ позицій Сибирцы, увидѣвъ позади себя стройные ряды Малороссійцевъ, тотчасъ же остановились и также быстро выстроились въ боевой порядокъ. Принявъ на себя Сибирцевъ, Малороссійцы направились прямо въ лобъ атакѣ, въ промежутокъ между „Копаною Могилою“ и лѣвымъ люнетомъ. Этимъ движеніемъ Малороссійцы задержали дальнѣйшее наступленіе непріятеля, но при этомъ сами понесли огромныя потери: въ нѣсколько минутъ изъ строя выбыли три батальонныхъ и половина ротныхъ командировъ.

Тѣмъ не менѣе, положеніе наше продолжало быть критическимъ. Массы турокъ смѣлымъ натискомъ могли вновь опрокинуть насъ. Малороссійцы и Сибирцы изнемогали уже отъ усилій удержать люнетъ второй линіи. Говорятъ, что у Сибирцевъ и на этотъ разъ оказался недостатокъ въ патронахъ.

Нужно также замѣтить, что мы пока имѣли дѣло только съ передовыми таборами турокъ; за ними были расположены еще турецкіе резервы, а на правомъ берегу рѣки, готовы уже перейти черезъ мостъ, стояли густыя колонны свѣжихъ войскъ, съ самимъ Османомъ-пашею во главѣ.

Такимъ образомъ, хотя направленіе атаки противника въ первое время еще и нельзя было считать окончательно выяснившимся, такъ какъ эта первая атака могла быть лишь демонстраціею — но, во всякомъ случаѣ, непріятель могъ каждую минуту притянуть къ себѣ подкрѣпленія и возобновить усилія для окончательнаго овладѣнія люнетами второй линіи.

Въ виду сказаннаго, генераль Даниловъ послалъ приказаніе Астраханскому и Фанагорійскому полкамъ спѣшить изъ Горнаго Нетрополя на помощь изнемогавшимъ Сибирцамъ и Малороссійцамъ.

Въ то же время прибылъ къ кургану „Копана Могила“ изъ Дольнаго Дубняка генераль Ганецкій. Курганъ уже весь былъ осыпаемъ тучами турецкихъ пуль. Непріятель оказался близко, быть можетъ, въ ста шагахъ; при генералѣ одинъ конвойный уже убитъ, два ранены. Тутъ же получается имъ донесеніе, что турки прорвали первую линію, захватили батарею. Скверно на сердце стойкаго, храбраго генерала!

Убѣдившись въ серьезномъ положеніи дѣлъ, генераль Ганецкій рѣшился немедленно притянуть къ угрожаемому въ данное время пункту большую часть своихъ резервовъ, и тотчасъ же послалъ приказаніе Самогитскому и Московскому гренадерскимъ полкамъ идти изъ Дольнаго Дубняка также къ „Копаной Могилѣ“, для атаки противника съ фланга.

Такимъ образомъ, оба подвижные резерва оборонительной линіи 6-го участка: 2-я бригада 3-й гренадерской дивизіи и 2-я бригада 2-й гренадерской дивизіи, были потребованы для выручки Сибирцевъ и Малороссійцевъ.

Астраханцы только-что принялись обѣдать, когда ударили тревогу. Въ минуту были выворочены котлы, все кинулось къ ружьямъ на свои мѣста. Бригадный генераль Квитницкій обѣхалъ ряды и, приведя все въ полный порядокъ, двинулъ Астраханцевъ и Фанагорійцевъ на выручку своихъ.

Около 10-ти часовъ полки эти уже подходили къ „Копаной Могилѣ“ Генераль Ганецкій самъ поспѣшно вышелъ имъ навстрѣчу. Завидя Астраханцевъ, генераль подѣхалъ къ нимъ и объявилъ, что восемь нашихъ орудій въ рукахъ турокъ и что онъ требуетъ, чтобы орудія эти были отняты обратно.

— Астраханцы! умри, а выручи батарею!

Громкое: „отнимемъ, вашепревосходительство!“ — было отвѣтомъ на его слова, и Астраханцы сдержали свое слово.

Въ это время подходили также Московскій и Самогитскій полки, и генераль Ганецкій распорядился, чтобы первый изъ нихъ составилъ резервъ 3-й гвардейской дивизіи, которая теперь вся уже была направлена въ дѣло.

Кромѣ того, съ лѣваго фланга позиціи 6-го участка, изъ д. Дольнаго Нетрополя, выдвинулись 2-й и 3-й батальоны 18-го Вологодскаго полка, подъ командою полковника Тиханова, который, пройдя быстро селеніе, занялъ 5-ю линейною и 2-ю и 3-ю стрѣлковыми ротами прилегающіе къ лѣвому люнету ложементы гренадеровъ и, выдвинувъ лѣвое плечо впередъ, началъ дѣйствовать во флангъ непріятелю. Роты 17-го Архангелогородскаго полка заняли самое селеніе и также открыли огонь во флангъ туркамъ, а одинъ взводъ румынской батареи выѣхалъ къ ложементамъ, занятымъ Вологодцами, и началъ поражать непріятеля гранатами. Остальныя батареи лѣваго фланга 6-го участка дѣйствовали отчасти по наступающимъ колоннамъ турокъ, а отчасти по опанецкимъ укрѣпленіямъ, откуда непріятель сильно обстрѣливалъ позицію Архангелогородскаго полка.

Съ праваго фланга оборонительной линіи 6-го участка, т. е. съ позицій Кіевскаго и Таврическаго гренадерскихъ полковъ, также поддерживался по наступающимъ туркамъ неумолкаемый огонь.

Въ 10¹/₂ часовъ въ центрѣ нашей оборонительной линіи передъ курганомъ „Копана Могила“ раздалось громкое „ура“: это была атака Астраханцевъ и Фанагорійцевъ противъ непріятеля, дѣйствовавшего уже изъ второй линіи нашихъ траншей.

Смѣло и стремительно двинулись впередъ Астраханцы. Командиръ полка, полковникъ Крюковъ, и бригадный командиръ, генералъ Квитницкій, слѣзли съ лошадей и пошли впереди полка. Непосредственно за Астраханскимъ полкомъ двинулись Фанагорійцы, уступомъ за флангами перваго.

Наша атака встрѣтилась съ атакою турецкою въ моментъ самаго энергическаго движенія той и другой.

Стройными рядами, безъ выстрѣла кинулись гренадеры въ атаку. Тщетно поражали ихъ турки залпъ за залпомъ. Передъ гренадерами были уже не турецкіе окопы, а наши собственные, которые во что бы то ни стало нужно было отбить у непріятеля. Со штыками на перевѣсъ, одушевленные жаждою отмстить за гибель своихъ товарищей, Астраханцы шли съ такимъ остервенѣлымъ и грознымъ „ура“, что оно покрыло безчисленные голоса турецкихъ солдатъ. И врѣзались гренадеры въ самую гущу непріятеля. На нѣсколько минутъ все смѣша-

лось въ одной толчеѣ. Масса топталась, двигалась взадъ и впередъ, надъ моремъ головъ быстро вздымались и опускались окровавленные штыки и приклады, и все это тонуло въ хриплыхъ крикахъ разъяренныхъ враговъ. Но ничто не могло устоять противъ атаки гренадеръ; одинъ видъ ея показывалъ, что всякія попытки турокъ къ прорыву въ этомъ пунктѣ будутъ тщетны. Не прошло и четверти часа, какъ турки были отброшены отъ обоихъ ложементовъ. Астраханцы и Фанагорійцы, поддерживаемые Сибирцами и Малороссійцами, быстро продолжали наступленіе и, не обращая вниманія на адскій огонь противника и на страшныя свои потери, чуть не на плечахъ турокъ добѣжали до первой линіи траншей, откуда не останавливаясь принялись выбивать ихъ штыками...

Одновременно съ этимъ, т. е. въ 10³/₄ часовъ, подошелъ къ мѣсту битвы 7-й гренадерскій Самогитскій полкъ, съ двумя батареями, которымъ начальникъ 2-й гренадерской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Свѣчинъ, лично далъ направленіе въ промежутокъ между Горнымъ и Дольнымъ Нетрополемъ. 3-й батальонъ Самогитцевъ, подъ командою капитана Григоровича, подошелъ, когда еще не всѣ турки были выбиты изъ первой линіи траншей; 10-я рота его, съ штабсъ-капитаномъ Янковымъ во главѣ*), безъ выстрѣла, также бросалась на непріятеля въ штыки...

Въ моментъ наступленія Самогитцевъ подъ командиромъ 2-й бригады 2-ой гренадерской дивизіи, генераломъ Гадономъ, бывшимъ все время въ огнѣ, была убита лошадь. Гадонъ вскочилъ на ноги, и первымъ крикомъ его было: „ребята, не упускай, не давай имъ занять тѣ ложементы!..“ Около него упалъ офицеръ; солдаты кинулись къ нему: „потомъ, братцы; послѣ; сначала гоните турокъ назадъ—наши позиціи еще въ ихъ рукахъ!“

Общій натискъ гренадеръ былъ такъ стремителенъ, что непріятель, тѣснимый объятими паническимъ страхомъ задними таборами, не успѣлъ даже засѣсть за брустверъ передовыхъ нашихъ траншей и былъ опрокинутъ въ поле.

*) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, въ атаку принимали участіе также 1-я и 3-я стрѣлковыя роты Самогитцевъ, подъ командою подполковника Кострева, штабсъ-капитана Манштейна и подпоручика Френцискаго.

Такимъ образомъ первая линия нашихъ ложементовъ была возвращена. Восемь нашихъ орудій, оставленные въ рукахъ турокъ, были также отняты назадъ. При этомъ Астраханцы взяли съ бою еще 7 неприятельскихъ пушекъ, а стрѣлокъ этого полка Егоръ Ждановъ, положивъ на мѣстѣ трехъ турокъ, взялъ турецкое знамя. Въ то же время Самогитцы захватили еще три неприятельскихъ орудій.

Занявъ вновь наши передовыя ложементы, части пемного остановились, чтобы перевести духъ. Изъ отобранныхъ у неприятеля орудій наши возобновили огонь, такъ какъ турки не успѣли ихъ испортить. Храбрый поручикъ 2-й батареи, Миловидовъ, опять управлялъ стрѣлбою изъ своихъ орудій, имѣя при слугу изъ пѣхоты. Прочія батареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады стояли еще на высотѣ „Копаной Могилы“

Было 12 часовъ дня. Турки отступали, но медленно, поддерживая сильный огонь. Кое-гдѣ начали даже повторяться частныя атаки турокъ. Одушевленные криками своихъ офицеровъ, а еще болѣе ихъ саблями, даже бѣгущіе турки оборачивались и маленькими отрядами переходили въ наступленіе.

Нуженъ былъ рѣшительный ударъ, чтобы кончить бой въ самомъ началѣ, чтобы не дать ему разгорѣться и не потерпѣть еще большей убиты въ людяхъ.

Зная упорство Османа-паши, который стоялъ уже наготовѣ съ отборными войсками на той сторонѣ рѣки, генералъ Ганецкій не считалъ эту первую атаку послѣднею и, не имѣя пока въ виду преслѣдовать турокъ, рѣшился, занявъ вновь свои ложементы и батареи, поражать противника артиллерійскимъ огнемъ, въ ожиданіи новаго нападенія съ его стороны.

Съ упомянутою цѣлю, всѣ батареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады были выдвинуты отъ „Копаной Могилы“ впередъ и поставлены на одну высоту съ пѣхотою.

По командѣ — быстро раздвинулись наши войска, и только-что турки бросились-было въ открытое имъ пространство, какъ сорокъ восемь мѣдныхъ зевовъ огорошили ихъ картечными гранатами. Пальба орудійная открыта была почти въ упоръ. Можно себѣ представить, слѣдовательно, какъ она губительно должна была подѣйствовать на сплошные, скученные ряды противника! Картечь съ злобнымъ

свистомъ врывалась въ эту живую массу, оставляя по себѣ слѣдъ изъ корчившихся въ страшныхъ мукахъ десяткахъ людей. Граната за гранатою падали въ густую толпу, рвались, и некуда было уйдти отъ нихъ, потому что сзади свѣжіе таборы напирали, не давая бѣгущимъ пути къ отступленію; даже убитые и раненые вскорѣ не могли падать, потому что толпа сплотилась въ одно цѣлое. Были пункты, гдѣ убитые стояли въ этой толпѣ, подпираемые со всѣхъ сторонъ живыми. Двигалась масса, двигались и они, но уже не сами: ихъ носили, пока не выпирали куда-нибудь въ сторону. Гранатою одному разможило голову, и онъ долго торчалъ изъ массы головъ съ какими-то обрывками кожи, волосъ и костей надъ окрававленной шеею. Самые закаленные люди отворачивались съ ужасомъ отъ этого потрясающаго зрѣлища; самые крѣпкіе нервы не могли выдержать этой картины истребленія...

Прежде чѣмъ генералъ Ганецкій успѣлъ сдѣлать отъ себя распоряженіе о наступленіи противъ разстроеннаго неприятеля, какъ гренадеры, замѣтивъ, что передніе ряды турокъ дрогнули, сами перешли въ наступленіе по всей линіи. Первыми вышли изъ траншеи Таврической и Кіевскій гренадерскіе полки, а за ними, выйдя изъ ложементовъ, двинулись впередъ и остальные полки гренадерскаго корпуса.

Артиллерія наша тотчасъ же взяла болѣе дальній прицѣлъ и стала поражать подходившія къ туркамъ свѣжія войска, чѣмъ тотчасъ же удержала послѣднія на приличной дистанціи. Разстроенные передніе ряды турокъ, готовые уже во всякую минуту обратиться въ бѣгство, замѣтивъ, что ихъ уже не тѣснятъ сзади, подались; наши — бѣглымъ шагомъ бросились на „ура“

Еще разъ скрестились штыки, еще разъ заревѣли мѣдныя жерла пушекъ, и скоро безчисленное скопище неприятеля опрокинулось въ самое беспорядочное бѣгство. Турки побѣжали назадъ, точно объятые паническимъ страхомъ, сплошною массою, давя другъ друга, оставляя своихъ раненыхъ. Артиллерія наша продолжала поражать это нестройное отступленіе неприятеля; пѣхота же, выйдя изъ ложементовъ, подавалась все впередъ и впередъ. Задніе ряды турокъ, наконецъ, столпились у каменнаго моста, на которомъ, равно какъ и на лежащихъ за нимъ высотахъ, находилась масса повозокъ.

Преслѣдованіе нашихъ батальоновъ тотчасъ же приняло правильный характеръ. Во главѣ движенія сталъ генералъ-маіоръ Даниловъ, наступаая со всею своею дивизіею. Его поддерживали съ лѣваго фланга Вологодцы и роты Архангелогородскаго полка, а съ праваго фланга—гренадерскіе полки Самогитскій и Московскій. Полки же Таврическій и Кіевскій, оставивъ ложементы, начали подаваться правымъ плечомъ впередъ въ направленіи къ каменному мосту черезъ р. Видь и старались охватить лѣвый флангъ турокъ. Кромѣ того, генералъ Мантейфель направилъ два батальона Кіевскаго и одинъ батальонъ Таврическаго полковъ прямо въ бродъ черезъ рѣку Видь для занятія высотъ на правомъ берегу его. Гренадеры, по поясъ въ водѣ, перешли рѣку, взобрались на Блазевачкія высоты и кинулись къ реду, гарнизонъ котораго сдался безъ выстрѣла.

Атака въ центрѣ шла также блистательно. Отступавшій непріятель почти не отстрѣливался. Редифы и низамъ, башни-бузюки съ кавалеристами и церкесами—все это перемишалось въ одно море коней и головъ, неудержимо рвавшихся назадъ, къ мосту черезъ рѣку Видь. Стоявшіе за мостомъ отборные таборы низама, при которыхъ находился самъ Османъ-паша, замѣтивъ, что передніе таборы бѣгутъ, сами бросились въ беспорядочное бѣгство. Тщетно увѣщевалъ ихъ Османъ-паша остановиться. Паша видѣлъ, какъ заколыхалась сначала стоявшая у Вида стройная масса; еще нѣсколько минутъ—и она кинулась на Зеленныя горы и на высоты Опанца.

Между тѣмъ, наши неотступно преслѣдовали турецкіе таборы. Всѣ понимали, что теперь или—никогда, и, падая подъ пулями врага, ободряли своихъ товарищей. „Мы послѣдніе!“ вскрикнулъ, умирая, одинъ офицеръ. Преслѣдованіе было дотога энергично, что скоро наши солдаты оказались надъ Видомъ, въ которомъ тамъ, гдѣ глубина была значительна, тонули сотни турокъ. Суматоха на берегахъ рѣки была ужасная. Кавалерія, пѣхота, артиллерія—все это сбивалось въ одну толпу, бросалось впалять. Артиллеристы не думали объ орудіяхъ, низамы и редифы кидали ружья.

На каждомъ шагу медленно приподнимались раненые и, обращая воспаленные взгляды къ побѣдителю, умоляли о пощадѣ. Но на стоны и вопли теперь никто уже не обращалъ вниманія—

было не до того. Каждый шелъ впередъ, одинаково равнодушно попирая и холодный трупъ, и еще живаго раненаго. На этихъ поблекшихъ поляхъ лежали безчисленные трупы, заслоняя дороги дотога, что конь по неволѣ ступалъ копытами въ ихъ неподвижныя лица... Лошади съ перебитыми ногами бились тутъ же, тщетно стараясь привстать... Въ одномъ мѣстѣ нѣсколько солдатъ нашихъ остановились надъ цѣлою кучею труновъ, во главѣ которой лежали убитые—и всадникъ, и его конь. За одну изъ первыхъ аркадъ моста черезъ Видь забралась густая масса турокъ, мнившихъ себя здѣсь въ полной безопасности. Къ сожалѣнію, прямо въ эту живую толчею падаетъ граната. На другой день тутъ можно было видѣть цѣлую кучу изуродованныхъ тѣлъ...

Ужасно было возмездіе русскихъ за кровавыя августовскіе дни...

Наконецъ непріятель былъ цѣликомъ и окончательно отброшенъ за рѣку Видь.

Артиллерія наша продолжала беззумолку поражать непріятели и на той сторонѣ рѣки. Огромныя массы его скучились на скатахъ Опанецкихъ и Зеленыхъ горъ, осыпаемая градомъ русскихъ гранатъ.

Вдругъ по всей линіи турки прекратили огонь. Пораженные этимъ, наши солдаты отставили ружья. Только гулъ пошелъ отъ голосовъ по равнинѣ Вида.

Сдаются или нѣтъ,—никто еще не зналъ. Теперь только одинъ мостъ служилъ раздѣломъ для враговъ.

Чтобы уяснить себѣ дальнѣйшій ходъ событій, необходимо вернуться къ остальнымъ нашимъ позиціямъ вокругъ Плевны.

Въ штабѣ генерала Тотлебена еще съ вечера 27-го числа готовились къ предполагаемой вылазкѣ Османъ-паши. Полученныя въ теченіи ночи донесенія отъ генерала Ганецкаго и съ позиціи 2-го участка, отъ генерала Бѣлокопытова, вполне подтверждали еще ранѣе собранныя отъ перебѣжчиковъ свѣдѣнія о намѣреніи турокъ прорваться изъ Плевны. Въ часъ пополуночи на позицію Скобелева явился новый дезертиръ, турецкій солдатъ, который показалъ, что Кришинскій редутъ уже очищенъ турками и что они собираются для прорыва къ рѣкѣ

Виду. Объ этомъ было немедленно сообщено Скобелевымъ въ штабъ „отряда обложенія Плевны“.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, ночью на 28-е число, отдалъ слѣдующее приказаніе:

1) Одной бригадѣ 16-й пѣхотной дивизіи, съ тремя батареями, и одной бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, подъ общимъ начальствомъ генерала Скобелева, перейти, 28-го ноября, на разсвѣтъ, на лѣвый берегъ р. Виды и расположиться у Дольнаго Дубняка, съ намѣреніемъ поддержать, въ случаѣ надобности, отрядъ генерала Ганецкаго, или отрядъ генерала Каталея.

2) Трѣмъ батальонамъ 3-й стрѣлковой бригады, входившимъ въ составъ Плевно-Ловчинскаго отряда, перейти, 28-го ноября, рано утромъ, къ деревнѣ Гривницѣ, для усиленія войскъ генерала Криденера, такъ какъ были получены свѣдѣнія о намѣреніи турокъ прорваться и въ этомъ направленіи.

3) Четыре батальона румынъ, съ тремя батареями, направить, 28-го ноября, на разсвѣтъ, изъ Вербицы къ Демиркію.

Остальнымъ войскамъ приказано было находиться въ полной готовности къ встрѣчѣ противника.

Вышеуказанное распредѣленіе войскъ, усиливая отрядъ генерала Ганецкаго, давало возможность подкрѣпить войска и прочіхъ участковъ обложенія, въ случаѣ атаки турокъ въ другомъ какомъ-либо направленіи, для отвлеченія вниманія нашего отъ истиннаго пункта прорыва.

Въ теченіи той же ночи, на позиціи 2-го участка, обходы отъ 124-го пѣхотнаго Воронежскаго полка доходили до турецкаго редута № 1-й и, не замѣтивъ тамъ присутствія войскъ, вошли въ него. Къ утру были туда посланы стрѣлки, которые выдвинулись по направленію къ турецкимъ редутамъ №№ 4-го и 5-го и, найдя ихъ также пустыми, заняли и эти укрѣпленія.

Почти одновременно съ этимъ, войска 2-й румынской дивизіи, замѣтивъ съ разсвѣтомъ отступленіе турокъ изъ редутовъ, безъ выстрѣла заняли турецкій редутъ № 2-го, противъ Гривицы, и, затѣмъ, двинулись далѣе, заняли такимъ же порядкомъ редутъ Буково и прилегающія къ нему укрѣпленія.

Около того же времени, съ разсвѣтомъ, замѣчено

было оставленіе турками редута № 10-го передъ позиціею генерала Зотова въ 3-мъ участкѣ.

Наконецъ, генералъ Скобелевъ, пославшій еще ночью нѣсколько человекъ охотниковъ удостовѣриться въ очищеніи турками Кришинскихъ редутовъ, найдя ихъ дѣйствительно пустыми, къ утру 28-го ноября, занялъ оба Кришинскіе редута, Большой и Малый, а также и всѣ оказавшіяся пустыми траншеи на Зеленыхъ горахъ, войсками 30-й пѣхотной дивизіи генерала Шнитникова.

Всѣ эти свѣдѣнія къ 9-ти часамъ утра были уже извѣстны въ штабъ генерала Тотлебена. Около того же времени послышалась канонада въ участкѣ генерала Ганецкаго, а вслѣдъ затѣмъ получено было донесеніе о наступленіи турокъ за р. Видь.

Такимъ образомъ, изъ хода всего дѣла оказывалось, что турки за ночь очистили всѣ укрѣпленія къ востоку, сѣверу и югу отъ Плевны, и, оставивъ въ нихъ, для отвлеченія нашего вниманія, только разложенные костры, перебрались сами, въ ту же ночь, черезъ Плевну къ р. Видь.

Лишь на Опанецкихъ высотахъ и на Блазевацкихъ горахъ нѣкоторыя укрѣпленія были еще заняты небольшими гарнизонами, при орудіяхъ, для защиты тыла прорывавшихся за рѣку Видь турецкихъ войскъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, генералъ Тотлебенъ, въ 9 часовъ утра, отдалъ приказаніе всѣмъ войскамъ отряда обложенія Плевны перейти въ наступленіе, чтобы, занявъ непріятельскія укрѣпленія и самый городъ, не дать черезъ это возможности отраженному противнику снова занять его позиціи.

И вотъ, въ то время, когда 2-я и 3-я гренадерскія дивизіи геройски отражали атаки противъ нихъ всей турецкой арміи, прочія войска отряда обложенія Плевны, подъ начальствомъ генераловъ: Зотова, Криденера, Каталея, Шнитникова и командующаго румынскимъ корпусомъ генерала Черната, двигались противъ непріятельскихъ укрѣпленій восточнаго, сѣвернаго и южнаго фронтовъ. Полевые орудія были взяты на передки и, по заваленнымъ на скорую руку рвамъ, двинулись также за войсками на слѣдующія непріятельскія позиціи. Одно за другимъ, турецкія укрѣпленія переходили въ наши руки. Все далѣе и далѣе подвигались русскія

войска, и все тѣспѣ и тѣснѣе сжималось стальное кольцо вокругъ Плевны. Еще недавно грозныя укрѣпленія, стоявшія столькихъ жизней и крови, почти даромъ доставались теперь побѣдителямъ.

Только въ укрѣпленіяхъ на Блазевицкихъ высотахъ и Опанецкихъ горахъ оставались еще небольшія части непріятели; но это былъ разный сбродъ, оставленный въ тылу на всякій случай, чтобы не такъ было замѣтно отступленіе главныхъ силъ Осман-паши. Если турки и стрѣляли здѣсь по наступавшимъ войскамъ, то какъ-бы изъ приличія; большею же частію они охотно сдавались, или бѣжали безъ оглядки по направленію къ Плевнѣ, бросая оружіе.

Такъ, румынскія войска, при которыхъ находился все время самъ князь Карлъ, при наступленіи къ рѣкѣ Видъ встрѣтили незначительное сопротивленіе со стороны опанецкихъ редутовъ, занятыхъ еще непріателемъ. Послѣ непродолжительнаго боя, гарнизоны этихъ укрѣпленій, около 12-ти часовъ дня, положили оружіе, причѣмъ румынами были взяты три орудія и 2,000 плѣнныхъ.

Точно также генералъ Каталей, съ 1-мъ батальономъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка и съ 4^{1/2} ротами лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, остававшимися на правомъ берегу рѣки, занялъ безъ боя, въ 11^{1/2} часовъ утра, находившійся противъ Волынской горы турецкій „Рыжій редутъ“, а послѣ незначительнаго сопротивленія сдался Волынцамъ и редутъ „Магометъ-табія“. Около часу пополудни, послѣ непродолжительной перестрѣлки, заняты были Литовцами редуты: „Сахарная Головка“, „Черный редутъ“, равно какъ и расположенный за нимъ редутъ. Въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ гвардейцами взяты были: 1 паша, 120 штабъ и оберъ-офицеровъ, 3,634 нижнихъ чина и 4 орудія. Потери гвардейцевъ при этомъ заключались въ 3-хъ убитыхъ и 15-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Между тѣмъ, остальные войска отряда обложенія подходили уже къ самой Плевнѣ. Около 12-ти часовъ дня 2-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи, пройдя съ позиціи 2-го участка, безъ выстрѣла, въ турецкія укрѣпленія и траншеи до самаго города, сосредоточилась передъ послѣднимъ съ восточной его стороны и выслала въ Плевну предварительно команду жандармовъ и полусотню казаковъ, а другую полусотню, подъ командою войсковаго старшины Гусева,

направила на высоты западнѣе Плевны, для разузнанія положенія дѣлъ, такъ какъ изъ-за рѣки Вида слышна была сильная канонада.

Въ Плевнѣ по нашимъ было сдѣлано нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ изъ домовъ, но, вслѣдъ за тѣмъ, въ городъ вошли съ юга партіи охотниковъ отъ 2-й пѣхотной дивизіи войскъ генерала Зотова и одинъ батальонъ 62-го Суздальскаго полка, подъ командою полковника Мельницкаго, съ позиціи генерала Скобелева.

Оказалось, что въ городъ, еще въ 10 часовъ утра, вошли съ сѣверной стороны румынскія войска, которыя выѣтъ съ болгарами, принялись немедленно раззорять турецкія дома *)...

Прибывшій вскорѣ въ Плевну Его Высочество Главнокомандующій приказъ 20-му Галицкому полку остаться въ городѣ для водворенія порядка, а прочія русскія войска, уже вошедшія въ Плевну, Его Высочество главнокомандующій лично повелъ на высоты западнѣе города, въ тылъ непріятелю, съ цѣлью отрѣзать ему путь отступленія отъ р. Вида обратно въ Плевну.

Въ 2 часа по-полудни, вся 31-я пѣхотная дивизіи и нѣкоторыя части отъ Плевно-Довчинскаго отряда и румынскаго корпуса съ Его Высочествомъ во главѣ, уже развернулись въ боевомъ порядкѣ на гребнѣ высотъ, къ западу отъ Плевны, около Софійскаго шоссе.

Въ то же время, части нашихъ войскъ, занявшія непріятельскія укрѣпленія къ сѣверо-западу и юго-западу отъ города, уже приспособляли ихъ къ оборонѣ къ сторонѣ непріятели.

Такимъ образомъ, всѣ плевненскія укрѣпленія, одно за другимъ, и наконецъ самый городъ,—городъ, стоявшій намъ столько терпѣнія и тревогъ,—перешли въ наши руки.

Не смотря на это, никто еще не радовался.

Остававшимся на правой сторонѣ рѣки Вида—русскимъ еще не было извѣстно, гдѣ была та армія, которая оживляла, и такъ долго такъ мужественно обороняла эти позиціи? Неужели Осману-пашѣ удалось гдѣ-нибудь прорваться съ цвѣтомъ его испы-

*) По увѣренію самихъ румынъ, Плевна была запята, съ цѣлью водворенія порядка, 6-мъ линейнымъ батальономъ, по просьбѣ денузаціи отъ болгаръ, выслапшой въ 9^{1/2} ч. утра въ Буково.

танной, закаленной въ бояхъ арміи, чтобы доставить чрезъ это новую славу турецкому главнокомандующему, котораго мы столько мѣсяцевъ и съ такимъ терпѣніемъ сторожили въ Плевнѣ? Неужели намъ снова придется имѣть дѣло съ его закаленными въ бояхъ войсками, подъ какой-нибудь новой Плевной?

Вотъ какіе вопросы тревожили каждаго русскаго, не слѣдившаго за ходомъ сраженія на той сторонѣ рѣки Вида; вотъ что сдерживало до послѣдней степени естественное чувство радости при извѣстіяхъ о занятіи плевненскихъ укрѣпленій.

Между тѣмъ канонада не уменьшалась за Видомъ, въ сторонѣ Горнаго Негрополя. На правой сторонѣ рѣки пронесся даже слухъ, что турки завладѣли нашими позиціями, взяли восемь пушекъ, прорвали нашу линію. Все тяжелѣе и тяжелѣе становилось на сердцѣ!

При первыхъ же тревожныхъ вѣстяхъ, какъ мы уже видѣли, всѣ начальствующія лица, съ самимъ главнокомандующимъ и генераломъ Тотлебеномъ во главѣ, отправились къ Плевнѣ. Наконецъ, въ 12 часовъ утра, изъ Порадима прибылъ въ „Императорскій редутъ“, на Радищевскія высоты, Государь Императоръ, въ сопровожденіи военнаго министра, генераль-адъютанта Милютина, и всей своей свиты.

Здѣсь, на своемъ обычномъ пунктѣ наблюденія, Его Величество оставался до исхода событій, неожиданно нагрянувшихъ на насъ 28-го ноября. Понятно каждому, какія чувства волновали теперь Государя, терпѣливо выжидавшаго въ грязномъ болгарскомъ селеніи, вдали отъ всякихъ удобствъ жизни, въ теченіи долгихъ, безконечныхъ мѣсяцевъ того дня, въ который должно было восторжествовать русское оружіе.

Проходили минуты и часы, исполненные надеждъ и тревоги. Наконецъ, усиленная канонада за Видомъ стала смолкать. Наступила непонятная тишина. Можно было догадываться, что все кончено, но какъ кончено—объ этомъ не было свѣдѣній. Получались извѣстія, что занятъ Гривицкій редутъ, что остальные позиціи, одна за другою, переходили въ наши руки, что войска проникаютъ въ Плевну; но ничего не было извѣстно съ той стороны, гдѣ сосредоточивался главнѣйшій интересъ дѣла; ничто

не говорило еще объ окончательной судьбѣ арміи Османа-паши.

Вдругъ, съ радишевскихъ позицій замѣченъ былъ всадникъ, во весь опоръ скакавшій въ ту сторону, гдѣ находился Государь. Всадникъ не скачетъ, а летитъ. Онъ безъ шапки, она у него въ рукахъ; онъ машетъ ею во всѣ стороны; доносится, наконецъ, все яснѣе и яснѣе радостное „ура“ Это полковникъ Моравскій: онъ скачетъ съ важнымъ донесеніемъ. Къ нему спѣшатъ на встрѣчу, его окружаютъ; онъ соскакиваетъ съ замученной лошади, подбѣгаетъ къ Государю и говоритъ, запыхавшись отъ усталости и волненія:

— Плевна, Османъ-паша, вся его армія у ногъ Вашего Императорскаго Величества.

Государь переспросилъ.

— Самъ видѣлъ, ей Богу, самъ видѣлъ, Ваше Величество!—воскликаетъ полковникъ Моравскій, едва переводя духъ.

Можно представить, какое радостное, какое задушевное, громкое „ура“ огласило Радишевскія позиціи. „Ура“ это какъ электрическая искра разнеслась по всѣмъ линіямъ и огласило всѣ плевненскія высоты.

Государь Императоръ поздравилъ полковника Моравскаго флигель-адъютантомъ.

Военнаго министра, генераль-адъютанта Милютина, Государь обнялъ и тутъ же пожаловалъ его орденомъ св. Георгія 2-й степени.

Вскорѣ за полковникомъ Моравскимъ на Радищевскія высоты прибылъ изъ Плевны ординарецъ отъ главнокомандующаго, съ полнымъ подтвержденіемъ извѣстія о сдачѣ Османа-паши.

Вернемся теперь къ событіямъ въ долинѣ Вида, послѣдовавшимъ за отступленіемъ турокъ, передъ натискомъ гренадеръ, на восточный берегъ рѣки.

Какъ мы уже знаемъ, генераль Тотлебенъ отправилъ еще утромъ, на разсвѣтѣ, для поддержанія отряда генерала Ганецкаго, одну бригаду 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи *) и одну бригаду 16-й пѣхотной дивизіи, подъ общимъ начальствомъ генерала Скобелева, на лѣвый берегъ рѣки, къ Доль-

*) Одинъ батальонъ л.-гв. Литовскаго полка, два батальона императора австрійскаго полка и три батальона С.-Петербургскаго гренадерскаго полка.

нему Дубняку. Но войскамъ этимъ уже не пришлось принять участія въ бою. Гвардейцы переправились черезъ рѣку по понтонному мосту у Трино, въ 7-мъ часовъ утра, подъ начальствомъ генераль-маіора Курлова. Въ 10-мъ часу, генераль Курловъ получилъ приказаніе отъ генерала Ганецкаго приблизиться къ Дольнему Дубняку и тѣснить оттуда лѣвый флангъ непріятеля. Но едва генераль Курловъ, приблизившись къ Дольнему Дубняку и построивъ свои войска въ боевой порядокъ, двинулся по Софійскому шоссе на непріятеля, какъ прибылъ сюда генераль Скобелевъ и, принявъ командованіе этимъ отрядомъ, приказалъ генералу Курлову остановитъ войска, собравъ ихъ въ резервный порядокъ, и выждать прибытія бригады 16-й дивизіи.

Отданное приказаніе о приостановкѣ движенія вышеупомянутой гвардейской бригады и о выжиданіи прибытія бригады 16-й дивизіи, исходило, кажется, изъ совершенно правильнаго стремленія со стороны генерала Скобелева—произвести рѣшительный ударъ на лѣвый флангъ непріятеля сразу всѣми силами, отданными подъ его начальство.

Но, съ другой стороны, съ позиціи у Дольняго Дубняка генераль Скобелевъ не могъ видѣть истиннаго положенія дѣлъ на полѣ битвы и потому не могъ знать, что въ это время все дѣло боя на столько уже назрѣло, что даже относительно слабая часть въ вышеупомянутомъ направленіи не могла бы уже встрѣтить серьезнаго сопротивленія.

Въ добавокъ, какой-то злой рокъ тяготѣлъ и надъ движеніемъ бригады 16-й дивизіи. Переправленная на лѣвый берегъ рѣки еще въ 7 часовъ утра, она, по какому-то недоразумѣнію, кажется, вовсе не пошла въ опредѣленное ей мѣсто*), т. е. въ Дольній Дубнякъ. Самъ генераль Скобелевъ едва ли зналъ о мѣстѣ нахожденія ея, такъ какъ отправился съ позиціи на Зеленыхъ горахъ только тогда, когда лично убѣдился въ занятіи кришенскихъ редутовъ его войсками, т. е. въ 9 часовъ утра. Вѣроятно, съ цѣлью разъяснить упомянутое недоразумѣніе, генераль Скобелевъ и уѣхалъ вскорѣ изъ-подъ Дольняго Дубняка.

*) Сюда же были направлены впоследствии, когда окончательно выяснилось направленіе атаки турокъ, 9-й, 10-й и 11-й стрѣлковыя батальоны, но и они не могли поспѣть къ дѣлу.

Между тѣмъ генераль Курловъ, простоявъ здѣсь около 2½ часовъ и не получивъ никакихъ дальнѣйшихъ приказаній отъ генерала Скобелева, вновь повелъ отрядъ по Софійскому шоссе, въ направленіи къ каменному мосту черезъ Видъ, но достигъ его, когда бой уже прекратился.

Тутъ же находился и генераль Скобелевъ 2-й, успѣвшій убѣдиться, что въ содѣйствіи со стороны его отряда болѣе уже не было надобности.

Вотъ что произошло до этого времени на берегахъ рѣки Вида.

По отступленіи турокъ на правый берегъ рѣки, массы ихъ бросились—было на востокъ, въ Шлевну, но тамъ уже встрѣтили ихъ выстрѣлы русскихъ войскъ, занявшихъ всѣ мосты и проходы, ведущія въ Шлевну.

Съ кришинскихъ редутовъ, а равно и изъ нѣкоторыхъ опанецкихъ укрѣпленій, также посыпались на турокъ русскіе же выстрѣлы.

Османъ-паша попалъ, такимъ образомъ, въ собственныя сѣти: его окружали имъ же самимъ построенныя укрѣпленія, бросавшія теперь въ него залпами.

Османъ-паша приказалъ выкинуть бѣлый флагъ.

День былъ сѣрый, туманный. Наши не могли сразу примѣтить флага, тѣмъ болѣе, что турки, за туманомъ, сами не всѣ видѣли его, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ пытались даже перейти въ частныя наступленія.

Между тѣмъ, войска гренадерскаго корпуса, оставившись на лѣвой сторонѣ р. Вида, продолжали осыпать гранатами столпившихся за рѣкой турокъ. Въ скученныхъ массахъ ихъ падали десятки.

Четыре раза турки поднимали флагъ—и никто этого не замѣчалъ. Наконецъ, турки по всей линіи принуждены были отказаться отъ частыхъ попытокъ къ наступленію,—и вскорѣ стрѣльба съ ихъ стороны совершенно смолкла. Тогда немедленно былъ прекращенъ огонь и съ нашей стороны.

Наступила торжественная тишина.

Къ каменному мосту черезъ рѣку Видъ подѣхали съ русской стороны нѣсколько генераловъ, и остановились. На турецкой сторонѣ противъ моста также собралось начальство. Изъ среды ихъ выдѣлился одинъ турокъ и пошелъ съ бѣлымъ

флагомъ въ рукѣ на нашу сторону. Турокъ этотъ оказался простымъ офицеромъ.

Генераль Ганецкій не принялъ этого парламента и объявилъ, что желаетъ видѣть генерала.

Тогда выѣхалъ къ намъ начальникъ штаба турецкой арміи, Тевфикъ-бей, и доложилъ, что Османъ-паша раненъ, сдается со всею своею арміею и спрашиваетъ объ условіяхъ. Генераль Ганецкій приказалъ сказать ему, что требуетъ сдачи безусловной, и требованіе это отправилъ съ генераль-маіоромъ Струковымъ.

Черезъ четверть часа генераль Струковъ возвратился и доложилъ, что Османъ-паша согласенъ, но пріѣхать не можетъ, такъ какъ раненъ въ ногу и рана не позволяетъ ему сѣсть на лошадь. Тогда генераль Ганецкій самъ поѣхалъ къ своему храброму и стойкому противнику.

Тотчасъ же, надъ неприступнымъ редутомъ, вѣнчающимъ грозныя высоты Опанца, взвился громадный бѣлый флагъ. Вслѣдъ затѣмъ надъ берегами рѣки Видъ раздалось такое страшное русское „ура!“, какого еще не слышали окрестности Плевны. Громовое „ура!“ сообщилося и въ редуты, уже занятые нами, и скоро „ура!“ гремѣло на сорокъ верстъ кругомъ!.. Шапки летѣли вверхъ, солдаты обнимались, многіе плакали отъ радости, поздравляли другъ друга. Минута была неизобразимая! Въ первый разъ со дня осады Плевны легко и весело дышала истомленная грудь солдата-труженика. Забыто было все — и первыя три неудачи, и долгая стоянка въ холодныхъ сырыхъ траншеяхъ, и ежедневныя побоища изъ-за обладанія этими твердынями. Жертвы казались теперь вознагражденными, смерть товарищей отомщенной. Османъ-паша со всей своей арміею былъ теперь въ нашихъ рукахъ... Радости солдатъ не было конца!

Турецкія войска сдавались въ плѣнъ безъ обычныхъ церемоній. Ихъ избавили отъ этой участи, въ уваженіе ихъ храбрости и въ знакъ вниманія къ ихъ начальнику. Они просто бросали ружья, тесаки, патронныя сумки тамъ, гдѣ стояли, и толпами отходили подъ караулъ нашихъ и частью румынскихъ войскъ. Все поле за Видомъ и къ сторонѣ Плевны, покрылось предметами воинскаго вооруженія. И скоро, когда-то грозная турецкая

армія, превратилась въ безпорядочный сбродъ унылыхъ, опечаленныхъ, беззащитныхъ людей...

Замѣчательно какъ скоро установились самыя добродушныя отношенія между нашими солдатами и еще за часъ бывшими ихъ врагами. Солдатики наши немедленно втискали въ толпу непріятеля и пошли разумѣется разговоры на ужасномъ языкѣ, въ которомъ наши коверкали свои слова, воображая, что они ихъ дѣлаютъ этимъ понятнѣе, а турки, въ свою очередь, преподносили нашимъ солдатамъ самыя необычайныя образчики славянскихъ нарѣчій, неизвѣстно гдѣ ими слышанныхъ.

— А что, турка, будешь брать съ нами воевать? — добивался одинъ гренадеръ у турецкаго солдата, похлопывая его по плечу.

Турокъ скалилъ зубы, улыбался, ничего не понимая.

Между тѣмъ, генераль Ганецкій, въ сопровожденіи героевъ этого дня: Данилова, Гадона, Свѣчина и другихъ, посѣтилъ Османа-пашу.

У моста черезъ рѣку Видъ, по восточную его сторону, у самаго шоссе, почти прислонившись къ возвышенности, окаймляющей это шоссе слѣва, находился небольшой грязенькій домикъ. Въ этомъ-то домикѣ, на деревянной скамейкѣ у окна, сидѣлъ теперь главнокомандующій турецкой арміи въ Плевнѣ, Османъ-паша. Раненый, съ перевязанной ногою, онъ могъ теперь съ твердостью смотрѣть въ глаза своимъ побѣдителямъ. Подлѣ него на подушкѣ лежала драгоцѣнная шпага, подаренная ему султаномъ послѣ 30-го августа въ знакъ „непобѣдимости“

— Судьба обернулась противъ меня! — встрѣтилъ Ганецкаго Османъ-паша.

Ганецкій выразилъ свое удивленіе отвагѣ и стойкости паши

У Османа засверкали глаза.

— Я хочу передать свою саблю только тому, съ кѣмъ сегодня дрался.

Генераль Ганецкій принялъ саблю паши.

Спустя нѣсколько минутъ, Османъ-паша, въ сопровожденіи конвоя, уже ѣхалъ въ каретѣ въ Плевну. На пути ему встрѣтилася коляска Его Высочества Великаго Князя главнокомандующаго, ѣхавшаго уже изъ Плевны для осмотра поля сраженія.

Коляски остановились. Оба военачальника нѣсколько минутъ смотрѣли молча другъ на друга. Затѣмъ, Его Высочество главнокомандующій протянулъ свою руку, пожалъ руку Османа и отъ сердца сказалъ ему: „поздравляю васъ съ вашею защитою Плевны. Это одно изъ самыхъ блистательныхъ военныхъ дѣлъ“ Османъ-паша грустно улыбулся, поднялся съ трудомъ на ноги, не смотря на рану, произнесъ благодарность, и снова сѣлъ. Прибывшій также сюда князь Карлъ Румынскій подѣхалъ къ Осману-пашѣ и слово въ слово повторилъ тоже, что сказалъ Великій Князь, пожавъ ему руку. Османъ-паша снова всталъ и поклонился, на этотъ разъ оставаясь сурово молчаливымъ.

Въ достопамятный день 28-го ноября сдались намъ въ плѣнъ: 10 пашей, 128 штабъ-офицеровъ, 2.000 оберъ-офицеровъ, около 45,000 нижнихъ чиновъ пѣхоты и артиллеріи и 1,200 всадниковъ. Кромѣ города и укрѣпленій, нами взято еще: 77 орудій, нѣсколько знаменъ и множество боевыхъ запасовъ. Остальные непріятельскія орудія и знамена, бывшія съ арміей Осман-пашы, оказались зарытыми въ плевненскихъ редутахъ и впоследствии съ трудомъ были нами отысканы.

Потери, понесенныя непріателемъ въ послѣднемъ бою, простирались до 6,000 человекъ.

Съ нашей стороны, во 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизіяхъ, потери были слѣдующія: убито: штабъ-офицеровъ 2; оберъ-офицеровъ 7; нижнихъ чиновъ 409; ранено: генераль 1, штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 47, нижнихъ чиновъ 1,263. Кромѣ того въ 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи ранено: 1 оберъ-офицеръ и 47 нижнихъ чиновъ. Всего же вышло изъ строя 1,780 человекъ.

Такимъ образомъ принятая подѣ Плевною генераломъ Тотлебенымъ система дѣйствій, заключавшаяся въ настойчивомъ поддерживаніи полного обложенія, не прибѣгая къ крайне рискованному и всегда кровопролитному штурму турецкихъ укрѣпленій, привела вполне къ предполагаемой цѣли. Въ результатѣ явилось плѣненіе сорокатысячной, лучшей непріятельской арміи и овладѣніе важнымъ стратегическимъ пунктомъ, запиравшимъ главнѣй-

выд. IV.

шіе пути западной Болгаріи. Между тѣмъ наши войска не только сохранились во время обложенія, но укомплектовались, устроились и вполне были готовы, по своей силѣ и духу, къ новымъ подвигамъ во славу русскаго оружія.

Вопросъ же о томъ, не могъ ли Османъ-паша при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, прорвать окружавшее его желѣзное кольцо, — едвали можно было, послѣ взятія нами Орханіе, считать дѣйствительно серьезнымъ вопросомъ. Допустимъ даже, что Османъ-паша и прорвался бы въ какомъ нибудь пунктѣ, то развѣ онъ не былъ бы въ тотъ же день, или самое большее — черезъ 48 часовъ, вновь окруженъ и окончательно разбитъ опрочившимися на него всѣми нашими войсками подѣ Плевной? Не нужно также забывать, что армія, подобная турецкой, неспособная къ маневрированію въ полѣ, всегда попадетъ въ собственныя сѣти: оставивъ развѣ насиженныя ею укрѣпленія, она неминуемо растаетъ въ открытомъ полѣ, предъ такими же укрѣпленіями непріятеля.

Радостно было въ этотъ первый вечеръ по взятіи Плевны въ рядахъ нашей арміи. Пѣсни и музыка, сопровождаемая торжественными „ура!“, гремѣли повсюду. Это былъ изъ праздниковъ праздникъ. Всѣмъ хотѣлось также поскорѣ подѣлиться своею радостью со всею Россіей, и телеграфъ работалъ всю ночь, передавая радостное извѣстіе въ Петербургъ, въ Москву, во всѣ уголки Россіи и на всѣ наши позиціи на театрѣ войны.

Ни одна побѣда наша не вызывала такихъ шумныхъ восторговъ, какъ взятіе Плевны. Едва-ли радость русскихъ проявилась бы съ большею силою даже въ случаѣ взятія нами столицы турецкой — Константинополя. И не мудрено: Плевна насъ истомила, „Плевна у всѣхъ наболѣла“, — говорили въ нашемъ народѣ. Плевна долго напоминала намъ о смерти и страданіяхъ, объ отвратительной жизни въ траншеяхъ подѣ выстрѣлами. Кто ѣхалъ туда, на того смотрѣли какъ на лицо обреченное на страданія и лишенія, можетъ быть, на смерть; кто временно возвращался оттуда, того встрѣчали какъ героя. Плевна съѣла, не говоря уже о времени и миллионахъ денегъ, 40,000 дорогихъ намъ жизней, и, послѣ всего этого, Плевна еще мѣшала нашему дальнѣйшему движенію. Вслѣдствіе всего этого

первы наши были до того напряжены, что при извѣстїи о паденїи Плевны, у всѣхъ какъ гора свалилась съ плечъ и всѣ невольно пришли въ противоположное состояніе—въ безграичный восторгъ...

На слѣдующій день, 29-го ноября, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ подлѣ Плевны еще наканунѣ стояла ставка Османа-паши, посреди его укрѣпленнаго лагеря, войска наши собрались, въ присутствїи всѣхъ начальствующихъ лицъ, для выслушанїа божественнаго молебна. Здѣсь Государю Императору предстояло въ первый разъ послѣ взятїа Плевны свидѣться съ его доблестными войсками и ихъ храбрыми военачальниками.

Все уже устроилось въ ожиданїи Государя; впереди поставленъ аналой, и военное духовенство, въ блестящихъ ризахъ, готово начать служенїе. Проходитъ нѣсколько минутъ. Ровно въ назначенный часъ, на возвышенности показывается коляска Государя. Великій князь главнокомандующій прикажываетъ играть „Боже, Царя храни!“ Раздаются торжественные звуки народнаго гимна, но скоро они покрываются оглушительнымъ „ура!“, невольно вырвавшемся изъ груди каждаго при видѣ Государя. Главнокомандующій снялъ фуражку и идетъ на встрѣчу Государя; свита великаго князя спѣшитъ послѣдовать его примѣру и шумною, нестройною толпой слѣдуетъ за нимъ. „Ура“ разносится по плевненскимъ высотамъ еще громче, еще сильнѣе. Но, вдругъ, все на минуту притихло. Государь остановилъ коляску, всталъ, все лицо Его дышетъ радостью и привѣтомъ; Онъ видимо хочетъ что-то говорить. Доносятся слова Государя, который снялъ фуражку и потрясаетъ ею въ воздухѣ...

Это была такая минута, которую никогда не забудутъ присутствовавшїе; у многихъ были слезы на глазахъ. Все слилось въ одно чувство—чувство радости за торжество русскаго дѣла! Отъ Государя до солдата всѣ одинаково были воодушевлены, всѣ одинаково мыслили.

Государь подходитъ къ главнокомандующему и обнимаетъ его. Потомъ, взявъ ленту св. Георгїа 1-й степени, Государь надѣваетъ ее на плечи великаго князя. Громкое „ура“ привѣтствуетъ эту высшую военную награду. Государь обходитъ вой-

ска и нѣсколько разъ благодаритъ ихъ въ самыхъ сердечныхъ выраженїяхъ. Безпрерывное „ура“ заглушаетъ Высочайшія слова.

Государь подзываетъ главныхъ начальствующихъ лицъ и награждаетъ ихъ орденомъ св. Георгїа. Вторую степень этого ордена, изъ первыхъ получаетъ генераль Тотлебенъ, а за нимъ—генераль Непокойчицкій; ордена св. Георгїа 3-й степени получаютъ изъ собственныхъ же рукъ Его Величества—князь Масальскій, князь Имеретинскій и генераль Ганецкій; орденъ св. Георгїа 4-й степени получили генералы Левицкій, Свѣчинъ и Даниловъ.

Затѣмъ, по окончанїи молебствїа, раздались со всѣхъ плевненскихъ высотъ орудійные залпы, но уже не смертоносные, а обозначавшїе радость и торжество по случаю окончанїа одного изъ тяжѣйшихъ періодовъ войны. Каждый ударъ орудїа какъ будто говорилъ: „конецъ Плевнѣ“

Послѣ этого Государь Императоръ, въ сопровожденїи многочисленной свиты, посѣтилъ одинъ изъ лучшихъ мѣстныхъ домовъ въ Плевнѣ, гдѣ Ему былъ представленъ плѣнный Османъ-паша. Выразивъ свое полное уваженїе доблестной храбрости турецкаго главнокомандующаго, Государь обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Въ знакъ уваженїа къ вашей храбрости, я возвращаю вамъ вашу саблю, которую вы можете носить и въ Россїи, гдѣ—надѣюсь—вы не будете имѣть причинъ къ какому бы то ни было недовольству.

Османъ-паша, съ видимымъ чувствомъ признательности, поклонился Государю и вышелъ, подерживаемый, по случаю раны, русскими офицерами. На дворѣ онъ былъ встрѣченъ рукоплесканїями и криками „браво“ собравшихся здѣсь нашихъ офицеровъ.

На другой день послѣ битвы, русскїе встрѣтились въ Плевнѣ со всѣми ужасами осажденнаго города! сотни умирающихъ съ голода турецкихъ раненыхъ были найдены въ наглухо заколоченныхъ домахъ и въ мечетяхъ, безъ всякой помощи и призрѣнїа. Живые лежали между охладѣвшими уже трупами, безъ возможности утолить голодъ или жажду. Въ теченїи нѣсколькихъ дней никто не заглядывалъ въ эти полныя смрада и смерти дома,

такъ какъ турецкіе доктора давно уже разбѣжались, а Осману-пашѣ было не до раненыхъ. Ни друга ни врага не было вблизи, чтобы облегчить ихъ страданія, и они умирали сотнями. Во многихъ землянкахъ въ городѣ, куда хоронились жители отъ падавшихъ въ городъ гранатъ, были найдены также умершіе отъ голода люди, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлыми семействами, принадлежавшими къ бѣднѣйшему классу населенія. Даже на улицахъ Плевны, въ грязи, валялись по мѣстамъ неубранные раненые турецкіе солдаты и уже умершіе отъ голода жители. Въ теченіи нѣсколькихъ дней наши, съ помощью болгаръ, отдѣляли въ этомъ зачумленномъ городѣ, живыхъ отъ мертвыхъ и свозили послѣднихъ буквально возами въ общія могилы...

Множество турецкихъ раненыхъ, покрывшихъ въ послѣднемъ бою долину р. Вида, также въ теченіи нѣсколькихъ дней оставались неубранными и многіе изъ нихъ испускали послѣдній духъ, прежде чѣмъ успѣла придти къ нимъ помощь отъ русскаго врача или санитаря. Руки не хватало убрать вовремя всю эту массу жертвъ отчаянной попытки Османа-паши, и долго еще надъ долиной Вида стояли стоны умирающихъ и жалобныя просьбы о помощи раненыхъ солдатъ.

Даже здоровымъ туркамъ, сдавшимся въ плѣнъ, пришлось на первыхъ порахъ испытать страшныя лишения. Какъ мы ни были подготовлены къ сдачѣ Плевны, какъ долго ни готовились мы къ приему арміи Османа-паши, но эта сорокатысячная масса голодныхъ ротвъ, безъ достаточно теплой одежды, безъ палатокъ и безъ всякаго продовольствія, все-таки захватила насъ совершенно врасплохъ. Никто не предполагалъ, чтобы Османъ-паша рискнулъ на прорывъ по истощеніи уже всѣхъ продовольственныхъ запасовъ, и потому никто не ожидалъ, что въ наши руки будетъ брошена неожиданно такая масса голодныхъ и оборванныхъ людей. Гдѣ было взять для всей этой несмѣтной толпы хлѣба и одежды, когда за два дня до взятія Плевны сами русскіе и румыны терпѣли недостатокъ въ провіантѣ, благодаря поврежденію моста черезъ Дунай при Никополѣ? Поэтому въ первый день по взятіи нами Плевны туркамъ совершенно нечего было ѣсть, а

на другой день пищу получили только нѣкоторые. Немудрено, что плѣнные умирали десятками.

Чтобы представить себѣ полную картину осажденнаго города, необходимо еще знать, какой видъ имѣли самыя окрестности Плевны. Въ редутахъ, атакованныхъ русскими, все еще лежали сотни непогребенныхъ труповъ. Весь гребень Зеленой горы, долина вокругъ нея и находящійся дальше холмъ, на которомъ были расположены оба редута, взятые послѣ страшныхъ потерь генераломъ Скобелевымъ 30-го августа, были все еще густо усыяны тѣлами русскихъ, павшихъ въ тѣ дни. Нѣкоторые трупы были прикрыты небольшимъ слоемъ земли, но большинство изъ нихъ лежали въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ пали; впрочемъ, не всѣ, такъ какъ собаки поотгрызли руки и ноги у многихъ изъ нихъ, а хищныя птицы порасклевали ихъ головы! Въ болотѣ валялись полусгнившіе трупы. Блѣдныя, исхудалыя руки и ноги торчали всюду изъ земли и страшныя неподвижныя лица выглядывали изъ-за каждаго небольшого углубленія, изъ-за каждаго кустарника...

Не даромъ, кто-то прозвалъ Плевну, въ день ея сдачи, городомъ мертвыхъ!

Но вышеописанными бѣдствіями не окончились страданія плѣнныхъ турокъ. Какой-то злой рокъ долго еще тяготѣлъ надъ ними, точно судьба хотѣла доканать армію Османа-паши за всѣ бѣдствія, причиненныя ею русскимъ войскамъ подъ Плавной. Плѣнныхъ турокъ начали немедленно отправлять небольшими эшелонами въ Россію и чистію въ Румынію; но послѣдніе эшелоны были застигнуты на пути суровою зимою. Внезапно наступившіе морозы сопровождались первые два дня страшною мятелю, наносившею сугробы вышиною въ нѣсколько футовъ. Можно представить себѣ, какъ было въ такую непогоду бѣднымъ турецкимъ плѣннымъ, которые или вовсе не были обуты или обуты плохо, не снабжены зимнею одеждою и большею частью не привыкли къ такой суровой атмосферѣ. Десятки этихъ несчастныхъ замерзали, не смотря на всѣ старанія приставленныхъ къ нимъ солдатъ уменьшить ихъ страданія и братски съ ними дѣлиться. Разъ замерзла партія плѣнныхъ турокъ во сто человекъ. Въ другой разъ замерзъ цѣлый

транспортъ больныхъ, застигнутый въ открытомъ полѣ страшною мятежью и занесенный снѣгомъ. А сколько легло на дорогахъ въ одиночку этихъ плѣнныхъ бѣдняковъ, проходившихъ чрезъ покрытую снѣгами валахскую „пушту!“

Но вернемся къ Плевнѣ. Благодаря энергическимъ мѣрамъ нашихъ начальствующихъ лицъ и заботамъ врачей, городъ скоро былъ приведенъ въ порядокъ. Губернаторомъ его назначенъ былъ генералъ Скобелевъ 2-й, а комендантомъ полковникъ Панютиновъ. Ихъ усиліями въ городѣ были очень скоро изглажены послѣдніе слѣды бывшихъ здѣсь недавно кровавыхъ побоищъ. Впрочемъ, самыя зданія города мало пострадали отъ нашей бомбардировки. Что же касается до турецкихъ земляныхъ укрѣпленій, то эти своеобразныя безчисленныя жилища стояли совершенно какъ бы нетронутыя, но совсѣмъ уже пустыя и никому ненужныя. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ укрѣпленій найдены были массы нашихъ гранатъ вовсе нераззорвавшимися.

И такъ, той Плевны, ужасной памяти „Плевны“ Османа-паши—уже не существовало съ тѣхъ поръ, какъ она вся живьемъ на штыкахъ русскихъ солдатъ была перенесена въ сердце Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ нашъ харьковскій мѣщанинъ спокойно шелъ поглядѣть нагази-Османа, какъ на звѣря, пойманнаго въ клѣтку.

Теперь умѣстно будетъ поставить вопросъ: кому же принадлежитъ заслуга паденія Плевны? Вопросъ этотъ едва ли можно сводить къ чьимъ-либо личнымъ заслугамъ, хотя и несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ многое было сдѣлано генералъ-адъютантомъ графомъ Тотлебенемъ. Даже о заслугахъ отдѣльныхъ воинскихъ частей, дѣйствовавшихъ подъ Плевной, едва ли умѣстно говорить въ вопросѣ о паденіи Плевны, хотя также несомнѣнно, что нашей гвардіи и гренадерамъ выпала въ этомъ случаѣ завидная доля наиболѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Собственно-же „паденіе“ Плевны было общимъ дѣломъ всей нашей дѣйствующей арміи въ Болгаріи. Послѣ несчастныхъ дѣлъ 18-го іюля 30-го августа, Плевна сдѣлалась средоточіемъ всѣхъ нашихъ военныхъ операцій на болгарскомъ театрѣ войны. Она стала центромъ, куда были направлены усилія, собственно говоря, всѣхъ нашихъ отрядовъ въ Болгаріи. Смѣлая операція Руссукскаго отряда Наслѣдника Цесаре-

вича на берегахъ рр. Янтры и Лома, и геройское отстаиваніе арміей генерала Радецкаго Шипкинскаго прохода, — все это совершалось съ одною и тою-же цѣлю и все вело къ одному и тому же результату—къ паденію Плевны. Если послѣ этого и можно говорить о чьихъ-либо заслугахъ, то наибольшая заслуга будетъ принадлежать, конечно, тѣмъ войскамъ, которымъ пришлось вынести наиболѣе ужасныя бѣдствія и отстаивать наиболѣе трудный и опасный для Плевны пунктъ. Въ этомъ случаѣ, наибольшая заслуга принадлежитъ, безъ сомнѣнія, нашимъ шипкинскимъ героямъ, съ генераломъ Радецкимъ во главѣ.

Изъ сказаннаго выше можно уже отчасти заключить, какія неисчислимыя выгоды должно было принести русскимъ паденіе Плевны. Сдача ея не только равнялась уничтоженію многочисленной турецкой арміи и сильно укрѣпленной позиціи, но составляла заключительное дѣйствіе всей турецкой кампаніи 1877-го года и практическое завоеваніе всей Болгаріи на сѣверъ отъ Балкановъ. Турки только номинально уже держались здѣсь и окончательное сверженіе господства ихъ въ этихъ провинціяхъ зависѣло только отъ времени и труда. Теперь у турокъ въ сущности оставалась только одна армія, заключенная въ четырехугольникѣ турецкихъ крѣпостей и не имѣвшая уже возможности угрожать Бѣлѣ, а тѣмъ менѣе Систовскому мосту. Можно было также считать оконченнымъ движеніе Сулеймана-паши къ Тырнову, движеніе, которое теперь не имѣло уже цѣли и было сопряжено съ большой опасностью для него. Теперь этому генералу приходилось позаботиться о безопасности войскъ, посланныхъ имъ подъ Елену. Правда, 30-го ноября, Сулейманъ-паша произвелъ неожиданно новую атаку противъ лѣваго фланга нашего Руссукскаго отряда, въ направленіи къ Систовскому мосту, на Пиргосъ и Мечку, но эта атака, отраженная блистательно, какъ и слѣдовало ожидать, была послѣднею попыткою Сулеймана произвести рѣшительную диверсію въ пользу арміи Османа-паши. Вѣсть объ участи, постигшей послѣдняго, должна была совершенно измѣнить планъ дѣйствій Сулеймана-паши, заставивъ его векорѣ навсегда покинуть четырехугольникъ крѣпостей.

Точно также взятіемъ Плевны положенъ былъ конецъ и наступленію Мегемета-Али-паши, вмѣстѣ

съ тѣмъ и экспедиція генерала Гурко лишилась своей главной цѣли. Теперь задача послѣдняго болѣе уже не состояла въ томъ, чтобы удерживать въ страхѣ Мегметъ-Али-пашу, и корпусъ генерала Гурко, отчасти преобразованный, могъ уже принять участіе въ общемъ наступленіи русскихъ силъ.

Колебанія Сербіи относительно участія въ войнѣ также должны были теперь прекратиться.

Сверхъ того взятіе Плевны окончательно освобождало весь нашъ отрядъ обложенія Плевны, и вся эта масса войскъ могла теперь свободно двинуться на любой пунктъ за Балканами.

Легко было предвидѣть заранѣе направленіе этого движенія: именно пункты—Софія—Адріанополь. Въ теченіи пяти мѣсяцевъ Османъ-паша былъ истиннымъ защитникомъ Адріанополя, къ которому путь теперь, въ сущности, былъ открытъ, и только одна суровая снѣжная зима мѣшала нашей арміи двинуться черезъ Балканы и появиться передъ Адріанополемъ. Но, какъ извѣстно, эта зима не остановила все-таки нашихъ доблестныхъ войскъ.

Словомъ, послѣ паденія Плевны русскіе могли съ гордостью и довѣріемъ оглянуться на походъ, который начался удачною переправою черезъ Дунай, завоеваніемъ Шипкинскаго перевала, и побѣдой подъ Никополею, и который, послѣ періода тяжелыхъ испытаній, привелъ наконецъ къ достославному успѣху подъ Плевною.

Но самымъ важнымъ послѣдствіемъ паденія Плевны было поднятіе духа солдатъ во всѣхъ нашихъ отрядахъ на Балканскомъ театрѣ войны. Всѣ эти герои и духомъ, и тѣломъ, сразу душой и умомъ поняли стратегическое значеніе для нихъ въ паденіи Плевны. Словно по мановенію волшебнаго жезла, вдругъ со всѣхъ спала долго носимая маска сосредоточенной и молчаливой серьезности. Движенія стали развязнѣе, разговоръ оживленнѣе; здѣсь и тамъ по-

слышались удалыя пѣсни. Начальникъ части смягчаетъ свой тонъ, отдавая приказаніе; унтеръ командуетъ съ прибаутками, а солдатики выплясываютъ трепака, согрѣваясь отъ пробирающаго всѣхъ ихъ порядочнаго холода. Въ бесѣдѣ офицеровъ близкія названія—Разграда, Елены, Мечки и Лома—замѣнились болѣе отдаленными—Софіи, Адріанополя и Филиппополя. Въ солдатскихъ кружкахъ слышны были вопросы:

— А что, Михѣичъ, пойдешь что-ль святой Софіи помолиться въ Цареградѣ?

— Неужли-жь нѣтъ?—отвѣчаетъ другой голосъ совершенно увѣреннымъ тономъ.

Одинъ солдатъ очень часто справлялся, нѣтъ-ли ему писемъ съ родины. Всѣ замѣтили, что онъ сильно скучалъ по оставленной имъ въ Россіи зажиточной и многочисленной семьѣ. Небольшая простуда ему дала даже поводъ попроситься на излѣченіе. Пока шелъ о томъ вопросъ—отпустить его или нѣтъ, получается извѣстіе о сдачѣ Плевны. Солдатъ пересталъ ходить въ канцелярію.

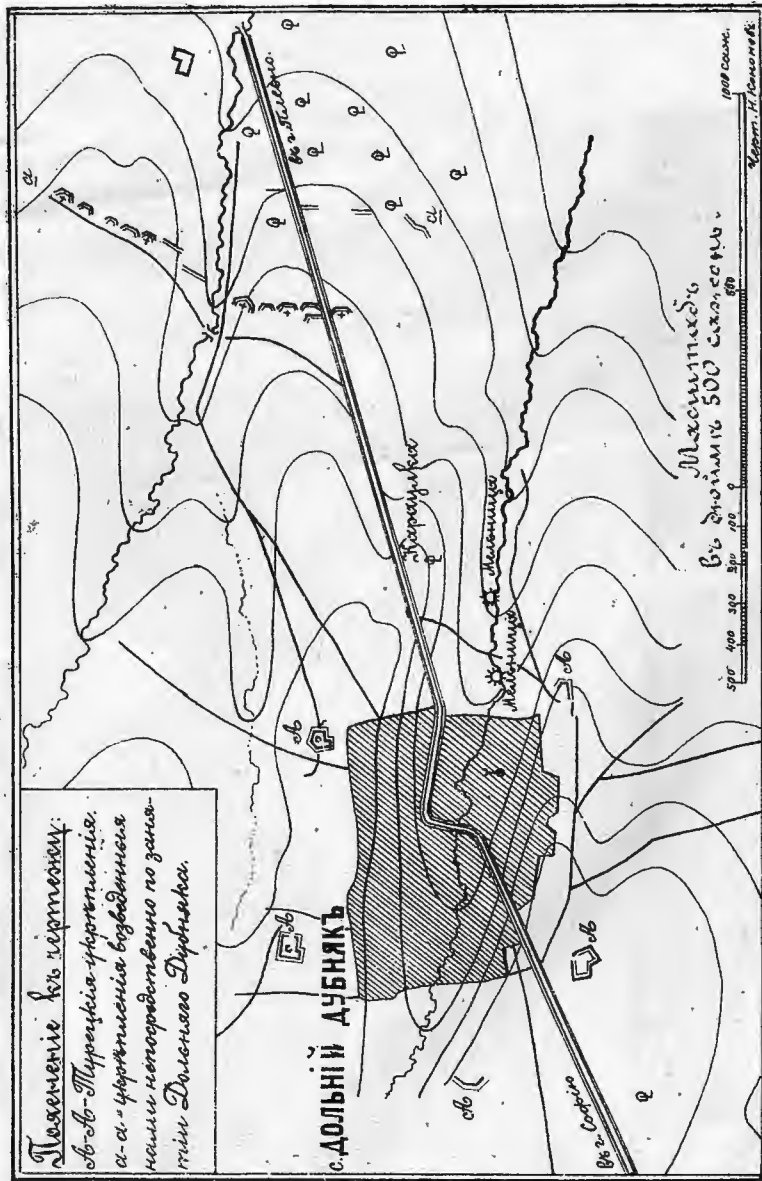
— Что-же ты не хлопочешь, чтобы отпустили?—спрашиваютъ у него.

— Да что-жь теперь уходить-то, ваше благородіе,—отвѣчаетъ онъ:—теперь ужъ недолго осталось, а Царьградъ-то тоже вѣдь повидать хочется; вѣдь я не бусурманъ, а православный, ваше благородіе.

Ничто не можетъ поднять духъ арміи до геройской высоты, какъ сознаніе, что ея инстинктивная мечта близка къ исполненію.

3-го декабря, Государь Императоръ, простившись съ войсками, тихо покинулъ Порадимъ и направился въ Россію.

Войска-же наши приготовлялись къ новымъ подвигамъ, быть можетъ, самымъ труднымъ и славнымъ—къ зимнему походу черезъ неприступныя кручи Балканскихъ горъ.

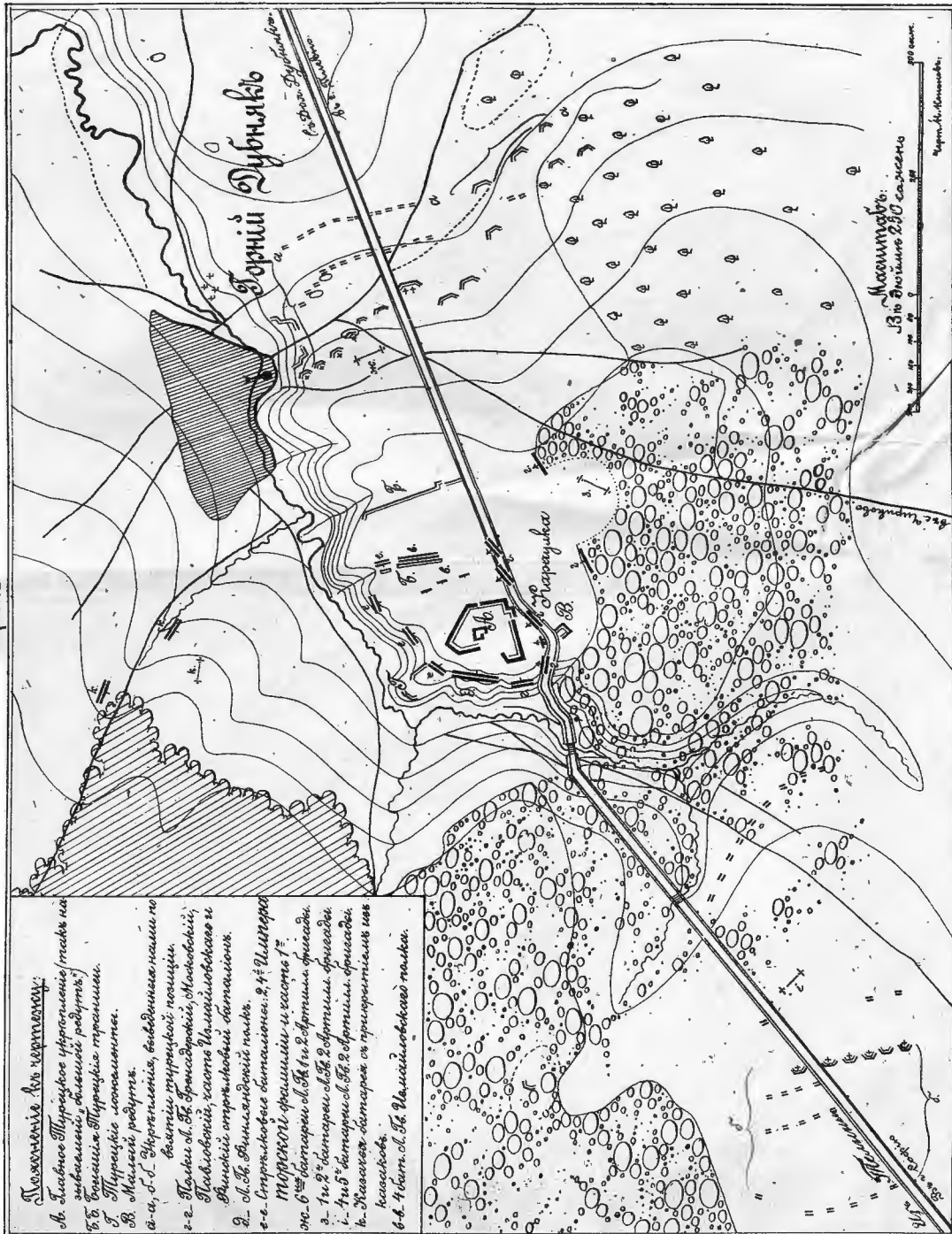
Положеніе въ кіртову:
 в-а - Турецкія фортыфікаціі;
 а-а - фортыфікаціі владимірца
 нами непоробованно по замка-
 тин Доленього Дубняка.

с. ДОЛЬНІЙ ДУБНЯКЪ

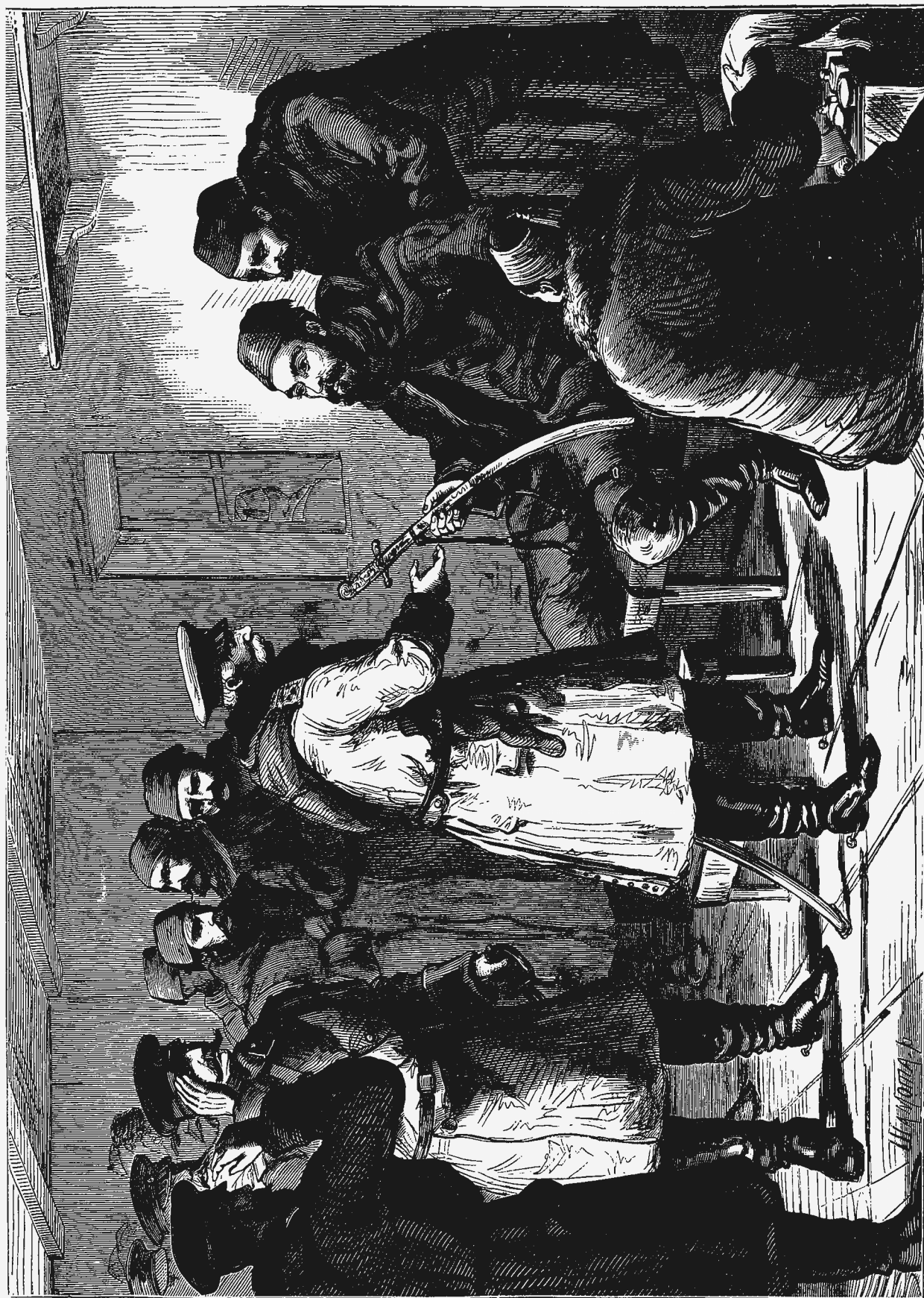
Масштабъ
 въ дюймахъ 500 сажисей

Инт. Д. Я. Мезаова, по Експедиціонн. карт. на у. пол. Водок. к. № 914-71

Черт. I

- Пояснення до черт. I:**
- а. Лавне Штурове укрощення (тавка на з'ясування, військ. робота)
 - б. Висхідний Штурмівський траншея.
 - в. Штурмівський траншея.
 - г. Мисий редут.
 - а-а, б-б. Зернівниця, вивідна наші по вантажній турфакт. позиції.
 - г-г. Пункт об. Ш. Французький, Мисий, Давловський, частини Мисийського та Висхідний стрілецький батальйон.
 - д. об. Ш. Висхідний тавка.
 - е-е. Стрільцьові батальйони: 2, 4, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100.
 - ж. 6^{та} батарея об. Ш. 1-й артил. бригади.
 - з. 1-й^{та} батарея об. Ш. 2-й артил. бригади.
 - и. 4-й^{та} батарея об. Ш. 2-й артил. бригади.
 - к. Мисий батальйон об. Ш. 2-й артил. бригади.
 - л. Мисий батальйон об. Ш. 2-й артил. бригади.
 - м. 4-й бат. об. Ш. Мисийського тавки.
 - н. 6-й бат. об. Ш. Мисийського тавки.

Сдача Османа Паши.

